

Н. М. Языковъ —
студентъ Дерптскаго университета.

СБОРНИКЪ

Учено-Литературнаго

Общества

при

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

Юрьевскомъ Университетѣ.

Томъ XI.

ЮРЬЕВЪ.
Типографія К. Маттисена.
1907.

Печатано по опредѣленію Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Общества:
проф. М. Красноженъ.

Содержаніе.

Отдѣлъ оффиціальный.

Отчетъ о дѣятельности Общества за 1905—1906 г.
I. Засѣданія Общества . . . . . VII.
II. Совѣтъ Общества . . . . . IX.
III. Касса Общества X
IV. Смѣта на 1906--1907 г. . . . . XI.
V. Потоколъ ревизіонной Коммиссіи . . . . . XI.
VI. Заключеніе Совѣта по поводу протокола ревизіонной коммиссіи . . . . . XII.
VII. Отчетъ о состояніи библіотеки Общества . . . . XII.
VIII. Списокъ членовъ Общества . . . . . XIV.
IX. Совѣтъ Общества на 1906–1907 г. . . . . XVIII.

Отдѣлъ научный.

1. Проф. М. Красноженъ. Границы вѣротерпимости . 1—6.
2. Онъ же. Какъ наши предки берегли православную вѣру 7—17.
3. Проф. Евгеній Бобровъ. Къ біографіи Н. М. Языкова *(съ портретомъ Н. М. Языкова)* 18–58
4. Проф. Н. Н. Бѣлявскій. Домашняя прислуга во Франціи и Германіи . . . . . 59—110.
5 С. Богушевскій. Наше денежное обращеніе за послѣдніе три года . . . . . 111–156.
6. Владимиръ Бобровъ. Замѣтки о преподаваніи исторіи въ реальныхъ училищахъ . . . . . 157—178.
7. Проф. В. Алексѣевъ. I. Ф. Гербартъ и его педагогическая система . . . . . 179—232.

Отдѣлъ оффиціальный.

Отчетъ

о дѣятельности Учено-Литературнаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ за 1905—1906 годъ.

I. Засѣданія Общества.

Въ истекшемъ девятомъ году своего существованія Ученo-Литературное Общество, не смотря на весьма тяжелое время переживаемое нашимъ отечествомъ и, въ частности, нашими университетами, продолжало выполнять, по мѣрѣ силъ, свои задачи и посвятило своимъ дѣламъ, кромѣ годичнаго (закрытаго) засѣданія, 2 закрытыхъ и 6 открытыхъ засѣданій.

Въ годичномъ засѣданіи, 15 мая 1905 года, былъ заслушанъ отчетъ о дѣятельности Общества за 1904—1905 годъ, а также отзывъ ревизіонной коммиссіи, состоявшей изъ членовъ Общества: Н. С. Данилова, Н. Я. Кипріановича, И. С. Продана, и было постановлено утвердить этотъ отчетъ и смѣту расходовъ на 1905—1906 годъ, составленную Казначеемъ Общества.

Затѣмъ, въ годичномъ засѣданіи были произведены выборы должностныхъ лицъ Общества на 1905—1906 г., и выбранными оказались слѣдующіе члены Общества: предсѣдателемъ — М. Е. Красноженъ, товарищемъ предсѣдателя — В. К. Мальмбергъ, секретаремъ — В. Г. Алексѣевъ, казначеемъ — Е. А. Гравитъ, членами Совѣта — С. К. Богушевскій, І. І. Змигродскій и И. С. Проданъ, библіотекаремъ — Я. И. Лаутенбахъ.

Къ концу отчетнаго года дѣйствительными членами Общества состоятъ 78 лицъ; въ этомъ числѣ преподавателей:

университета 30, Юрьевскаго ветеринарнаго института 2, другихъ учебныхъ заведеній 28 и другихъ лицъ 18. Дѣйствительныхъ членовъ, живущихъ въ г. Юрьевѣ — 51, въ другихъ городахъ и за границей — 27.

Кромѣ того, три лица состоятъ почетными членами Общества.

Въ первомъ закрытомъ (чрезвычайномъ) засѣданіи (21 мая 1905 г.) было постановлено (25-ю голосами противъ 9-ти) ходатайствовать предъ Министерствомъ объ измѣненіи § 6 Устава Общества въ смыслѣ исключенія изъ него пункта 1, предоставляющаго лицамъ, состоящимъ на учебной службѣ въ Университетѣ, поступать въ члены Общества, безъ баллотировки. Это ходатайство было удовлетворено Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія предложеніемъ отъ 23 іюня 1905 г. за № 11941. (См. предложеніе Г. Попечителя Р. У. О. отъ 8-го іюля 1905 г. за № 5069.)

Во второмъ закрытомъ засѣданіи (23 сентября 1906 г.) были избраны членами ревизіонной коммиссіи: Г. Н. Любимовъ, Г. Л. Трефнеръ и протоіерай А. С. Царевскій.

Въ 6 открытыхъ засѣданіяхъ Общества были сдѣланы 6 сообщеній, и нѣкоторыя изъ этихъ сообщеній подлежали обсужденію какъ со стороны членовъ Общества, такъ и со стороны посѣтителей.

Сообщенія сдѣлали слѣдующіе члены Общества:

1-ое засѣданіе — 15-го мая 1905 г.

І. І. Змигродскій. — О произведеніи Жюля-Верна „Un drame en Livonie“.

Это сообщеніе напечатано въ томѣ X „Сборника“.

2-ое засѣданіе — 12 ноября 1905 г.

И. И. Квачала. — Посланіе Ѳомы Кампанеллы къ Великому Князю Московскому.

3-е засѣданіе — 3 декабря 1905 г.

В Г. Алексѣевъ. — Гольдене Ауэ и Киффгойзеръ, какъ плоды воспитательнаго обученія въ духѣ Коменскаго, Песталоцци и Гербарта.

Это сообщеніе напечатано въ томѣ X „Сборника“.

4-ое засѣданіе — 18 февраля 1906 г.

М. Е. Красноженъ. — Пробѣлы нашей университетской жизни (къ вопросу объ университетской реформѣ). Это сообщеніе напечатано въ томѣ X „Сборника“.

5-ое засѣданіе — 18 марта 1906 г.

І. І. Змигродскій. — Городъ Юрьевъ и Высочайшій манифестъ 14 декабря 1766 года. Это сообщеніе будетъ напечатано въ томѣ XII „Сборника“.

6-ое засѣданіе — 23 сентября 1906 г.

И. С. Проданъ. — Къ теоріи сужденія.

Въ открытыхъ засѣданіяхъ Общества, кромѣ членовъ, бывали и посторонніе посѣтители, также принимавшіе участіе въ обсужденіяхъ докладовъ. Число лицъ, присутствовавшихъ на одномъ засѣданіи, колебалось отъ 15 до 40.

II. Совѣтъ Общества.

Совѣтъ Общества имѣлъ 10 засѣданій: въ 1905 году — 26 мая, 11 сентября, 16 октября, 20 ноября; въ 1906 году — 5 февраля, 5 марта, 19 марта, 26 сентября и 8 октября. Въ этихъ засѣданіяхъ обсуждались вопросы, касающіеся текущихъ нуждъ Общества:

1. Въ видахъ увеличенія средствъ Общества, Совѣтъ входилъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ о субсидіи, и таковая была разрѣшена, въ видѣ единовременнаго пособія въ 500 рублей, на изданіе трудовъ Общества.

2. Совѣтъ принималъ мѣры къ распространенію первыхъ восьми томовъ Сборника отдачей ихъ на коммиссію въ книжные магазины, а также высылкой ихъ въ учебныя заведенія, выписывавшія ихъ для своихъ библіотекъ.

3. Совѣтъ обращался къ разнымъ учрежденіямъ и редакціямъ съ просьбой объ обмѣнѣ изданіями. Такимъ обра-

зомъ Общество получало различные періодическіе журналы и отдѣльныя сочиненія, перечисленные въ этомъ отчетѣ.

4. Для большаго распространенія изданій Общества, Совѣтъ постановилъ напечатать проспекты съ заглавіями всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ первыхъ десяти томахъ Сборника, чтобы разослать ихъ различнымъ учрежденіямъ.

5. Совѣтъ исполнялъ возложенное на него порученіе Общества завѣдывать печатаніемъ трудовъ Общества въ издаваемомъ имъ Сборникѣ. Въ концѣ прошлаго г. былъ выпущенъ IX томъ Сборника, а въ 1906 г. окончено печатаніе X-го тома Сборника.

III. Касса Общества.

за время съ 7 мая 1905 г. по 5 октября 1906 г.

Приходъ:

Осталось въ кассѣ къ 7 мая 1905 г. . .	965	руб.	18 коп.
Поступило въ 1905/6 году:			
членскихъ взносовъ	57	„	— „
отъ продажи „Сборника“	22	„	— „
„ Министерства Народн. Просв. . .	500	„	— „
% по сберегательной книжкѣ . . .	20	„	36 „
Итого	1564	руб.	54 коп.

Расходъ:

На печатаніе т. IX „Сборника“	452	руб.	77 коп.
„ „ т. X „Сборника“	379	„	67 „
„ брошюровку и переплетъ	51	„	90 „
„ публикаціи	14	„	94 „
„ канцелярскіе, почтовые и др. расходы.	36	„	— „
Итого	935	руб.	28 коп.
Къ 5 октября 1906 осталось въ кассѣ	629	„	26 „
Балансъ	1564	руб.	54 коп.

г. Юрьевъ, 5 октября 1906 г.

Казначей Общества Е. Гравитъ.

IV. Смѣта на 1906/7 годъ.

Приходъ:

Остатокъ отъ предыдущаго 1905 6 г. .	629	руб.	26 коп.
Членскіе взносы	90	„	— „
Отъ продажи „Сборниковъ“	50	„	— „
„ Правленія Университета	350	„	— „
% по сберегательной книжкѣ	18	„	74 „
Итого	1138	руб.	— коп.

Расходъ:

За печатаніе Сборниковъ 1906/7 г. г. . .	900	руб.	— коп.
„ брошюровку и переплетъ	150	„	— „
„ публикаціи	50	„	— „
„ библіотеку Общества	200	„	— „
„ канцелярскіе, почтовые и др. расходы (чай)	150	„	— „
Итого	1450	руб.	— коп.

г. Юрьевъ, 5 октября 1906 г.

Казначей Общества Е. Гравитъ.

По постановленію общаго собранія, внесено 15 октября 1906 г. въ смѣту на 1906/7 г. 160 рублей для вознагражденія тѣхъ авторовъ статей, помѣщаемыхъ въ сборникахъ, которые не пожелаютъ взять 300 экз. отдѣльныхъ оттисковъ.

15 октября 1906 г.

Казначей Общества Е. Гравитъ.

V. Протоколъ засѣданія

ревизіонной коммиссіи Учено-Литературнаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ 5 октября 1906 года.

1906 года октября 5-го дня ревизіонная коммиссія разсмотрѣла и провѣрила всѣ документы по кассѣ, а равно и состояніе кассы Учено-Литературнаго Общества, и нашла, что

всѣ книги и отчетность по кассѣ ведутся согласно уставу Общества, въ надлежащемъ порядкѣ и исправности. Все имущество Общества ревизіонная коммиссія нашла въ цѣлости и сохранности. Веденіе книгъ секретаремъ и библіотекаремъ коммиссія признала вполнѣ правильнымъ. Согласно документамъ, въ кассѣ Общества оказалось по приходу 1564 руб. 54 коп., по расходу 935 руб. 28 коп.; остатокъ 629 руб. 26 коп. Изъ нихъ хранятся въ Государственной Сберегательной Кассѣ 614 руб. 21 коп., остальные 15 руб. 5 коп. на рукахъ у г. кассира. (Книга Государственной Сберегательной Кассы при Юрьевскомъ Казначействѣ имѣется за № 29343.) Деньги 200 руб., ассигнованныя по смѣтѣ 1905/6 года на библіотеку, не израсходованы.

Члены ревизіонной коммиссіи:

Прот. А. Царевскій.
Г. Любимовъ.
Г. Трефнеръ.

VI. Заключеніе

Совѣта Учено-Литературнаго Общества по поводу протокола ревизіонной коммиссіи.

Постановлено Совѣтомъ представить протоколъ ревизіонной коммиссіи общему собранію.

VII. Отчетъ

о состояніи библіотеки Общества.

Къ 5 октября 1906 г. въ библіотекѣ Учено-Литературнаго Общества состояло:

Книгъ 55 названій въ 72 т.

Брошюръ и отдѣльныхъ оттисковъ 84 названія въ 84 экземплярахъ.

Энциклопедическій словарь 79 т.

Періодическихъ изданій и сборниковъ въ 392 №№.

Въ отчетномъ году было выдано 19 книгъ.

Въ 1905/6 году въ библіотеку Общества поступили слѣдующія книги:

И. И. Василевъ. Археологическій Указатель г. Пскова и его окрестностей. СБП. 1898.

К. Г. Евлентьевъ. Палата Поганкина въ Псковѣ. Псков. 1902.

Я. Лаутенбахъ. По поводу статьи о латышской этнографіи (Ср. Журн. М. Н. Просв. Августъ 1905 г.).

Новгородскій Музей Древностей. 1903 г.

Обзоръ Эстляндской Губерніи за 1904 г. Ревель. 1905 г.

Отчетъ Харьковской Общественной Библіотеки за 18-й годъ ея существованія. 1904 г.

Памятная книжка и Адресъ-Календарь Лифляндской Губерніи на 1906 г.

Д-ръ В. Циммерманъ. Исторія Крестьянской Войны въ Германіи. СБП. 1865 г. и 1868 г.

Періодическія изданія:

Варшавскія Университетскія Извѣстія.

Временникъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Записки Общества Исторіи, Филологіи и Права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ.

Извѣстія Русскаго Собранія.

Кіевскія Университетскія Извѣстія.

Le Monde Oriental. Arhives pour l'histoire et l'ethnographie, les langues et littératures, religions et traditions de l'Europe orientale et de l'Asie.

Мирный Трудъ.

Московскій Литературно-Художественный Кружокъ.

Научно-Литературный Сборникъ. Повременное изд. „Галицко-русской Матицы“ въ Львовѣ.

Skrifter utgiena af Kongl. Humanistika Vetenskaps Samfundet i Uppsala.

Труды Кіевской Духовной Академіи.

Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.

VIII. Списокъ

членовъ Общества.*)

Почетные члены:

1. *Будиловичъ, Антонъ Семеновичъ, членъ Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія (д. членомъ Общества состоитъ съ 27 апрѣля 1897 г., почетнымъ — съ 27 мая 1901 г.).
1. *Никитскій, Александръ Васильевичъ, ординарный профессоръ Московскаго Университета (д. членомъ Общества состоитъ съ 27 апрѣля 1897 г., почетнымъ — со 2 марта 1902 г.).
3. *Князь Голицынъ, Димитрій Петровичъ, Товарищъ Главноуправляющаго Канцеляріей Его Величества по учрежденіямъ Императрицы Маріи. (съ 23 октября 1904 г.).

Дѣйствительные члены:

1. *Александровъ, Николай Александровичъ, профессоръ Томскаго университета (съ 20 окт. 1897 г.).
2. Алексѣевъ, Виссаріонъ Григорьевичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
3. *Ардашевъ, Павелъ Николаевичъ, профессоръ университета св. Владиміра (съ 24 ноября 1901 г.).
4. Афанасьевъ, Вячеславъ Алексѣевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
5. Бабановъ, Захарій Григорьевичъ, Юрьевскій отдѣльный цензоръ (съ 1 мая 1904 г.).
6. *Бауэръ, Генрихъ Фридриховичъ, преподаватель гимназіи (съ 8 декабря 1901 г.).
7. *Бердниковъ, Илья Степановичъ, заслуженный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета и Казанской духовной академіи (съ 10 мая 1898 г.).
8. Богушевская, Людмила Сергѣевна, жена профессора университета (съ 23 октября 1897 г.).
9. Богушевскій, Сергѣй Казиміровичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).

*) Звѣздочкой обозначены г г. иногородніе члены.

10. Бояриновъ, Порфирій Ивановичъ, директоръ реальнаго училища (со 2 апрѣля 1905 г.).
11. Бѣлявскій, Николай Николаевичъ, профессоръ университета (съ 23 октября 1897 г.).
12. Вознесенскій, Василій Гавриловичъ, бывшій помощникъ инспектора студентовъ Ю. у. (съ 26 октября 1902 г.).
13. *Ганзеръ, Мартынъ Антоновичъ, инспекторъ народныхъ училищъ (съ 26 августа 1898 г.).
14. Гаппихъ, Карлъ Карловичъ, профессоръ Юрьевскаго ветеринарнаго института (съ 29 мая 1899 г.).
15. Головинъ, Викторъ Михайловичъ, предсѣдатель Съѣзда мировыхъ судей въ Юрьевѣ (съ 8 декабря 1901 г.).
16. Граве, Платонъ Платоновичъ, профессоръ университета (съ 14 ноября 1904 г.).
17. Гравитъ, Ермолай Ананьевичъ, завѣдывающій общежитіемъ студентовъ Ю. у. (съ 29 января 1898 г.).
18. *Грёдингеръ, Михаилъ Іосифовичъ, мировой судья въ г. Ригѣ (съ 29 ноября 1903 г.).
19. Грунскій, Николай Кузьмичъ, доцентъ университета (съ 15 ноября 1903 г.).
20. *Дависъ, Иванъ Ивановичъ, преподаватель городского училища (съ 22 октября 1898 г.).
21. *Данилевичъ, Василій Ефимовичъ, учитель реальнаго училища (съ 23 октября 1897 г.).
22. *Даниловъ, Николай Семеновичъ, капитанъ, преподаватель кадетскаго корпуса (съ 26 октября 1902 г.).
23. *Дружининъ, Михаилъ Ивановичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
24. *Жадановскій, Николай Ивановичъ, преподаватель (съ 5 октября 1902 г.).
25. *Заицъ, Василій Осиповичъ, инспекторъ Александровской гимназіи въ Ревелѣ (съ 26 марта 1898 г.).
26. Зачинскій, Адамъ Францовичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
27. Зеленинъ, Дмитрій Константиновичъ (съ 23 октября 1904 г.).
28. Змигродскій, Іосифъ Іосифовичъ, бывшій преподаватель гимназіи (со 2 марта 1902 г.).
29. Золотаревъ, Дмитрій Николаевичъ, преподаватель гимназіи (съ 29 мая 1899 г.).

30. *Ивановъ, Николай Ивановичъ, директоръ Александровской гимназіи въ Ревелѣ (съ 19 декабря 1897 г.).
31. Игнатовскій, Афанасій Сергѣевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
32. *Калининъ, Иванъ Петровичъ, инженеръ Путей Сообщенія, преподаватель въ институтѣ П. С. (съ 1 мая 1904 г.).
33. Кима, Густавъ Карловичъ, учитель начальнаго городского училища (съ 29 мая 1899 г.).
34. Кипріановичъ, Николай Яковлевичъ, инспекторъ Юрьевской гимназіи (съ 10 мая 1898 г.).
35. Кондаковъ, Иванъ Лаврентьевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
36. Коричъ, Иванъ Петровичъ, учитель Юрьевскаго начальнаго училища (съ 19 мая 1900 г.).
37. Красноженъ, Михаилъ Егоровичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
38. Крашенинниковъ, Михаилъ Никитичъ, профессоръ университета (съ 5 марта 1898 г.).
39. *Кузнецовъ, Степанъ Васильевичъ, окружной инспекторъ Оренбургскаго учебнаго округа (съ 15 декабря 1901 г.).
40. Курчинскій, Василій Палладіевичъ, профессоръ университета (съ 13 октября 1897 г.).
41. Лавровъ, Давидъ Мелитоновичъ, профессоръ университета (съ 7 мая 1905 г.).
42. Лаутенбахъ, Яковъ Инджевичъ, лекторъ и приватъ-доцентъ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
43. Любимовъ, Григорій Николаевичъ, преподаватель реальнаго училища (съ 23 октября 1904 г.).
44. Мальмбергъ, Владиміръ Константиновичъ, профессоръ университета (съ 23 октября 1897 г.).
45. *Матвѣевъ, Николай Захаровичъ, преподаватель Николаевской гимназіи въ Ригѣ (съ 30 сентября 1899 г.).
46. Нарускъ, Фрицъ Густавовичъ, учитель начальнаго городского училища (съ 18 марта 1899 г.).
47. Невзоровъ, Александръ Серафимовичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
48. Неготинъ, Яковъ Кузьмичъ, доцентъ Юрьевскаго ветеринарнаго института (съ 22 октября 1898 г.).
49. *Николаевскій, Александръ Васильевичъ, протоіерей посольской церкви въ Вѣнѣ (съ 23 октября 1897 г.).

50. Озе, Яковъ Фридриховичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
51. Поляковъ, Петръ Андреевичъ, профессоръ университета (съ 24 февраля 1904 г.).
52. Проданъ, Исидоръ Савичъ, учитель гимназіи (съ 30 сентября 1899 г.).
53. Пѣтуховъ, Евгеній Вячеславовичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
54. Рейникъ, Мартынъ Діонисіевичъ, учитель начальнаго городского училища (съ 18 марта 1899 г.).
55. Ростовцевъ, Михаилъ Ивановичъ, профессоръ университета (съ 7 мая 1905 г.).
56. Сахаровъ, Иванъ Ильичъ, учитель гимназіи (съ 30 сентября 1899 г.).
57. Свѣчниковъ, Петръ Николаевичъ, инспекторъ народныхъ училищъ Юрьевскаго уѣзда (съ 26 октября 1902 г.).
58. *Семеновъ, Николай Михайловичъ, завѣдывающій городскимъ училищемъ (съ 16 мая 1900 г.).
59. *Скрябинъ, Николай Александровичъ, инспекторъ Николаевской гимназіи въ Ревелѣ (съ 29 января 1898 г.).
60. Срезневскій, Борисъ Измаиловичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
61. Столяровъ, Михаилъ Николаевичъ, наставникъ Юрьевской учительской семинаріи (съ 5 марта 1898 г.).
62. Томсонъ, Арведъ Ивановичъ, доцентъ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
63. Трефнеръ, Гуго Людвиговичъ, директоръ частной гимназіи въ г. Юрьевѣ (съ 26 марта 1898 г.).
64. Третьяковъ, Михаилъ Константиновичъ, наставникъ Юрьевской учительской семинаріи (съ 26 октября 1902 г.).
65. *Троицкій, Алексѣй Николаевичъ, учитель гимназіи (съ 16 мая 1900 г.).
66. Тростниковъ, Михаилъ Адріановичъ, инспекторъ народныхъ училищъ Юрьевскаго уѣзда (съ 1 мая 1904 г.).
67. *Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ, секретарь Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества (съ 30 октября 1899 г.).
68. *Хвольсонъ, Владиміръ Даниловичъ, присяжный повѣренный въ СПБ-гѣ (съ 30 октября 1899 г.).
69. Царевскій, Арсеній Семеновичъ, протоіерей, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).

70. *Цвѣтковъ, Александръ Феофиловичъ, преподаватель гимназіи (26 октября 1902 г.).
71. *Черноусовъ, Евгеній Александровичъ, учитель реальнаго училища (съ 23 октября 1897 г.).
72. *Чирвинскій, Станиславъ Іосифовичъ, профессоръ Московскаго университета (съ 5 марта 1898 г.).
73. Шалландъ, Левъ Адамировичъ, профессоръ университета (съ 7 мая 1905 г.).
74. *Шаталовъ, Иванъ Лонгиновичъ, инспекторъ народныхъ училищъ, (съ 23 октября 1897 г.).
75. *Шаталовъ, Трофимъ Лонгиновичъ, учитель коммерческаго училища (съ 18 марта 1899 г.).
76. Широкогоровъ, Иванъ Ивановичъ, врачъ (съ 29 ноября 1903 г.).
77. Юркатамъ, Иванъ Алексѣевичъ, учитель начальнаго при учительской семинаріи училища (съ 22 октября 1898 г.).
78. Ясинскій, Антонъ Никитичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).

IX. Совѣтъ Общества на 1906/7 г.

(избранъ въ годичномъ засѣданіи 15 октября 1906 г.)

Предсѣдатель — М. Е. Красноженъ.
Товарищъ Предсѣдателя — В. Г. Алексѣевъ.
Секретарь — С. К. Богушевскій.
Казначей — Е. А. Гравитъ.
Члены Совѣта: И. И. Бѣлявскій, І. І. Змигродскій, Г. И. Любимовъ.
Библіотекарь — Я. И. Лаутенбахъ.

Отдѣлъ научный.

Границы вѣротерпимости.

„*Вся искушающе, добрая держите*“ (I Θессал. V, 21).

„*Если кто скажетъ тебѣ: ту и другую вѣру далъ Богъ, — ты отвѣчай: развѣ Богъ двоевѣренъ? Не слышишь ли, что сказано: единъ Богъ, едина вѣра, едино крещеніе? И не сказалъ ли ап. Павелъ: аще и Ангелъ благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ*“ [1]).

Высочайшій указъ отъ 17 апрѣля 1905 года на имя Правительствующаго Сената „объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости“ встрѣченъ былъ на Руси сочувственно [2]). Иначе не могло быть.

---

1) Изъ посланія преп. Ѳеодосія Печерскаго къ вел. князю Изяславу. Макарій. Исторія русской Церкви. Т. II, стр. 136.

2) Г. Л. Писаревъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ (1905 г., май, стр. 166) пишетъ: „Просматривая мнѣнія печати, высказанныя по поводу указа о вѣротерпимости, нужно отмѣтить общій тонъ одобренія, съ какимъ относятся къ нему не только представители свѣтской, но и духовной прессы. Даже оффиціальный синодскій органъ „Церковныя Вѣдомости“, помѣстившій статью (№ 19) профессора Юрьевскаго университета М. Красножена, очевидно, раздѣляетъ общее сочувствіе идеѣ вѣротерпимости, объявленной въ Высочайшемъ указѣ 17 апрѣля.

Намъ кажется непонятнымъ какъ бы нѣкоторое удивленіе Г. Л. Писарева по поводу того, что даже оффиціальный синодскій органъ „Церковныя Вѣдомости“ раздѣляетъ общее сочувствіе идеѣ вѣротерпимости, объявленной въ Высочайшемъ указѣ“. Развѣ истина боится свѣта?

Къ сожалѣнію, уже теперь мы видимъ, какою опасностью, послѣ изданія Высочайшаго указа 17 апрѣля, угрожаетъ Православію воинствующій католицизмъ въ западныхъ губерніяхъ Россіи и протестантизмъ въ Прибалтійскомъ краѣ. На это указываетъ не только русская, но иностранная печать („Ind. Belge“, „Neue Freie

Русскій народъ искони вѣковъ отличался рѣдкою вѣротерпимостью къ иновѣрцамъ. Изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ объ этомъ мы приведемъ слова извѣстнаго Олеарія, посѣтившаго Россію въ первой половинѣ XVII столѣтія: „Не слышно, говоритъ онъ, чтобы русскіе насильно обращали кого въ свою вѣру; напротивъ, каждому они предоставляютъ свободу совѣсти, хотя бы это были ихъ подданные или рабы“. Изъ историческихъ фактовъ, во множествѣ свидѣтельствующихъ о справедливости сказаннаго, укажемъ нѣкоторые.

Когда, при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, опредѣлялись права завоеванныхъ нами сѣверо-западныхъ областей, то сдавшимся жителямъ Дерпта (нынѣ, по-старому, Юрьева) было, между прочимъ, объявлено (въ іюлѣ 1558 года): „граждане Дерптскіе остаются при своей религіи Аугсбургскаго исповѣданія безъ всякихъ перемѣнъ и не будутъ принуждаемы отступить отъ нея; церкви ихъ со всѣми принадлежностями остаются, какъ были, равно какъ и школы ихъ“.

Приведенный историческій фактъ тѣмъ замѣчательнѣе, что въ то время, когда русскіе съ такою вѣротерпимостію относились къ покореннымъ иновѣрцамъ, Западъ переживалъ самыя ожесточенныя войны съ ихъ спутниками: огуль-

---

Presse“ и др.). Варшавскій генералъ-губернаторъ вынужденъ былъ, для успокоенія русскаго народа, издать даже особое оповѣщеніе, въ которомъ онъ, предостерегая русскихъ отъ нелѣпыхъ слуховъ, говоритъ однако, что, въ цѣляхъ совращенія въ католическую вѣру, отпадшіе отъ Православія обращаются къ подговорамъ, насмѣшкамъ, угрозамъ и насиліямъ. О цѣломъ рядѣ грубыхъ насилій надъ православными сообщается, какъ о дѣйствительныхъ фактахъ, въ нѣсколькихъ нумерахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (см., напр., въ №№ 187 и 188, отъ 11 и 12 іюля, статью „Польская пропаганда“). Изъ Вильны пишутъ, что 11 марта 1906 года католическій епископъ сообщилъ губернскому правленію списки лицъ, перешедшихъ, на основаніи указа о вѣротерпимости, въ католичество; таковыхъ оказалось болѣе 20,000 человѣкъ. Такимъ образомъ свобода совѣсти обратилась въ свободу совращенія православныхъ въ католичество. Неопровержимые факты насилій католиковъ надъ православными отмѣчаются въ каждомъ изъ вышедшихъ до сего времени нумеровъ (№№ 1, 2, 3 и 4) новой газеты: „Окраины Россіи“.

нымъ сожженіемъ протестантскихъ книгъ и храмовъ, „Варѳоломеевскою ночью“ и ауто-да-фе.

Далѣе, когда (30 августа 1722 года) былъ заключенъ между Россіей и Швеціей Ништадтскій мирный трактатъ, по которому Швеція уступила Россіи всѣ свои права на Лифляндію, Эстляндію и островъ Эзель, всѣмъ жителямъ вновь присоединенныхъ къ Россіи земель оставлены права, привиллегіи, обыкновенія и преимущества, которыми они пользовались при Шведскомъ правительствѣ; въ частности, относительно дѣлъ религіозныхъ, постановлено (статья 10): „въ уступленныхъ земляхъ не имѣетъ быть введено принужденіе въ совѣсти, а напротивъ того, евангелическая вѣра, церкви и училища, и что къ тому принадлежитъ на томъ основаніи, на которомъ при послѣднемъ Свѣйскомъ правительствѣ были, оставлены и содержаны будутъ, съ тѣмъ однако-жъ, чтобы въ нихъ и вѣра греческаго исповѣданія впредь также свободно и безъ всякаго помѣшательства могла быть отправляема“.

Побѣдитель оставляетъ такимъ образомъ побѣжденнымъ полную свободу въ дѣлахъ религіозныхъ и лишь выговариваетъ такую же свободу въ отправленіи вѣры греческаго исповѣданія во вновь пріобрѣтенныхъ областяхъ самому себѣ.

Въ царствованіе императрицы Екатерины II-й въ основаніе отношеній правительства къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ Имперіи положено было самое широкое начало вѣротерпимости. „Въ столь великомъ государствѣ, — говорилось въ „Наказѣ“ Екатерины, — распространяющемъ свое владѣніе надъ столь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойствія и безопасности былъ бы порокъ — запрещеніе ихъ различныхъ вѣръ“.

Въ 1773 году, въ одномъ указѣ Святѣйшему Сѵноду, императрица внушала: „какъ Всевышній Богъ на землѣ терпитъ всѣ вѣры, языки и исповѣданія, то и Ея Величество изъ тѣхъ же правилъ, сходствуя Его святой волѣ, въ семъ поступать изволитъ, желая только, чтобы между ея подданными всегда любовь и согласіе царствовали“.

„Ученіе Спасителя, — говорится въ указѣ императора Александра I (1816 года), — пришедшаго на землю взыскать и спасти погибшаго, не можетъ быть внушаемо насиліями и казнями; истинная вѣра пораждается благодатію Господнею, чрезъ убѣжденіе, кротостію и болѣе всего добрыми примѣрами, жестокость же не убѣждаетъ, но паче ожесточаетъ".

Въ самое послѣднее время, по всеподданнѣйшему докладу Сѵнодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ составленныхъ Святѣйшимъ Сѵнодомъ правилъ для руководства при разсмотрѣніи и разрѣшеніи вѣроисповѣдныхъ дѣлъ о бывшихъ греко-уніатахъ Холмско-Варшавской епархіи, Государь Императоръ, во 2-й день іюля 1898 года, Высочайше соизволилъ, одобривъ эти правила, Собственноручно начертать на нихъ слѣдующія знаменательныя слова: „Надѣюсь, что эти правила удовлетворятъ всѣмъ справедливымъ требованіямъ и предотвратятъ всякую смуту, разсѣиваемую въ народѣ врагами Россіи и Православія. Поляки безвозбранно да чтутъ Господа Бога по латинскому обряду; русскіе же люди искони были и будутъ православными, и вмѣстѣ съ Царемъ и Царицей, выше всего чтутъ и любятъ Православную Церковь" [1]).

И дѣйствительно, всякое христіанское государство обязано уважать основанную на сущности вѣры свободу совѣсти и религіи своихъ подданныхъ; однако, принципъ христіанской терпимости отнюдь не требуетъ и равнаго отношенія государства ко всѣмъ признаннымъ и терпимымъ имъ обществамъ.

---

1) Многіе другіе примѣры приведены въ моемъ изслѣдованіи: „Иновѣрцы на Руси. Къ вопросу о свободѣ вѣры и о вѣротерпимости". Юрьевъ, 1903 г., 3-е изданіе. (Особый Отдѣлъ Ученаго Комитета Народнаго Просвѣщенія, разсмотрѣвъ отношеніе Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сѵнодѣ съ отзывомъ о настоящей книгѣ, опредѣлилъ: „допустить ее въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки").

Хотя религія есть дѣло совѣсти, дѣло внутренняго человѣка, но нельзя забывать, что религіозное міровоззрѣніе такъ охватываетъ всего человѣка, такъ сливается съ его общимъ міровоззрѣніемъ, съ его научными и жизненными интересами, что правила религіозныя весьма часто становятся, вмѣстѣ съ тѣмъ, главными правилами общественной и индивидуальной дѣятельности человѣка, а потому государство не можетъ относиться безразлично не только къ тѣмъ вѣроученіямъ, которыя въ ихъ внѣшнемъ проявленіи, въ ихъ культѣ, представляются несовмѣстимыми съ государственною моралью (скопчество, мормонство), но и съ тѣми, которыя въ ихъ принципахъ и положеніяхъ идутъ въ разрѣзъ съ охраняемыми государствомъ принципами моральнаго и общественнаго порядка [1]).

Справедливость требуетъ, чтобы каждый получалъ свое, насколько это соединимо съ представляемою государствомъ истиной: принципъ справедливости не есть принципъ абсолютнаго равенства! Христіанская терпимость не есть равнодушіе къ своей истинѣ и къ чужимъ религіознымъ заблужденіямъ [2]).

Въ области личнаго религіознаго убѣжденія государство должно гарантировать полную свободу совѣсти и не можетъ дѣйствовать въ этой области ни мечомъ, ни тюрьмой, ни лишеніемъ гражданскихъ правъ. „Мы, по дарованной намъ отъ Всевышняго власти, совѣсти человѣческой приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей“, говоритъ великій Преобразователь Россіи [3]).

Но отъ свободы личнаго исповѣданія должно отличать свободу религіознаго соединенія, публичнаго культа, образо-

---

1) „Уголовное Уложеніе, — Проэктъ редакціонной комиссіи и объясненія къ нему“. СПБ. 1897 г. Т. IV, стр. 105.

2) Dr. August Wilhelm Dieckhoff. Staat und Kirche. Leipzig. 1872, стр. 27—29.

3) Манифестъ императора Петра Великаго 16 апрѣля 1702 года, пунктъ 2. Полное собраніе законовъ. Т. IV. № 1910.

ванія религіозныхъ обществъ; безграничная и безусловная свобода подобныхъ соединеній уже переходитъ границы требованія христіанской вѣротерпимости; такихъ публичныхъ религіозныхъ обществъ государство не можетъ оставить безъ своего надзора и регламентаціи [1]).

Въ свою очередь, и Церковь, признавая принадлежность къ ней необходимою для спасенія, не можетъ относиться къ другимъ религіознымъ обществамъ равнодушно и допускать безразличіе (индифферентизмъ) въ дѣлахъ вѣры, а также не можетъ допустить свободнаго выхода изъ своего состава и перехода въ другое религіозное общество. Такой переходъ и даже совершенный выходъ изъ церки, безъ присоединенія къ другому религіозному обществу, даже право „ни во что не вѣрить", признаетъ на Западѣ государство, но никогда не признавала ни одна христіанская церковь. Справедливо замѣчаютъ даже поклонники новаго государства, что религіозная терпимость, проистекающая изъ безразличія къ дѣлу религіи, находится въ близкомъ родствѣ съ преслѣдованіемъ, — что индифферентизмъ есть самая опасная форма враждебности религіи [2]).

---

1) Friedrich Julius Stahl. Ueber christliche Toleranz. Berlin.
2) Профессоръ И. С. Бердниковъ. Новое государство въ его отношеніи къ религіи. Казань 1888 г., стр. 69.

М. Красноженъ.

Какъ наши предки берегли православную вѣру[1]).

„Дочка! памятуй Бога, да наше родство, да нашъ наказъ: держи свой Греческій законъ во всемъ крѣпко и хотя бы тебѣ пришлось за вѣру и до крови пострадать, — пострадай“. (Завѣт. вел. князя Іоанна III Васильевича его дочери Еленѣ).

Въ наши дни колебанія всѣхъ основъ, религіозной, общественной и семейной жизни и полнаго равнодушія къ православной вѣрѣ и православной церкви большимъ утѣшеніемъ можетъ служить обращеніе къ исторіи прошлаго многострадальнаго русскаго народа. Примѣры изъ исторіи этого прошлаго нашихъ предковъ лучше всего могутъ свидѣтельствовать о томъ, какъ много обязано наше отечество своимъ величіемъ любви и преданности ихъ православію. Не даромъ же прежняя Русь называла себя „святою Русью“. И дѣйствительно, предки наши были необычайно привержены къ своей православной вѣрѣ и считали только ее одну истинно-христіанскою и лучшею изъ всѣхъ вѣръ[2]). Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный въ своемъ духовномъ

---

1) Прочитано въ общемъ собраніи Учено-Литературнаго Общества 15-го октября 1906 г.

2) Напримѣръ, Герберштейнъ говоритъ: „Московиты хвалятся, что они одни только христіане, а насъ осуждаютъ, какъ отступниковъ отъ первобытной церкви и древнихъ св. установленій“. (Записки о Московіи, стр. 68). Флетчеръ: „они отдаютъ предпочтеніе своей церкви предъ всѣми прочими, утверждая, что у нихъ сохраняются самыя истинныя и справедливыя преданія, сообщенныя апостолами греческой церкви, а отъ нея полученныя ими“. (О госуд. русскомъ, гл. 23. стр. 86. Макарій т. VIII, 309—310, прим.)

завѣщаніи (сочиненномъ около 1572 г.), между прочимъ, писалъ: „Вѣру къ Богу тверду и непостыдну держите, и научитеся Божественныхъ догматовъ, како вѣровати и како Богу угодное творити, то всего больше. Знайте православную вѣру, крѣпко за нее страждите и до смерти". Непоколебимую стойкость православныхъ къ своей вѣрѣ прекрасно характеризуетъ Гербиній: „измучьте русскихъ 100, умертвите 1000, и изъ нихъ едва одинъ отпадетъ отъ вѣры своихъ отцовъ" [1]). Насколько Русь берегла свою православную вѣру, видно, между прочимъ, изъ того, что въ смутное время, когда единственное спасеніе Россіи стали видѣть въ избраніи на русскій престолъ сына польскаго короля Сигизмунда — королевича Владислава, въ переговорахъ своихъ съ поляками русскіе послы не думали домогаться какихъ-либо политическихъ вольностей, или же подтвержденія сословныхъ правъ, а всѣ усилія свои склоняли къ тому, чтобы Владиславъ принялъ греческую вѣру, обязался сохранять свято православіе, оберегать и умножать церкви и монастыри, принять помазаніе на царство отъ патріарха; говорятъ, что Салтыковъ заплакалъ, когда сталъ просить короля о сохраненіи греческой вѣры [2]).

Православіе русскаго государя всегда было непремѣннымъ условіемъ полученія престола, чему доказательствомъ можетъ служить, между прочимъ, тотъ фактъ, что въ то-же смутное время, идя на спасеніе Москвы и узнавъ, что шведы стоятъ подъ Тихвиномъ, князь Пожарскій и Мининъ „не хотяху видѣти православной вѣры въ латынствѣ", вошли въ сношеніе съ новгородцами и согласились призвать на престолъ Филиппа, брата короля шведскаго Густава Адольфа (род. въ 1601 г. въ Ревелѣ, умеръ въ 1622 г.), если только онъ

---

1) И. Соколовъ. Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Москва 1880 г. стр. 78.

2) Гр. Толстой, Д. Римскій католицизмъ въ Россіи. Спб. 1876 г. Т. I., стр. 86—87.

приметъ православіе. Это предложеніе столько-же, сколько и выборъ Владислава, ясно свидѣтельствуетъ, что переходъ престола даже въ руки иноземца не представлялъ въ современныхъ понятіяхъ невозможности; но малѣйшаго отступленія отъ правилъ православной церкви было достаточно, чтобы возбудить весь народъ на брань отчаянную, на смерть съ врагомъ, стоявшимъ уже въ столицѣ государства [1]).

Любопытную страницу нашей исторіи въ этомъ отношеніи представляетъ бракъ дочери великаго князя Іоанна III Васильевича и Софьи Ѳоминишны (Палеологъ) — Елены — съ великимъ княземъ Литовскимъ Александромъ. На примѣрѣ Елены всего лучше можно видѣть, какъ эта русская княжна сумѣла сохранить православіе, не смотря на всякаго рода притѣсненія и принужденія къ принятію римской вѣры.

Продолжительная борьба Руси съ Литвою, истощавшая силы обоихъ государствъ, закончилась миромъ. 7 февраля 1494 г. написанъ былъ на хартіи съ золотою печатью договоръ, по которому оба государя, Іоаннъ III и Александръ, обязались быть вездѣ за одно и имѣть однихъ друзей и враговъ. Мало того, желая положить конецъ враждѣ съ Литвою, великій князь Іоаннъ III согласился скрѣпить свой союзъ съ Александромъ, отдавши за него свою старшую дочь, княжну Елену, славившуюся, по отзывамъ современниковъ, своею красотою и мягкостью нрава [2]). Наши великіе князья и прежде выдавали своихъ дочерей за иностранныхъ государей, но только съ непремѣннымъ условіемъ — не принуждать ихъ къ перемѣнѣ вѣры [3]). Такъ было и въ настоящемъ случаѣ, именно великій князь Іоаннъ III потребовалъ, чтобы Александръ далъ ему относительно вѣры Елениной утвержденную грамоту въ такой формѣ: „Намъ его дочери не нудить къ

1) Гр. Толстой, Д.- Т. I, стр. 94.

2) Трачевскій, А. Русская исторія. СПБ. 1895 г. Т. I, стр. 253.

3) Красноженъ, М. Иновѣрцы на Руси. Юрьевъ. 1903 г., 3-е изд., стр. 124.

Римскому закону; держитъ она свой Греческій законъ". Для полученія этой грамоты и для взятія съ Александра клятвы въ соблюденіи мирнаго договора отправились въ Литву послами князья Ряполовскіе — Василій и Семенъ Ивановичи — и дьякъ Ѳедоръ Курицынъ. Александръ, присягнувъ, размѣнялся мирными договорами, не отказался также дать грамоту о вѣрѣ будущей супруги, но велѣлъ написать ее по другой формѣ, а именно, вставлено было новое обстоятельство: „Александръ не станетъ принуждать жены къ перемѣнѣ закона, но если она сама захочетъ принять Римскій законъ, то ея воля".

Однако это дополненіе едва не остановило брака: Іоаннъ гнѣвно велѣлъ сказать Александру, что если онъ не дастъ грамоты по прежней формѣ, то онъ не выдастъ за него дочери. Александръ уступилъ, прислалъ грамоту, какой требовалъ Іоаннъ, и тотъ назначилъ срокъ пріѣзжать за Еленою — Рождество Христово, „чтобы нашей дочери быть у великаго князя Александра за недѣлю до нашего великаго заговѣнья мяснаго" [1]).

Въ январѣ 1495 года пріѣхало въ Москву за невѣстою блестящее литовское посольство. Іоаннъ сказалъ литовскимъ посламъ: „Государь вашъ, братъ и зять мой, восхотѣлъ прочной любви и дружбы съ нами; да будетъ. Отдаемъ за него дочь свою. Скажите же ему: на чемъ онъ намъ молвилъ и листъ свой далъ, на томъ бы и стоялъ, чтобы нашей дочери никакимъ образомъ къ Римскому закону не нудилъ; если-бы даже наша дочь и захотѣла сама приступить къ Римскому закону, то онъ ей на то воли не давалъ же, чтобъ между нами про то любовь и прочная дружба не порушалась. Да скажите великому князю Александру, какъ дастъ Богъ, наша дочь будетъ за нимъ, то онъ бы нашу дочь, а свою великую княгиню жаловалъ, держалъ бы ее такъ, какъ Богъ указалъ

1) Соловьевъ, С. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Москва 1858 г. Т. V, стр. 146—147.

мужьямъ женъ держать, а мы, слыша его къ нашей дочери жалованье, радовались бы тому. Да чтобъ сдѣлалъ для насъ — велѣлъ бы нашей дочери поставить церковь нашего Греческаго закона, на переходахъ у своего двора у ея хоромъ, чтобъ ей близко было къ церкви ходить, а намъ бы его жалованье къ нашей дочери пріятно было слушать. Да скажите отъ насъ епископу и панамъ, вашей братьѣ, всей радѣ, да и сами поберегите, чтобъ братъ нашъ и зять нашу дочь жаловалъ, и между нами братство и любовь и прочная дружба не порушились-бы“ [1]).

Января 13-го Іоаннъ, отслушавъ литургію въ Успенскомъ храмѣ со всѣмъ великокняжескимъ семействомъ и съ боярами, призвалъ литовскихъ вельможъ къ церковнымъ дверямъ, вручилъ имъ невѣсту и проводилъ до саней. Въ Дорогомиловѣ Елена остановилась и жила два дня. Братъ ея Василій угостилъ тамъ пановъ роскошнымъ обѣдомъ, мать ночевала съ нею, а великій князь два раза пріѣзжалъ обнять любезную ему дочь, съ которою разставался на вѣки. Онъ далъ ей слѣдующую записку: „Память великой княжнѣ Еленѣ. Въ божницу латинскую не ходить, а ходить въ греческую церковь, изъ любопытства можетъ видѣть первую ими монастырь латинскій, но только однажды или два раза. Если свекровь твоя будетъ въ Вильнѣ и прикажетъ тебѣ идти съ собою въ божницу, то проводи ее до дверей и скажи учтиво, что идешь въ свою церковь“.

Невѣсту провожали князь Семенъ Ряполовскій, бояринъ Михаило Яковлевичъ Русалка и Прокофій Зиновьевичъ съ женами, дворецкій Дмитрій Пѣшковъ, дьякъ и казначей Василій Кулешинъ, нѣсколько окольничихъ, стольниковъ, конюшихъ и болѣе сорока знатныхъ дѣтей боярскихъ. Въ тайномъ наказѣ, данномъ Ряполовскому, велѣно было требовать, чтобы Елена вѣнчалась въ греческой церкви, въ русской

1) Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго. Спб. 1817. Т. VI. стр. 237—238. — Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. V., стр. 147.

одеждѣ и при совершеніи брачнаго обряда, на вопросъ епископа о любви ея къ Александру, отвѣтствовала: „любъ ми и не оставити ми его до живота ни коея ради болѣзни, кромѣ закона: держать мнѣ греческій, а ему не нудить меня къ римскому". Іоаннъ не забылъ ничего въ своихъ предписаніяхъ, назначая даже, какъ Еленѣ одѣваться въ пути, гдѣ и въ какихъ церквахъ пѣть молебны, кого видѣть, съ кѣмъ обѣдать и проч.

Путешествіе Елены, отъ предѣловъ Россіи до Вильны было веселымъ торжествомъ для народа литовскаго, который видѣлъ въ ней залогъ долговременнаго счастливаго мира. Въ Смоленскѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ вельможи и духовенство встрѣчали ее съ дарами и съ любовью, радуясь, что кровь св. Владиміра соединяется съ Гедиминовою; что церковь православная, сирая, безгласная въ Литвѣ, найдетъ ревностную покровительницу на тронѣ, что симъ брачнымъ союзомъ возобновляется древняя связь между единоплеменными народами [1]).

Александръ встрѣтилъ великую княжну за три версты отъ Вильны, окруженный дворомъ и всѣми думными панами. Невѣста и женихъ, ступивъ на разостланное алое сукно и золотую камку, подали руку другъ другу, сказали нѣсколько ласковыхъ словъ, и вмѣстѣ въѣхали въ столицу, онъ на конѣ, она въ саняхъ богато украшенныхъ. Невѣста въ греческой церкви Св. Богоматери отслушала молебенъ; боярыни московскія расплели ей косу, надѣли на голову кику съ покрываломъ, осыпали ее хмелемъ и повели къ жениху въ церковь Св. Станислава, тдѣ происходило вѣнчаніе: латинскій епископъ и самъ Александръ крѣпко настаивали, чтобы русскій священникъ Ѳома, пріѣхавшій съ Еленою не говорилъ молитвъ и княгиня Марья Ряполовская не держала вѣнца, но князь Семенъ Ряполовскій, главный изъ бояръ, провожавшихъ Елену, настаивалъ на томъ, чтобъ былъ исполненъ приказъ Іоанновъ: священникъ Ѳома говорилъ молитвы и княгиня Марья держала вѣнецъ [2]).

1) Карамзинъ. VI, стр. 238—240.
2) Соловьевъ. Т. V, стр, 149.

По совершеніи обрядовъ, Александръ торжественно принялъ бояръ Іоанновыхъ, начались веселые пиры; открылись и взаимныя неудовольствія.

Уже отпуская бояръ, провожавшихъ Елену — князя Семена Ряполовскаго и Михаилу Русалку, Александръ сказалъ: „Вы говорили отъ великаго князя Ивана Васильевича, чтобы мы дочери его, а нашей великой княгинѣ поставили церковь греческаго закона на переходахъ, подлѣ ея хоромъ, но князья наши и паны, вся земля имѣютъ право и записи отъ предковъ нашихъ, отца нашего и насъ самихъ, а въ правахъ написано, что церквей греческаго закона больше не прибавлять, такъ какъ этихъ правъ рушить не годится. А княгинѣ нашей церковь греческаго закона въ городѣ есть близко, если ея милость захочетъ въ церковь, то мы ей не мѣшаемъ. Братъ и тесть нашъ хочетъ также, чтобъ мы дали ему грамоту на пергаментѣ, относительно греческаго закона его дочери, но мы дали ему грамоту точно такую, какой онъ самъ отъ насъ хотѣлъ: эта грамота теперь у него съ нашею печатью“.

Въ маѣ пріѣхалъ отъ Александра посолъ Станиславъ Петрашкевичъ изъявить Іоанну благодарность за присылку Елены и объявить, что воевода молдавскій Стефанъ напалъ на литовскія владѣнія; относительно Елены Александръ велѣлъ Петрашкевичу сказать слѣдующее тестю: „Ты хотѣлъ, чтобъ мы оставили нѣсколькихъ твоихъ бояръ и дѣтей боярскихъ при твоей дочери, пока привыкнетъ къ чужой сторонѣ; и мы для тебя велѣли имъ остаться при ней нѣкоторое время, но теперь пора ужъ имъ выѣхать отъ насъ; вѣдь у насъ, слава Богу, слугъ много, есть кому служить нашей великой княгинѣ; какая будетъ ея воля, кому что прикажетъ, и они будутъ по ея приказу дѣлать все, что только ни захочетъ“. — Іоаннъ отвѣчалъ на это: „Нашъ братъ, князь великій, самъ знаетъ, съ кѣмъ тамъ его предки и онъ самъ утвердилъ тѣ права, что новыхъ церквей греческаго закона не строить; намъ до тѣхъ его правъ дѣла нѣтъ никакого, а съ

нами братъ нашъ князь великій, да и его рада, договаривались на томъ, чтобъ нашей дочери держать свой греческій законъ, и что намъ братъ нашъ и его рада обѣщали, все теперь дѣлается не такъ“ [1]).

Неудовольствія между тестемъ и зятемъ росли все болѣе и болѣе, не смотря на то, что юная великая княгиня, одаренная здравымъ смысломъ и нѣжнымъ сердцемъ, вела себя съ удивительнымъ благоразуміемъ и, сохраняя долгъ покорной дочери, не измѣняла мужу, ни государственнымъ выгодамъ ея новаго отечества, никогда не жаловалась родителю на свои домашнія неудовольствія и старалась утвердить его въ союзѣ съ Александромъ.

Въ ноябрѣ 1497 г. Іоаннъ послалъ въ Литву своего посла Микулу Ангелова, который долженъ былъ сказать отъ него Еленѣ:

„Я тебѣ приказывалъ, чтобы просила мужа о церкви, о панахъ и паняхъ греческаго закона и ты просила-ли его объ этомъ? Приказывалъ я тебѣ о попѣ, да о боярынѣ старой, и ты мнѣ отвѣчала ни то, ни се. Тамошнихъ пановъ и паней греческаго закона тебѣ не даютъ, и нашихъ у тебя нѣтъ, хорошо-ли это?“

Елена отвѣчала Ангелову:

„О церкви я била челомъ великому князю, но онъ и мнѣ отвѣчалъ то-же, что московскимъ посламъ: попъ Ѳома не по мнѣ, а другой попъ со мною есть изъ Вильны очень хорошій. А боярыню какъ ко мнѣ изъ Москвы прислать, какъ ее держать, какъ ей съ здѣшними сидѣть? Вѣдь мнѣ не далъ еще князь великій ничего, чѣмъ кого жаловать, двухъ-трехъ пожаловалъ, а иныхъ я сама жалую. Если-бы батюшка хотѣлъ, то тогда-же боярыню со мною послалъ, а поповъ мнѣ кого знать? Самъ знаетъ, что я на Москвѣ не видала никого. А что батюшка приказываетъ, будто я наказъ его забываю, такъ бы онъ себѣ и на сердцѣ не держалъ, что мнѣ наказъ

1) Соловьевъ. Томъ V, стр. 150.

его забыть; когда меня въ животѣ не будетъ, тогда отцовскій наказъ забуду. А князь великій меня жалуетъ, о чемъ ему бью челомъ, и онъ жалуетъ, о комъ помяну. А вотъ которая у меня посажена панья, и теперь она уже тишаетъ“ [1]).

Наконецъ (въ 1499 г.), увѣдомили великаго князя, что въ Литвѣ открылось гоненіе на восточную церковь, что смоленскій епископъ Іосифъ взялся обратить всѣхъ единовѣрцевъ нашихъ въ латинство, что Александръ нудитъ къ тому и супругу, желая угодить папѣ и въ лѣтописяхъ римской церкви заслужить имя святого. Встревоженный этимъ извѣстіемъ Іоаннъ немедленно отправилъ въ Вильну боярскаго сына Ивана Мамонова узнать подробно всѣ обстоятельства и велѣлъ ему сказать Еленѣ наединѣ:

„Дошелъ до насъ слухъ, что мужъ твой Александръ нудитъ тебя и другихъ людей отступать отъ своего греческаго закона къ римскому. Ты въ этомъ мужа своего не слушай, пострадай до крови и до смерти, но къ римскому закону не приступай, чтобы отъ Бога душою не погибнуть, а отъ насъ и всего православнаго христіанства не быть въ проклятіи и сраму отъ иныхъ вѣръ православію не дѣлай. Извѣсти насъ обо всемъ этомъ, правда ли то и мы тогда пошлемъ къ мужу твоему, зачѣмъ онъ дѣлаетъ противъ своего слова и обѣщанія“ [2]).

То-же писала къ Еленѣ Ивановнѣ и мать ея Софья Ѳоминишна (Палеологъ).

Тревога великаго князя не была напрасною.

Восхваляя ревность и стараніе Александра объ обращеніи русскихъ отъ „схизмы“ къ римской вѣрѣ, папа Александръ VI писалъ ему въ грамотѣ (8 іюня 1501 года) слѣдующее:

---

1) Карамзинъ. Т. VI, стр. 276—277. — Соловьевъ, Т. V, стр. 155.

2) Красноженъ. Иновѣрцы на Руси. Стр. 75.

„По словамъ посла твоего, ты далъ клятву своему тестю никогда не принуждать Елену къ римской вѣрѣ и даже, если-бы она сама захотѣла, не дозволять того, и ты уже 5 лѣтъ честно исполняешь обѣщаніе, самъ не принуждая жены; но другіе свѣтскіе и духовные; сколько ни убѣждаютъ ее, она остается непреклонною. Поэтому ты спрашиваешь нашего совѣта, что тебѣ дѣлать. Мы хотимъ и обязываемъ тебя, чтобы ты, не смотря на данныя обѣщанія и клятвы, отъ которыхъ тебя освобождаемъ, позаботился еще побудить свою жену къ принятію римской вѣры. Если же Елена опять не согласится, то мы поручаемъ виленскому епископу, чтобы онъ убѣждалъ ее и, въ случаѣ нужды принуждалъ мѣрами церковнаго исправленія и другими законными средствами, а если и затѣмъ останется непреклонною, то отлучилъ бы ее отъ сожительства съ тобою и совершенно удалилъ отъ тебя". Виленскому епископу Войтеху, дѣйствительно тогда же (8 іюля) послана была отъ папы особая грамота съ полномочіемъ убѣждать Елену, а когда не покорится, совершенно отлучить ее отъ мужа, удалить изъ его дома и все ея имущество объявить конфискованнымъ. Такую же грамоту черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (26 ноября) послалъ папа и къ кардиналу Польши Фридриху (это былъ родной братъ великаго князя Александра литовскаго), архіепископу краковскому, поручая ему, въ случаѣ непреклонности Елены, объявить ей, что съ нею поступлено будетъ по формѣ церковнаго суда и она будетъ наказана, сколько заслуживаетъ ея упорство въ заблужденіи.

Но великая княгиня, примѣръ которой, въ случаѣ измѣны ея православію, могъ бы оказать огромное вліяніе на всѣхъ православныхъ въ Литвѣ, оставалась непоколебимою и, не смотря на то, не была удаляема отъ своего мужа, вопреки приказанію папы. Она находилась при мужѣ и въ Краковѣ, въ столицѣ Польши, послѣ того, какъ Александръ, среди величайшаго торжества, былъ коронованъ (1 декабря 1501 года) на польскій престолъ роднымъ своимъ братомъ, кардиналомъ

Фридрихомъ, краковскимъ архіепископомъ, и даже пользовалась православнымъ богослуженіемъ, отправлявшимся для нея въ палатахъ короля, хотя и не удостоена чести быть коронованною вмѣстѣ съ мужемъ, потому именно, что „упорно держалась вѣры греческой, и не подавала никакой надежды на лучшее, а отъ уставовъ римской церкви совершенно отвращалась“ [1]).

Такъ, среди самыхъ тяжелыхъ обстоятельствъ, слабая женщина геройски отстояла свою православную вѣру и сумѣла, сохранивъ любовь своего иновѣрнаго супруга, соблюсти завѣтъ своего отца, убѣждавшаго ее: „Дочка, памятуй Бога, да наше родство, да нашъ наказъ, держи свой Греческій законъ во всемъ крѣпко, и хотя бы тебѣ пришлось за вѣру и до крови пострадать, — пострадай“!

---

1) Макарій. Исторія русской церкви. Спб. 1879 г. Т. IX, стр. 108—110.

Проф. **М. Красноженъ.**

Къ біографіи Н. М. Языкова.

Николай Михайловичъ Языковъ, одинъ изъ лучшихъ русскихъ поэтовъ, стихи котораго нѣкоторые современники ставили наряду со стихами его друга, А. С. Пушкина, или даже и выше[1]) ихъ, еще не дождался себѣ отъ потомства обстоятельной и безпристрастной біографіи. Большинство имѣющихся его жизнеописаній составлены въ несоотвѣтственномъ тонѣ и скудны фактами.

Біографы Языкова позволяютъ себѣ относиться къ нему какъ-то свысока, упрекая его — то за его славянофильство[2]) и за борьбу съ западниками, то за безуспѣшность его ученія въ университетѣ, — даже такіе біографы, которые сами никогда не бывали въ университетѣ и не получили никакого высшаго образованія.

Что касается фактовъ изъ жизни нашего поэта, то многое остается совсѣмъ невыясненнымъ; иныя же указанія являются прямо ложными.

---

1) „Клянусь Овидіевою тѣнью, Языковъ: близокъ я тебѣ!“ писалъ Пушкинъ и, дѣйствительно, очень любилъ и цѣнилъ его талантъ, его „буйство силъ“, а по свидѣтельству М. П. Погодина, даже завидовалъ „златокованному“ его стиху. Стихи Языкова сильно дѣйствовали на Пушкина, и онъ, хвалившійся тѣмъ, что „суровый славянинъ, я слезъ не проливалъ“, плакалъ, по словамъ Гоголя, надъ посланіемъ Языкова къ Денису Давыдову (надъ двумя строфами: вызовъ врага („Чу! труба продребезжала“) и пожаръ Москвы („Пламень въ небо упирая“). Ср. И. Божеряновъ, Памяти Н. М. Языкова, „Русскій Вѣстникъ“ за 1896, декабрь, стр. 153.

2) До сихъ поръ не разъяснено, однако-же, что Н. М. Языковъ былъ, собственно говоря, русскимъ націоналистомъ, а не славянофиломъ.

Богаче другихъ фактами этюдъ В. И. Шёнрока въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1897 годъ, ноябрь (стр. 139—173)[1] и декабрь (стр. 597—651) и старая статья М. И. Семевскаго[2] въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1867 г. (стр. 712—748). Ниже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы будемъ ссылаться на эти статьи. Но и эти оба труда поименованныхъ изыскателей далеко не полны и заключаютъ въ себѣ много несомнѣнныхъ ошибокъ, какъ будетъ видно изъ нашего дальнѣйшаго изложенія.

И та, и другая статья, оставляя въ сторонѣ авторскія разсужденія и домыслы, нерѣдко неудачные, основаны на первоисточникахъ: Семевскій писалъ со словъ Языковскаго друга по Дерпту, А. Н. Вульфа и по его письмамъ и бумагамъ (стр. 712); въ основу монографіи г. Шёнрока легла переписка поэта съ его родными и знакомыми, къ сожалѣнію, все еще не опубликованная.

Цѣлью нашей статьи является, во первыхъ, сообщеніе и сопоставленіе матеріаловъ для біографіи Н. М. Языкова, собранныхъ нами въ архивѣ Императорскаго Юрьевскаго университета и въ разныхъ печатныхъ изданіяхъ, во вторыхъ, изложеніе всѣхъ новыхъ выводовъ, какіе вытекаютъ изъ нашихъ матеріаловъ, въ третьихъ — критическое освѣщеніе мнѣній прежнихъ авторовъ (Семевскаго и Шёнрока) и документальное опроверженіе ихъ зачастую невѣрныхъ указаній и разсужденій по нѣкоторымъ вопросамъ о жизни нашего поэта.

---

1) Есть еще статья г. Шёнрока о Н. М. Языковѣ въ „Русской Старинѣ“ за 1903 г., февраль. Опускаю монографію объ Языковѣ В. Я. Смирнова, Пермь, 1900 г., совершенно несамостоятельную въ біографической части.

2) Нельзя не пожалѣть, что не удалось написать біографіи Языкова Ѳ. В. Чижову, который, едва приступилъ къ этой работѣ, какъ и умеръ. Такая участь постигла и извѣстнаго поэта и фольклориста, Д. Н. Садовникова, который напечаталъ письма Пушкина къ Языкову и собирался писать подробную біографію Языкова на основаніи его переписки.

Прежде всего возникаетъ вопросъ о ходѣ образованія Николая Михайловича. Г. Шёнрокъ сообщаетъ (стр. 136), что на двѣнадцатомъ году поэтъ Языковъ поступилъ въ Институтъ горныхъ инженеровъ, что занятія его въ этомъ „институтѣ“ шли плохо (стр. 137), что по окончаніи курса въ горномъ институтѣ, онъ, по совѣту брата (стр. 138), перешелъ въ инженерный корпусъ[1]), гдѣ, однако, не ходилъ на лекціи и не занимался, и, наконецъ, что Языковъ вообще потерпѣлъ полнѣйшее „фіаско“ сначала въ „горномъ институтѣ“, а потомъ въ „инженерномъ корпусѣ“. Равнымъ образомъ и Семевскій увѣряетъ (стр. 713), что поэтъ окончилъ курсъ въ институтѣ горныхъ инженеровъ въ 1820 году.

Какъ оказывается изъ разысканнаго нами документа, всѣ эти сообщенія положительно невѣрны. Но и сама по себѣ бросается въ глаза путаница въ сообщеніяхъ обоихъ біографовъ относительно наименованія мѣста первоначальнаго обученія и воспитанія нашего поэта, или даже двухъ такихъ мѣстъ — института горныхъ инженеровъ и потомъ еще какого-то инженернаго корпуса.

Что это за инженерный корпусъ и какихъ именно инженеровъ?!

Языковъ учился въ горномъ кадетскомъ корпусѣ, который и выпускалъ горныхъ инженеровъ (тогда офицеровъ, а не штатскихъ, какъ теперь). Итакъ второй какой-то еще инженерный корпусъ — совершенно излишенъ. Но неправда и то, что Языковъ будто-бы окончилъ курсъ въ горномъ институтѣ. Мы ниже убѣдимся въ томъ изъ документа.

На стр. 139 г. Шёнрокъ утверждаетъ, будто-бы Языкову приходилось готовиться къ поступленію въ Дерптскій университетъ и держать въ немъ экзаменъ. Чтобы провѣрить это мнѣніе г. Шёнрока, мы обратились къ архиву Юрьев-

1) Повидимому, это почерпнуто у Перевлѣсскаго (стр. II, LXXX) изъ изданія 1858 года.

скаго университета. Въ то время, т. е. въ двадцатыхъ годахъ истекшаго XIX столѣтія, дѣйствительно, можно было поступать въ университетъ безъ аттестата средняго учебнаго заведенія — прямо, по вступительному экзамену; въ случаѣ такого пріема по экзамену всегда имѣется особый соотвѣтствующій документъ, экзаменаціонное удостовѣреніе въ дѣлѣ о пріемѣ студентовъ въ данный семестръ.

Кто-же не держалъ экзамена, а поступилъ по аттестату, или по увольнительному свидѣтельству какого-либо средняго учебнаго заведенія, гдѣ онъ предварительно обучался, то о такихъ лицахъ въ дѣлахъ имѣется не экзаменаціонное свидѣтельство, а учебный аттестатъ.

Оказалось, что Языкова приняли не по экзамену, а на основаніи увольнительнаго свидѣтельства учебнаго заведенія, гдѣ онъ воспитывался ранѣе. Экзаменаціоннаго свидѣтельства объ Языковѣ никакого нѣтъ, но свидѣтельство, на основаніи котораго онъ былъ принятъ въ число студентовъ Дерптскаго университета, сохранилось; въ печати оно еще не появлялось. Это есть увольнительное свидѣтельство именно горнаго кадетскаго корпуса, но не института горныхъ инженеровъ, и не невѣдомаго инженернаго корпуса, въ которомъ Языковъ яко-бы учился послѣ „института“.

Приведемъ текстъ этого аттестата и далѣе предложимъ наши соображенія по поводу его.

№ 1159.

Аттестатъ

Воспитывавшемуся въ Горномъ Кадетскомъ Корпусѣ пансіонеромъ Николаю Языкову въ томъ, что онъ по представленному при опредѣленіи его въ Корпусъ свидѣтельству есть изъ дворянъ, сынъ гвардіи прапорщика[1]), отъ роду имѣетъ 15-й годъ, опредѣленъ въ Горный Кадетскій Корпусъ

1) Отецъ поэта былъ Михаилъ Петровичъ, а мать Екатерина Александровна, урожденная Ермолова.

полупансіонеромъ 9 октября 1814 г., поступилъ въ низшіе классы, потомъ, переходя въ средніе, обучался въ оныхъ съ успѣхами: очень хорошими — поэзіи, французскому языку, россійской и всеобщей исторіи, ботаникѣ, географіи, физикѣ, химіи, фортификаціи и архитектурѣ; довольно хорошими — статистикѣ, частному римскому и россійскому правамъ, логикѣ, риторикѣ и минералогіи; средственными [1]) — высшей математикѣ, нѣмецкому языку и Закону Божію; также обучался рисованію и танцованію. Но предположеннаго курса ученія не окончилъ, а потому и не имѣетъ права воспользоваться Высочайше дарованными нынѣ сему корпусу преимуществами. Во время пребыванія его въ Корпусѣ былъ поведенія хорошаго. Нынѣ-же по прошенію изъ онаго корпуса уволенъ, въ свидѣтельство чего и данъ ему, Языкову, сей аттестатъ изъ комитета Горнаго Кадетскаго Корпуса за подписаніемъ присутствующихъ въ ономъ и съ приложеніемъ корпусной печати.

С. Петербургъ, Августа 21 дня 1819 года.

Директоръ Командиръ Надворный Совѣтникъ и кавалеръ Обергиттенфервальтеръ Титулярный Совѣтникъ	Всѣ пять подписей неразборчивы.

Какъ видимъ мы изъ приведеннаго аттестата, про Языкова всетаки нельзя сказать, якобы въ корпусѣ онъ учился плохо и потерпѣлъ „полнѣйшее фіаско“. Несомнѣнно онъ могъ еще тянуться и исправиться [2]). Большинство отмѣтокъ показаны либо очень хорошими, либо довольно

---

1) Средственный баллъ есть по нынѣшнему нѣчто среднее между двойкой и тройкой.

2) По словамъ С. П. Шевырева, необыкновенная память поэта и даръ соображенія изумляли всегда учителей корпуса, когда приходили экзамены. Эта память не измѣнила ему до смерти.

хорошими и только по тремъ предметамъ — средственными, въ томъ числѣ по высшей математикѣ, изъ-за которой Языковъ, какъ мы знаемъ, и покинулъ корпусъ. Бросается въ глаза необычайная пестрота предметовъ ученія и программы, обнимающей собой науки и военныя, и естественныя, и филологическія, и историческія и даже юридическія.

Въ противность утвержденіямъ біографовъ Языковъ предположеннаго курса ученія не окончилъ и не могъ пользоваться правами корпуса, дойдя лишь до среднихъ классовъ. Поведеніе его было, очевидно, не совсѣмъ чисто (вѣроятно, за какія-либо дѣтскія шалости) и обозначено только хорошимъ, а не отличнымъ. Очень хорошія отмѣтки поставлены ему по поэзіи, какъ подобаетъ поэту и, между прочимъ еще по исторіи, которою Языковъ всегда очень интересовался; за то по нѣмецкому языку, математикѣ и даже, что̀ особенно странно — по Закону Божію [1]) у Языкова только средственные баллы.

По поводу знанія Языковымъ нѣмецкаго языка нельзя не отмѣтить разногласія біографовъ. По утвержденію Семевскаго, писавшаго со словъ А. Н. Вульфа, друга поэта, Языковъ (стр. 730) прекрасно владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ.

По сообщенію г. Шёнрока, Языковъ плохо зналъ по нѣмецки, — въ Дерптѣ, какъ въ нѣмецкомъ городѣ, ему улыбалась надежда легко овладѣть нѣмецкимъ языкомъ, ему пришлось по пріѣздѣ въ Дерптъ подучиваться этому языку, и эти занятія его нѣмецкимъ языкомъ шли туго (стр. 140). То-же подтверждается и аттестатомъ горнаго кадетскаго корпуса, гдѣ изъ нѣмецкаго языка успѣхи Языкова обозначены, какъ средственные. Быть можетъ, это противорѣчіе примиряется такъ, что, плохо владѣвъ нѣмецкимъ языкомъ въ началѣ, Языковъ потомъ ему выучился вполнѣ хорошо. Таково-же, повидимому, и окончательное мнѣніе г. Шёнрока на

1) Въ послѣдніе годы жизни Языковъ былъ замѣчательнымъ представителемъ именно религіозной поэзіи.

стр. 147, гдѣ онъ говоритъ, что постепенно Языковъ вполнѣ овладѣлъ нѣмецкимъ языкомъ.

Въ Дерптскій университетскій Album студентовъ Jasykow Nicolaus изъ Симбирска внесенъ подъ № 1767, какъ студентъ философіи [1]), штудировавшій съ 1823—1827 года. Ближайшая его спеціальность въ подлинномъ матрикулѣ университета обозначена, какъ Humaniora (чуть ли не у него одного изъ всѣхъ дерптскихъ студентовъ). Humaniora — терминъ, и доселѣ существующій — неоффиціально — въ нѣмецкихъ университетахъ, и означаетъ направленіе занятій богатыхъ молодыхъ людей, не избирающихъ себѣ какой-либо опредѣленной и „хлѣбной“ (Brotstudium) спеціальности, а желающихъ получить общее, по преимуществу эстетическое образованіе и даже иногда не предполагающихъ сдавать экзамены. Но на самомъ дѣлѣ Языковъ впослѣдствіи изучалъ, главнымъ образомъ, политическія и государственныя науки.

Въ подлинномъ матрикулѣ отмѣчено также, что изъ родителей Языкова жива одна лишь мать. Дѣйствительно, отецъ поэта скончался еще въ 1819 году въ возрастѣ 52 лѣтъ. Мать Николая Михайловича дожила до 1831 года.

Въ Дерптѣ Языковъ жилъ до конца 1829 года, по мнѣнію Семевскаго (стр. 745); другіе полагаютъ, что извѣстный портретъ Языкова въ халатѣ, сдѣланный А. Д. Хрипковымъ, его другомъ и товарищемъ по университету (дата 14 апрѣля 1829 г.), былъ снятъ съ него уже въ Москвѣ. По выходѣ изъ числа студентовъ дерптскаго университета,

---

1) Это не значитъ, конечно, что Языковъ занимался спеціально философіею: въ составѣ философскаго факультета, какъ и теперь въ заграничныхъ нѣмецкихъ университетахъ, входили разныя отдѣленія, даже отдѣленія математическихъ и естественныхъ наукъ. Кругъ оффиціальныхъ университетскихъ занятій Языкова опредѣлился, какъ „этико-политическій“ (такъ называли это отдѣленіе тогда въ прочихъ русскихъ университетахъ); это отдѣленіе отчасти соотвѣтствовало позднѣйшему русскому камеральному отдѣленію, но не вполнѣ, потому что камералисты слушали еще и естественныя науки, напр., химію.

Языковъ, по сообщенію біографа (стр. 730), состоялъ при Дерптскомъ университетѣ вольнымъ слушателемъ. Намъ лично это сообщеніе кажется сомнительнымъ. Но рѣшить этотъ вопросъ документально мы не въ состояніи за отсутствіемъ въ архивѣ университета какихъ-либо данныхъ о вольныхъ слушателяхъ за этотъ періодъ[1]).

Объ Языковѣ-студентѣ интересныя воспоминанія сообщаетъ его товарищъ, бывшій дерптскій университетскій библіотекарь Эмиль Андерсъ (Baltische Monatschrift, Band 39, 1892, стр. 223—224), который штудировалъ въ одно время съ Языковымъ и познакомился съ нимъ черезъ одного общаго друга, А. Н. Татаринова, тоже дерптскаго студента.

„Языковъ", говоритъ Андерсъ, „былъ молодой человѣкъ средняго роста, очень полный (starkbeleibter), который у себя дома постоянно пребывалъ въ халатѣ и туфляхъ. Въ общемъ свободомыслящій, онъ, однако-же, строго[2]) наблюдалъ всѣ обычаи родины. Воодушевленный (animirt) виномъ, онъ умѣлъ импровизировать блестящіе стихи[3]). Нѣмецкую литературу онъ любилъ. Нѣкоторыя его стихотворенія я перевелъ на нѣмецкій языкъ стихами-же, и онъ былъ

1) Приносимъ благодарность архиваріусу университета, доктору Г. Г. фонъ Саблеру, неоднократно оказывавшему намъ при нашихъ поискахъ любезное содѣйствіе.

2) Въ противность утвержденію г. Шёнрока и его послѣдователей, отрицающихъ у Языкова-дерптскаго студента національностическія чувства, мы должны указать на эти зачатки позднѣйшаго національнзма еще въ его студенческіе годы. Впрочемъ, этотъ національнзмъ его можно прослѣдить и по многимъ его студенческимъ стихотвореніямъ и пѣснямъ. Языковъ подражалъ нѣмцамъ во многомъ, но подражалъ имъ и въ національностическихъ чувствахъ, т. е. не ощущалъ въ себѣ столь частаго у насъ хамства предъ чужимъ и не желалъ отрекаться отъ своего русскаго, но всегда высоко цѣнилъ его. Съ нѣмцами онъ хотѣлъ сходиться на равной ногѣ, но не какъ подобострастный почитатель. Русскій Анахарсисъ хотѣлъ оставаться скиѳомъ.

3) Импровизаціями своими славился Языковъ и позднѣе, когда онъ уже жилъ въ Москвѣ.

этими переводами вполнѣ доволенъ. Изъ Москвы онъ позже прислалъ мнѣ два тома своихъ произведеній съ собственноручною надписью."

Другое воспоминаніе объ Языковѣ-студентѣ принадлежитъ извѣстному композитору Юрію Карловичу Арнольду (т. I, стр. 143—149). „Николая Михаиловича", говоритъ Арнольдъ, „я впервые увидѣлъ 6 декабря 1826 г., когда я былъ секунданеромъ (т. е. ученикомъ второго, а по нашему шестого класса) гимназіи; это было на торжественномъ обѣдѣ, а затѣмъ балѣ, данныхъ творцомъ недавно только появившагося перваго русскаго соціально-юмористическаго романа „Выжигинъ", Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ Булгаринымъ въ подгородней своей мызѣ Карловѣ въ честь пріѣзжаго, „знаменитаго гостя, друга и покровителя своего", какъ онъ выразился въ тостѣ, Николая Ивановича Греча. Тогдашній карловскій помѣщичій домъ былъ весьма просторный, двухэтажный: весь бель-этажъ, роскошно, на деньги пресловутой „тантхенъ" отдѣланный и меблированный, занималъ самъ Булгаринъ со „своей семьею", а въ нижнемъ этажѣ (rez de chaussée) помѣщались его „пансіонеры", русскіе студенты, Языковъ, братья Гречи и братья Прокофьевы.

Н. М. Языкову въ то время было 22, либо 23 года. Наружностію своею представлялъ онъ настоящій типъ великорусскаго молодца приволжскаго края. Роста онъ былъ больше, чѣмъ средняго, широкоплечъ и съ выдающеюся впередъ грудною клѣткой, а лицо у него было кровь съ молокомъ. Затѣмъ открытый, широкій лобъ подъ густыми кудрями свѣтло-каштановаго цвѣта, слегка вздернутый носъ, добродушно улыбающійся, довольно широкій ротъ съ пухлыми губами и небольшіе, плутовски-веселые сѣрые глаза. Нрава онъ былъ отличнѣйшаго: острякъ и балагуръ отъ природы, любилъ онъ подшучивать; но шутки его бывали всегда благодушно-наивныя и никогда не пошлыя, да и самъ онъ не обижался дружескимъ подтруниваніемъ, такъ что нельзя было не любить его. Вообще Языковъ былъ пре-

восходный товарищъ, бравый буршъ всею душой, мастеръ фехтовать и далеко не врагъ веселыхъ пирушекъ. Очень многія изъ распѣваемыхъ во время коммерсовъ „Рутеніи“ въ русскомъ переводѣ студентскихъ пѣсенъ были плодомъ Языковской музы. Помню, что между прочимъ онъ перевелъ также двѣ изъ любимѣйшихъ застольныхъ пѣсенъ того времени:

Крамбамбули питье зовется.

и Съ высотъ Олимпа боги дали радость.

Послѣ болѣе, чѣмъ шестидесятилѣтняго промежутка, въ продолженіи котораго мнѣ ни разу не приходилось не только самому пѣть, но даже хотя бы лишь услышать эти пѣсни, немудрено, что въ моей памяти ничего не сохранилось, кромѣ заглавныхъ стиховъ. Имѣвшаяся же у меня „коммерсовая тетрадь“, т. е. рукописный сборникъ нашихъ студентскихъ пѣсенъ, пропала у меня вмѣстѣ съ частію моего багажа, во время войны 1831 года.“

Нельзя не сказать, что стихи Языкова имѣли широкое распространеніе и среди студентовъ другихъ русскихъ университетовъ. По свидѣтельству петербургскаго студента Ѳ. Н. Фортунатова („Русскій Архивъ“, 1869 г. стр. 374) въ поэзіи Языкова онъ и его товарищи увлекались описаніемъ студенческой жизни въ Дерптѣ.

Хотя Языковъ и не окончилъ курса въ университетѣ, но благодаря своей поэтической славѣ, онъ во все время своего ученія былъ на виду у начальства. По указанію г. Шёнрока (стр. 159), пріѣзжалъ-ли кто изъ Царской Фамиліи, въ парадной встрѣчѣ обыкновенно предстояло участвовать Языкову; по крайней мѣрѣ, если на него не возлагалась прямо обязанность произносить приличные торжественному случаю привѣтственные стихи, — онъ зналъ, что всѣ отъ него ждали этого. Когда посѣщалъ университетъ для ревизіи министръ народнаго просвѣщенія или какое-нибудь высокопо-

ставленное лицо, на первый планъ старались обыкновенно выставлять Языкова.

Языковъ, какъ мы видѣли, не чуждался нѣмецкихъ студентовъ, но онъ и не вступалъ въ число членовъ нѣмецкихъ студенческихъ организацій, какъ это сдѣлалъ его другъ А. Н. Вульфъ, состоявшій въ „Дерптскомъ буршеншафтѣ“, члены котораго по имени его основателя, поэта Франціуса (Frantzius), носили шутливую кличку „францисканцевъ“. Языкова (стр. 728) числили въ разрядѣ „дикихъ“ (Wilde), т. е. лицъ, стоявшихъ внѣ корпорацій, а потому и не охраняемыхъ ихъ законами; онъ не принадлежалъ ни къ буршеншафтамъ, ни къ ландсманшафтамъ (землячествамъ). Но идеалы корпорацій, ихъ организаціонная сила привлекали Языкова, и онъ пытался ихъ распространять и среди русской молодежи. Благодаря дару поэзіи и богатымъ средствамъ, Н. М. Языковъ во время своей жизни въ Дерптѣ былъ центромъ почти всей русской студенческой колоніи. Онъ былъ и однимъ изъ основателей русской корпораціи при дерптскомъ университетѣ Ruthenia[1]). Объ основаніи ея Ю. К. Арнольдъ сообщаетъ слѣдующее (гл. XIX):

„Позднѣе всѣхъ установилась корпорація „русскаго землячества“ подъ названіемъ Ruthenia. Это было въ 1826 г.[2]).

До того времени въ дерптскій университетъ вообще мало поступало студентовъ изъ уроженцевъ дѣйствительно русскихъ,

---

1) Корпорація эта просуществовала около тридцати лѣтъ. Распаденіе Рутеніи изображено въ романѣ одного изъ корбуршей этой корпораціи П. Д. Боборыкина „Въ путь-дорогу“. Ср. его же мемуары въ „Русской Мысли“, ноябрь 1906 г. Конецъ русской корпораціи былъ плачевный, и она исчезла, не оставивъ слѣдовъ. Закрытіе ея послѣдовало въ 1857 году; въ 1867 году ее хотѣли возобновить 11 студентовъ, но имъ не удалось сдѣлать это: по уставамъ корпорацій требовалось для этого не менѣе 20 буршей.

2) Насколько вѣрна эта дата, мы не знаемъ; такъ же возбуждаютъ наше сомнѣніе и нѣкоторыя детали разсказа Ю. К. Арнольда. Замѣтимъ, что Арнольдъ имматрикулированъ въ Дерптскій Album подъ № 2665, но почему то съ именемъ Карла, а не Юрія, какъ онъ себя писалъ потомъ.

т. е. не остзейскихъ и не польскихъ губерній; а въ упомянутый годъ сразу оказалось ихъ около двухъ десятковъ, изъ числа которыхъ помнятся мнѣ еще имена только немногихъ. Прежде всѣхъ слѣдуетъ назвать Н. М. Языкова. Затѣмъ помню двухъ сыновей тогдашняго корпуснаго командира, графа, впослѣдствіи фельдмаршала Витгенштейна, двухъ сыновей извѣстнаго журналиста Н. И. Греча, сына бывшаго московскаго генералъ-губернатора, предшественника графа Ростопчина, Тутолмина и двухъ братьевъ Прокофьевыхъ, сыновей директора Русско-Американской Компаніи. Именно эти то восемь лицъ и слѣдуетъ считать основателями дерптской корпораціи Ruthenia, создавшейся, впрочемъ, преимущественно, по идеѣ и иниціативѣ Языкова, который и былъ избранъ первымъ старшиною, сеніоромъ этого русскаго землячества.

Объ остальныхъ русскихъ достаточно сказать, что они были, что̀ обыкновенно называется, „славными ребятами“, т. е. бравыми буршами и товарищами. Изо всѣхъ этихъ основателей Рутеніи, кромѣ Языкова, никто ничѣмъ себя не ознаменовалъ... Но за то въ числѣ буршей, нѣсколько позже поступившихъ въ русское землячество, я съ особеннымъ удовольствіемъ могу въ этомъ отношеніи указать на двухъ уже впрямь моихъ сотоварищей-однолѣтниковъ. Это были Викторъ Степановичъ Порошинъ, внукъ бывшаго воспитателя Императора Павла Петровича, и графъ Владиміръ Ал. Соллогубъ.

Но наша „русская колонія“, какъ ее по праву можно было называть, въ то время состояла не исключительно только изъ буршей Рутеніи; къ ней примыкало немалое число, какъ вольныхъ слушателей, такъ и кандидатовъ прочихъ русскихъ университетовъ, членовъ „профессорскаго института“. Изъ числа вольныхъ слушателей помню я медика Александра Петровича Загорскаго, впослѣдствіи профессора Военно-медицинской Академіи, и числившихся по министерству иностранныхъ дѣлъ, барона Николая Людвиговича Штиглица,

старшаго сына основателя фирмы, и его товарища Гейм-бюргера, воспитанника Людвига Штиглица и бывшаго потомъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ.

Если съ одной стороны буршамъ Рутеніи центромъ товарищескихъ сходокъ служили фехтовальный залъ корпораціи и квартира сеніора: Языкова, а потомъ Николая Прокофьева въ нижнемъ этажѣ карловскаго „дворца“, то съ другой стороны общественная жизнь русской колоніи въ Дерптѣ сосредоточивалась въ салонѣ гостепріимнаго семейства профессора русской словесности В. М. Перевощикова. Весьма помѣстительная его квартира находилась какъ разъ насупротивъ главнаго университетскаго зданія, въ первомъ этажѣ огромнаго казеннаго дома, выходившаго однимъ фасадомъ на ярмарочную площадь, а остальными тремя на три довольно широкія, опрятныя улицы. . .

У Перевощиковыхъ собирались всегда по воскресеньямъ, а такъ какъ въ этомъ семействѣ господствовалъ духъ тогдашняго русскаго интеллигентнаго общества, т. е. естественная непринужденность въ предѣлахъ столь же естественныхъ требованій приличія въ соединеніи съ традиціоннымъ радушнымъ хлѣбосольствомъ, то, конечно, молодежи тамъ было чрезвычайно весело и пріятно. Вслѣдствіе того воскресные посѣтители обыкновенно являлись къ Перевощиковымъ въ довольно числительномъ количествѣ, преимущественно, изъ среды „рутенійцевъ“ и членовъ профессорскаго института.

На лекціяхъ Перевощикова бывали почти исключительно члены русской колоніи.

Бывала русская колонія такъ же и у карловскаго помѣщика, у Булгарина, но не вся; являлись къ Ѳаддею Венедиктовичу въ гости, преимущественно, его „пансіонеры“, да кое-какіе другіе изъ студентовъ, отцы которыхъ состояли въ личномъ съ нимъ знакомствѣ, бывали, впрочемъ, и такіе, которые не отказывались отъ его приглашеній по той причинѣ, что авторъ „Выжигина“ любилъ и умѣлъ угощать на славу

и охотно щеголялъ и своимъ поваромъ, и выборнымъ своимъ запасомъ иностранныхъ винъ.

Таковъ общій отзывъ Ю. К. Арнольда о рутенцахъ и членахъ тогдашней русской колоніи въ Дерптѣ; Языкову онъ, какъ мы видимъ, приписываетъ главенствующую роль. Правильно писалъ объ Языковѣ въ Дерптѣ С. П. Шевыревъ: „Среди молодежи Дерпта, полунѣмецкой, полурусской — Языковъ представлялъ русскую мысль и русское слово. Его пѣсни оглашали веселыя товарищескія бесѣды, а первою мыслію этихъ пѣсенъ была родина“ [1]).

Друзьями Языкова и членами его кружка Семевскій (стр. 714) называетъ, кромѣ Карла Пельцера (родомъ изъ Эстляндіи, штудировалъ медицину и филологію съ 1821 до 1824 года, получилъ званіе дѣйствительнаго студента въ 1828 году, служилъ въ военной службѣ, жилъ ротмистромъ въ отставкѣ въ Вологдѣ), сожительство котораго съ Языковымъ окончилось для послѣдняго непріятностію, лектора русскаго языка, А. В. Тихвинскаго, А. Н. Степанова, А. Н. Очкина, — свитскихъ офицеровъ, слушавшихъ въ 1823—1825 годахъ въ Дерптѣ у В. Струве геодезію, М. П. Вронченко и Ортенберга, А. Д. Хрипкова. Самыми тѣсными друзьями Языкова-студента Семевскій считаетъ А. Н. Вульфа, А. Н. Тютчева, А. Н. Шепелева, служившаго потомъ мировымъ посредникомъ въ Рязанской губерніи. Къ кружку знакомыхъ и

---

1) Помнимъ холмы, помнимъ долы,
Наши храмы, наши сёла, —
И въ краю, краю чужомъ
Мы пируемъ пиръ веселый
И за родину мы пьемъ. . . . .

Но съ надеждою чудесной
Мы стаканъ — и полновѣсной
Нашей Руси — будь она
Первымъ царствомъ въ поднебесной,
И счастлива, и славна!

пріятелей Языкова надо причислить еще упомянутыхъ А. Н. Татаринова[1]), Андерса, Александра Петерсона, Н. Д. Киселева и еще В. Ѳ. Ѳедорова[2]).

Живое слово объ Языковѣ въ Дерптѣ сохранилъ намъ Ѳ. В. Булгаринъ въ своей „Прогулкѣ по Ливоніи“ (цитируемъ по изданію „Сочиненій“, ч. III, изд. 1836 г., письмо IV, стр. 393, 395—407).

Булгаринъ, еще не бывшій тогда счастливымъ обладателемъ имѣнія Карлова подъ Дерптомъ[3]), прибылъ въ этотъ городъ въ качествѣ любознательнаго туриста и провелъ здѣсь 20—22 мая 1827 года.

Въ Дерптѣ, говоритъ Булгаринъ, живетъ уже четыре года нашъ поэтъ Языковъ, успѣвшій въ юныхъ лѣтахъ составить себѣ блестящую извѣстность въ литературѣ. Далѣе Булгаринъ пускается въ разсужденіе, какъ бы оправдывающее желаніе Языкова, несмотря на добытую уже имъ славу, штудировать въ университетѣ.

Поэзія есть даръ природы, не пріобрѣтаемый ученіемъ. Это правда. Но тѣ ошибаются, по мнѣнію Булгарина, кто думаетъ, что поэтъ не долженъ заниматься науками, а только прогуливаться, питаться и спать въ ожиданіи вдохновенія[4]). Всѣ великіе поэты были людьми учеными. Байронъ,

---

1) См. наши „Мелочи изъ исторіи русской литературы“, № I. „Языковъ и Татариновъ“.

2) Въ бытность Языкова въ Дерптѣ нѣсколько русскихъ присылаемо было туда учиться въ университетѣ и изъ Воспитательнаго дома, и въ качествѣ членовъ профессорскаго института. В. Ѳ. Ѳедоровъ былъ потомъ профессоромъ астрономіи въ Кіевскомъ университетѣ; см. мою брошюру: „Изъ переписки барона Александра фонъ Гумбольдта“.

3) Впослѣдствіи Н. М. Языковъ, какъ утверждаетъ Ю. К. Арнольдъ, жилъ у Булгарина на квартирѣ. Этотъ вопросъ неясенъ, однако, и можетъ быть рѣшенъ лишь архивными розысками, съ помощью которыхъ, вѣроятно, можно было бы установить студенческій адресъ Языкова.

4) Однако, потомъ Булгаринъ самъ писалъ объ Языковѣ, что де жизнь его въ Дерптѣ состояла въ лежаніи, чтеніи и писаніи стиховъ — при вдохновеніи — между сномъ и пищевареніемъ. . .

Гёте, Шиллеръ учились въ университетахъ, и нашъ великій Державинъ прилежнымъ изученіемъ древнихъ и чтеніемъ замѣнилъ недостатокъ первоначальнаго воспитанія.

Геній — художникъ, природа — матеріалъ, науки — — орудія, безъ которыхъ художникъ никогда не соорудитъ зданія твердаго, прочнаго, образцоваго. Отъ этого введенія Булгаринъ обращается къ характеристикѣ самого Языкова. Языковъ, по его словамъ, постигъ свое назначеніе, какъ человѣкъ съ необыкновеннымъ дарованіемъ. Онъ въ юныхъ лѣтахъ, будучи полнымъ властелиномъ своей воли, посвятилъ наукамъ то время, которое другіе юноши, жадные до чиновъ, употребляютъ на переписку бумагъ въ канцеляріяхъ, не будучи въ состояніи по молодости и по неопытности заняться важными дѣлами. Оттого-то всѣ произведенія Языкова носятъ на себѣ отпечатокъ ранней зрѣлости, познанія исторіи, мѣстностей, піитическихъ приличій, кромѣ глубокаго чувства и свѣжести мыслей, которыя принадлежатъ одной природѣ. Между образованнымъ и необразованнымъ поэтомъ съ одинаковымъ природнымъ дарованіемъ — такая точно разница, какъ между умнымъ грамотнымъ и — смышленымъ безграмотнымъ человѣкомъ. Любезный поэтъ, говоритъ далѣе Булгаринъ, взялся быть моимъ путеводителемъ по городу.

Въ домѣ проф. Мойера Булгаринъ „имѣлъ случай“ поговорить по русски съ одною почтенною русскою дамой, родственницею поэта Жуковскаго, о петербургскихъ своихъ друзьяхъ. У Языкова на дому онъ нашелъ нѣсколько любителей русской словесности, которымъ было пріятно слышать новости со святой Руси. Послѣднее сообщеніе Булгарина очень любопытно, показывая, что студенческая квартира Языкова, дѣйствительно, служила мѣстомъ собранія русской молодежи въ Дерптѣ, и что въ частности любители литературы собирались ни у кого другого, а именно у Языкова, служившаго какъ-бы центромъ кружка, какъ сказано выше.

Обратимся теперь къ главному упреку, какой дѣлаютъ біографы нашему поэту, а именно, будто-бы Языковъ въ

бытность свою въ Дерптѣ лѣнился, пьянствовалъ, кутилъ, бездѣльничалъ, но никакъ не могъ собраться съ духомъ и засѣсть за занятія, а потому и не былъ въ состояніи окончить курса наукъ въ университетѣ. Напр., Семевскій (стр. 727), указывая, что въ старомъ Дерптѣ Языкову было и у кого, и чему поучиться, добавляетъ: „мало знаній выпадало только на долю Языкова, человѣка лѣниваго и въ этомъ отношеніи лишеннаго всякой энергіи къ труду усидчивому и постоянному“. Съ такимъ-же осужденіемъ и столь-же высокомѣрно судятъ объ Языковѣ и другіе біографы, почерпающіе себѣ факты и взгляды изъ статей Семевскаго и Шёнрока. Столь же суровый приговоръ произноситъ надъ Языковымъ и Н. И. Пироговъ („Дневникъ стараго врача“, т. I, стр. 346): „За исключеніемъ насъ, присланныхъ въ Дерптъ уже по окончаніи курса въ русскихъ университетахъ, и двухъ или трехъ русскихъ, всѣмъ прочимъ пребываніе въ Дерптѣ не пошло въ прокъ. Карамзинъ и Соллогубъ едва-ли вынесли что-нибудь изъ дерптской научной жизни, кромѣ знакомства съ разными студенческими обычаями; другіе, какъ, напр., Языковъ, воспитанники изъ учрежденій Императрицы Маріи, и пріѣзжіе изъ Москвы и Петербурга, полурусскіе и полунѣмцы, спивались съ кругу и уѣзжали чрезъ нѣсколько лѣтъ въ весьма плохомъ видѣ“...

Всякій, кто внимательно читалъ воспоминанія Пирогова, помнитъ его суровую манеру и привычку писать рѣзко, съ плеча. И эта замѣтка объ Языковѣ, несомнѣнно, вылилась съ плеча и врядъ ли справедлива. Подобныя презрительныя, но непровѣренныя мнѣнія, распространились и укоренились теперь настолько, что стали какъ-бы общимъ мѣстомъ, проникли въ энциклопедическіе словари, какъ-то въ словарь Брокгауза-Ефрона, гдѣ напрямки утверждается, якобы Языковъ не могъ окончить курса, благодаря своему увлеченію кутежами дерптскихъ буршей. И до сихъ поръ не могутъ отличить поэта отъ человѣка, а пѣсни о винѣ считаютъ сердечнымъ признаніемъ самого Языкова въ своихъ

кутежахъ. А между тѣмъ еще Бѣлинскій замѣтилъ по поводу Языкова о поэтахъ, что они реторически налыгали на себя небывальщину. Очень правильно разсуждаетъ Г. Н. Геннади: „Читая бо̀льшую часть стихотвореній Языкова, надо думать, что его только и вдохновляли вино, да дѣвы (но не парнасскія), да забубенныя пѣсни студентовъ. Кажется, такъ! но поэтамъ не всегда надо и можно вѣрить. . . . Намъ кажется, что для того, чтобы написать стихи складно и ладно, прежде всего надо быть трезвымъ. И когда чудно пьянствуетъ поэтъ, онъ пишетъ не стихи, а вензеля . . . Сладострастныя его стихотворенія точно такъ же далеки отъ дѣйствительности, — поэзія Языкова была тогда поэзіей молодости“ („Кое-что о русскихъ поэтахъ“, стр. 114—115, Сборникъ литературныхъ статей въ честь А. Ф. Смирдина, т. VI). Въ некрологѣ Языкова въ „Современникѣ“ тоже говорится о томъ, что поэзія его не была выраженіемъ его жизни. Отъ того вино шипитъ и пѣнится въ его стихахъ, но не охмѣляетъ, а дѣва-соблазнительница оказывается — „сновидѣнье, безтѣлесная мечта“. Погодинъ замѣчаетъ, что молодость Языкова прошла шумно и радостно, — особенно любилъ онъ веселиться по вечерамъ, въ кругу друзей; но все прочее время велъ жизнь самую уединенную.

Недоброхоты поэта, говоритъ С. П. Шевыревъ, хорошо знавшій Языкова, ославили его дерптскую жизнь и удалое разгулье его юной, свободной музы. Недоброжелательствомъ ускоряя свои заключенія, они представляли публикѣ поэта Богъ знаетъ какимъ кутежникомъ. Дѣло въ томъ, что говорливая муза Языкова клепала на него многое. Русскій человѣкъ любитъ иногда прослыть удалымъ, хоть будетъ и очень смиренъ на дѣлѣ. Фарисейство не въ характерѣ русскаго человѣка, — скорѣе противное. Не отказывался Языковъ отъ дружеской чаши, но умѣренно было его веселье, цѣломудренна бесѣда. Всего болѣе радовался онъ тому, что его звучная пѣсня оглашала пиры его товарищей и жарче вина согрѣвала ихъ юныя души.

Шевыревъ, какъ мы видимъ, считаетъ однимъ изъ источниковъ ославленія дерптской жизни поэта клевету западниковъ, которымъ Языковъ своими послѣдними стихотвореніями попалъ не въ бровь, а въ глазъ.

Мы увидимъ, что такое огульно-презрительное отношеніе къ Языкову-студенту безусловно несправедливо, и что причинъ оставленія имъ университета безъ дипломной бумаги надобно, повидимому, искать еще и въ другихъ обстоятельствахъ его жизни, а не только въ лѣни, прожиганіи жизни и т. п.

Но прежде всего укажемъ, что и изъ тѣхъ писемъ и данныхъ, которыя приведены въ статьяхъ Семевскаго и Шёнрока, можно усумниться въ ихъ суммарномъ приговорѣ, такъ строгомъ и безапеляціонномъ.

Мы видѣли, напр., что въ Дерптѣ Языковъ изучилъ не безъ усилій нѣмецкій языкъ, который до того зналъ плохо. Далѣе мы узнаёмъ, что онъ прилежно работалъ надъ изученіемъ словесности вообще и русской литературы въ частности подъ руководствомъ проф. В. М. Перевощикова. По свидѣтельству Андерса, Языковъ изучалъ и любилъ нѣмецкую литературу. Самъ г. Шёнрокъ указываетъ (стр. 152), что Языковъ усердно изучалъ русскую и всеобщую исторію, съ увлеченіемъ посѣщалъ чтенія знаменитаго Густава Эверса, историка-юриста, прилежно слушалъ лекціи Перевощикова. Въ годы студенчества Языковъ писалъ очень много стиховъ и создалъ въ Дерптѣ немало превосходныхъ произведеній. Онъ и читалъ очень много, выписывалъ массу книгъ [1]) самъ, журналисты и альманашники задаривали его книгами, и не удовлетворяясь всѣмъ тѣмъ, Языковъ устраиваетъ (стр. 152) еще особый кружокъ любителей чтенія, который выписываетъ книги въ складчину и собираетъ цѣлую библіотеку [2]).

---

1) Кстати сказать, личная библіотека Языкова, легшая въ основу симбирской публичной библіотеки, состояла изъ болѣе, чѣмъ пяти тысячъ книгъ. . . Черезчуръ много книгъ для невѣжды. . . .

2) Основанная Языковымъ библіотека существовала и послѣ его отъѣзда.

Если всѣ эти разрозненныя черты собрать во едино, то образъ безпутнаго гуляки и лѣнтяя, всецѣло преданнаго Вакху и Венерѣ, долженъ исчезнуть изъ исторіи литературы, и намъ надобно будетъ придти къ совершенно обратному заключенію, а именно, что среди разгульныхъ студентовъ Дерпта, и русскихъ, и нѣмцевъ — Языковъ былъ однимъ изъ юношей наиболѣе передовыхъ, читающихъ, занимающихся [1]) (хотя, быть можетъ, не всегда по оффиціальной указкѣ и не въ прямыхъ цѣляхъ добиться бумаги съ печатью и подписью). Наконецъ въ письмахъ Языкова мы видимъ неоднократныя упоминанія о томъ, что онъ не разъ усаживался и за оффиціальныя занятія наукой, за зубреніе тетрадокъ къ экзаменамъ; разъ даже онъ бралъ себѣ репетитора, упомянутаго Пельцера, — и если толку не вышло, то не вполнѣ по винѣ бѣднаго Языкова.

Теперь мы приведемъ оффиціальный документъ, свидѣтельствующій о томъ, какъ проводилъ время нашъ поэтъ въ періодъ своего студенчества.

Цѣлое лѣто 1830 года Языковъ, по словамъ г. Шёнрока (стр. 601—602), провозился съ хлопотами по полученію изъ Дерпта свидѣтельства о слушаніи имъ лекцій въ тамошнемъ университетѣ, для того, чтобы пріобрѣсти право на испытаніе въ московскомъ университетѣ. Вслѣдствіе тяжелой болѣзни ректора Эверса, котораго Языковъ зналъ

1) Можно совмѣщать и занятія, и дружескія пирушки, на которыхъ не слѣдуетъ себѣ представлять всѣхъ собутыльниковъ непремѣнно пьяными. Ученѣйшихъ нѣмецкихъ профессоровъ заграницею и доселѣ по вечерамъ можно встрѣчать въ дружеской бесѣдѣ въ „кнейпѣ“ за стаканомъ пива. Языковъ мѣтко замѣчаетъ о студентѣ своего времени:

Проснувшись вмѣстѣ съ пѣтухомъ,
Онъ въ тишинѣ читаетъ Канта;
Но день прошелъ — и вечеркомъ
Онъ за вино отъ фоліанта.

Люди веселились тогда съ умомъ. — Кантъ упоминается здѣсь потому, что тогдашній дерптскій профессоръ философіи Еше, у котораго Языковъ слушалъ лекціи, былъ кантовецъ. См. мою книжку „Матеріалы для біографіи М. Ѳ. Поссельта“.

лично, и который подалъ-было ему надежду на успѣхъ, дѣло затянулось, но благодаря ходатайству Авдотьи Петровны Елагиной черезъ ея родственника, профессора Мойера, вожделѣнное свидѣтельство было наконецъ получено.

Но мысль объ экзаменѣ была оставлена навсегда, вслѣдствіе одной ужасной и изнурительной болѣзни, и Языковъ поступилъ въ межевую контору.

По поводу этого сообщенія г. Шёнрока мы сдѣлаемъ три замѣчанія:

1) для полученія увольнительнаго свидѣтельства, такъ называемаго въ Дерптѣ General-Testimonium, въ которомъ университетъ не могъ отказать Языкову, не требовалось никакой особой протекціи ректора, и не зачѣмъ было послѣднему „подавать надежду на успѣхъ“. Выдача такого аттестата — дѣло чисто канцелярское, а личное участіе въ немъ ректора выражается лишь въ подписаніи на свидѣтельствѣ своей фамиліи.

2) Языковъ, находясь уже въ Москвѣ, всетаки не бросалъ мысли о сдачѣ экзамена и не покидалъ занятій.

3) Г. Шёнрокъ здѣсь совершенно правильно указываетъ главную причину, которая помѣшала Языкову сдать выпускной экзаменъ сначала въ Дерптскомъ университетѣ, а потомъ и въ Московскомъ: это именно — ужасная и изнурительная болѣзнь, по всей вѣроятности, lues, приведшая несчастнаго поэта къ параличу спинного мозга и преждевременной смерти.

Обратимся теперь къ самому документу или „вожделѣнному свидѣтельству“, какъ его называетъ г. Шёнрокъ, т. е. къ General-Testimonium Языкова, которое оставалось неизвѣстнымъ для біографовъ и котораго отпускъ-черновикъ хранится въ дѣлахъ архива Юрьевскаго университета.

Увольнительное свидѣтельство было выдано Языкову отъ имени совѣта университета и основывалось на двухъ предшествующихъ документахъ: 1) отзывѣ университетскаго суда и 2) удостовѣреніи декана философскаго факультета. Послѣднее

въ свою очередь основано на засвидѣтельствованіи отдѣльныхъ профессоровъ-спеціалистовъ, у которыхъ слушалъ лекціи Языковъ. Документы приводятся нами въ нѣмецкихъ подлинникахъ и снабжены нашимъ переводомъ. Прежде всего въ хронологическомъ порядкѣ слѣдуетъ приговоръ университетскаго суда.

Aus der Kanzellei Eines Kaiserlichen Universitäts-Gerichts wird, der Wahrheit gemäss, attestiret, dass der Herr gewesene studiosus phil. Nicolaus Jasykow die seines damaligen Abgangs wegen von der Universität beim Kaiserlichen Universitäts-Gerichte erforderlichen Prästanda berichtigt habe; auch im diesseitigen catalogo morum nicht annotirt stehe.

Dorpat, den 10. Sept. 1830. № 237.

(Переводъ.)

Канцеляріею Императорскаго университетскаго суда въ соотвѣтствіи съ истиною аттестуется, что бывшій студентъ философіи Николай Языковъ въ свое время при оставленіи университета исполнилъ все требующееся и не былъ записанъ въ книгу поведенія.

Дерптъ, 10 сентября 1830 г.

Изъ приведеннаго свидѣтельства суда мы усматриваемъ, что, если Языковъ иногда, быть можетъ, и позволялъ себѣ какія-либо студенческія проказы, но за то съ оффиціальной точки зрѣнія университетскаго суда не погрѣшалъ и ни разу не попалъ въ кондуитный списокъ или штрафную книгу студентовъ. Поведеніе его за всѣ три съ половиною года его студенчества признано безупречнымъ. Припоминая себѣ, что требованія Дерптскаго университетскаго суда къ своимъ студентамъ были несравненно строже и мелочнѣе, чѣмъ въ другихъ университетахъ (такъ еще въ семидесятыхъ годахъ сажали въ карцеръ и по указанію педелей записывали въ штрафную книгу студентовъ, замѣченныхъ въ знакомствѣ mit lüderlichen Frauen), что надзоръ за студентами доходилъ еще

въ мое время до степени, немыслимой въ прочихъ русскихъ университетахъ (напр., студентъ во всякое время обязанъ былъ отворить дверь по требованію педеля, произнесшаго формулу „Во имя закона“, и вообще педеля имѣли право посѣщать студенческія квартиры и производить какъ бы ревизію того, что̀ дѣлаетъ, и чѣмъ занимается студентъ), нужно признать, что, будь Языковъ и точно безшабашный пьяница и скандалистъ, какимъ себѣ его представляютъ русскіе его біографы, то ему не разъ бы пришлось перевѣдаться съ университетскимъ судомъ и попасть въ „каталогъ нравовъ“. Если этого, однако, нѣтъ, если онъ ни разу въ него не попалъ, то, значитъ, онъ и не имѣлъ никакого касательства къ университетскому суду (чего не избѣгалъ почти ни одинъ дерптскій студентъ: посидѣть хоть разъ въ карцерѣ считалось какъ бы обязанностію настоящаго студента!), и проводилъ себѣ время болѣе въ качествѣ скромнаго домосѣда [1]), велъ себя тихонько и скромненько и отнюдь не пользовался у начальства тою репутаціею, какою соблаговолили его наградить гг. біографы.

Этимъ опять разрушается старая и нелѣпая легенда о разгульномъ будто бы образѣ жизни Языкова.

Далѣе слѣдуетъ свидѣтельство декана философскаго факультета:

Attestat.

Demnach der gewesene Studierende der Philosophie Herr Nicolaus Jasykow aus Simbirsk gebührend um das zur Erlangung eines Generaltestimonii erforderliche Decanatszeugniss nachgesucht, nachdem er über die von ihm mit Fleiss besuchten öffentlichen Vorlesungen Specialzeugnisse beigebracht hat, als:

über Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften, Philosophische Religionslehre, Logik, Theoretische Physik, Römische Geschichte (zweimal), Geschichte des Mittelalters, Neuere Geschichte,

1) Въ стихотвореніяхъ Языкова не разъ съ любовью воспѣвается его домосѣдство. Домосѣдомъ былъ поэтъ и въ Москвѣ.

Neueste Geschichte Europas, Geschichte der Reussen, den gegenwärtigen Zustand aller Europäischen Staaten, Geschichte des Europäischen Staatensystems, Verfassung und Verwaltung Russlands, Europäisches Völkerrecht, Politische Oeconomie, Encyclopädie der zur Politischen Oeconomie gehörenden Wissenschaften (ein Semester, zweiter Theil), Handlungswissenschaft, Römische Alterthümer, Geschichte der Malerei und Baukunst der Alten, Aesthetik, Geschichte der russischen Literatur, Erklärung auserwählter Stellen russischer Dichter und Prosaiker,

so wird gedachtem Herrn Jasykow das erbetene Attestat mit der Unterschrift des derz. Decans und beigedrücktem Siegel der Philosophischen Facultät hiermit ausgefertigt.

Dorpat, d. 12. September 1830.

(Переводъ.)

По просьбѣ бывшаго студента философіи Николая Языкова, родомъ изъ Симбирска, о выдачѣ ему деканскаго свидѣтельства для полученія увольнительнаго свидѣтельства дается ему просимый аттестатъ за подписомъ декана и приложеніемъ печати философскаго факультета въ томъ, что, согласно предъявленныхъ имъ спеціальныхъ удостовѣреній, онъ съ прилежаніемъ слушалъ лекціи по:

энциклопедіи философскихъ наукъ, философскому ученію о религіи, логикѣ, теоретической физикѣ, римской исторіи (дважды), средневѣковой исторіи, новой исторіи, новѣйшей исторіи Европы, исторіи Руссовъ, о современномъ состояніи европейскихъ государствъ, исторіи европейскихъ государствъ, о русскомъ государственномъ устройствѣ и управленіи, по европейскому международному праву, политической экономіи, энциклопедіи наукъ, относящихся къ политической экономіи (II часть, одинъ семестръ), наукѣ о торговлѣ, римскимъ древностямъ, исторіи живописи и архитектуры у древнихъ народовъ, эстетикѣ, исторіи русской литературы, объясненію избранныхъ мѣстъ изъ русскихъ поэтовъ и прозаиковъ.

Дерптъ, 12 сентября 1830 г.

Этотъ архивный документъ совершенно видоизмѣняетъ прежнія представленія изслѣдователей о характерѣ занятій студента - Языкова. Профессора - спеціалисты удостовѣрили, что Языковъ прослушалъ ихъ курсы съ прилежаніемъ. Изъ многихъ прочитанныхъ нами архивныхъ дѣлъ о разныхъ студентахъ того времени мы убѣдились, что тогдашніе нѣмецкіе профессора не писали студентамъ отмѣтокъ изъ вѣжливости, а наоборотъ проставляли свою оцѣнку весьма обдуманно и безъ всякой церемоніи: „посѣщалъ“, или „посѣщалъ рѣдко“, даже — „очень рѣдко“ — притомъ и такимъ студентамъ, которымъ въ прошломъ семестрѣ они же сами проставляли „исправно“, или „прилежно“. Такимъ образомъ, отнюдь нельзя сомнѣваться, что отмѣтка Языкова точно выражаетъ степень его студенческаго рвенія, и что, дѣйствительно, Языковъ въ посѣщеніи курсовъ былъ прилеженъ и усерденъ, а не просиживалъ лекцій въ кабакѣ, какъ склонны думать біографы. На основаніи удостовѣреній профессоровъ - спеціалистовъ деканъ философскаго факультета свидѣтельствовалъ, что Языковъ прослушалъ полный курсъ наукъ своего факультетскаго отдѣленія по очень разнообразной программѣ: есть и энциклопедія и философскихъ, и политико-экономическихъ наукъ, и логика, и политическая экономія, исторія и русская, и всеобщая, и новая, и новѣйшая, и римская, и средневѣковая, права государственное и международное, наука о торговлѣ и римскія древности. Программа эта показываетъ, что Языковъ штудировалъ приблизительно по отдѣленію, такъ называемому въ русскихъ университетахъ, этико-политическому. Но въ пользу прилежанія и научныхъ интересовъ Языкова, котораго намъ любятъ рисовать безшабашнымъ лѣнтяемъ, говоритъ и то обстоятельство, что, не удовлетворяясь обязательными курсами, онъ прослушалъ еще цѣлый рядъ курсовъ необязательныхъ, — уже исключительно въ цѣляхъ своего духовнаго просвѣщенія, — къ числу которыхъ безспорно относятся философія религіи, эстетика, теоретическая физика, исторія живописи и

архитектуры у древнихъ, современное состояніе европейскихъ государствъ и др. Вотъ какіе предметы интересовали юношу-поэта, вотъ гдѣ онъ искалъ разрѣшенія своимъ умственнымъ запросамъ.

Совѣтское свидѣтельство является объединеніемъ вышеприведенныхъ документовъ, но повышаетъ предикатъ прилежанія.

Conseil. Dorpat, den 12. September 1830, № 322.

Auf Befehl etc.

ertheilt das Conseil der Kaiserlichen Universität Dorpat dem gewesenen Studierenden der philosophischen Wissenschaften Herrn Nicolaus Jasykow, Sohn eines Garde-Lieutenants aus Simbirsk, hiermit das Zeugniss: dass derselbe vom 17. Mai 1823, als vom Tage seiner Immatriculation hierselbst an, bis zum 18. Januar 1827 seinen vollständigen academischen Cursus gehörig absolvirt und nach dem hierüber producirten Attestate der philosophischen Facultät nachstehende öffentliche Vorlesungen mit vielem Fleiss gehört hat, als (перечень предметовъ изъ деканскаго свидѣтельства).

Das Conseil vermag über seine erworbenen Kenntnisse kein Urtheil zu fällen, weil er selbige sich keiner Prüfung unterwarf, und kann ihn auch nicht zu Ansprüchen auf die den graduirten Studierenden Allergnädigst verliehene zwölfte Rangklasse berechtigen. Sein sittlicher Wandel während des hiesigen Aufenthalts ward stets tadellos.

(Переводъ.)

По указу и т. д.

Совѣтъ Императорскаго Дерптскаго Университета даетъ свидѣтельство бывшему студенту философскихъ наукъ Николаю Языкову, сыну гвардіи прапорщика, изъ Симбирска, въ томъ, что онъ за время съ 17 Мая 1823 г., со дня своей иматрикуляціи, по 18 Января 1827 г. надлежащимъ образомъ окончилъ полный свой академическій курсъ и по выданному отъ философскаго факультета аттестату съ большимъ прилежаніемъ прослушалъ слѣдующіе курсы . . . .

Совѣтъ не можетъ подать сужденія о пріобрѣтенныхъ имъ познаніяхъ, потому что онъ не подвергалъ себя испытаніямъ, а потому и не можетъ сообщить ему права на чинъ 12-го класса, даруемый дѣйствительнымъ студентамъ. Въ отношеніи нравственности его поведеніе во время пребыванія здѣсь было всегда безупречнымъ.

Дерптъ, 12 сентября 1830 г. № 322.

Это свидѣтельство было послѣднимъ документомъ объ образованіи Н. М. Языкова, съ нимъ онъ остался уже на вѣкъ, не добившись диплома, который давалъ-бы ему право на безпрепятственное производство въ чинъ губернскаго секретаря![1]) Съ оффиціальной точки зрѣнія, несмотря на всѣ свои занятія и пріобрѣтенное имъ широкое умственное развитіе, онъ остался студентомъ, прослушавшимъ полный курсъ наукъ, но не сдавшимъ окончательнаго, выпускного испытанія. Но какое же у насъ право считать его невѣждою и недоучкою?! И развѣ только оффиціальный дипломъ свидѣтельствуетъ о познаніяхъ человѣка? . . .

Какъ мы видѣли выше, Языкову никакъ нельзя было отказать въ домашнемъ прилежаніи. Теперь-же мы видимъ, что и въ университетѣ Языковъ работалъ прилежно, и отслушавъ всѣ обязательные курсы, простиралъ свое рвеніе и гораздо далѣе, посѣщая курсы, хотя необязательные, но привлекавшіе и интересовавшіе его. Словомъ, Языковъ взялъ отъ университета все, что̀ могъ, и что̀ тотъ ему давалъ, но остался, по его выраженію, „студентъ свободно бездипломный.“

Но почему же именно Языковъ, несмотря на все свое прилежаніе, всетаки не выдержалъ выпускного экзамена и не пріобрѣлъ ученой степени кандидата?

Мы видѣли, что прежнія объясненія этого обстоятельства, сваливавшія всю вину на голову поэта, на его лѣнь, безпечность, разгулъ и пр. неосновательны.

---

1) Коллежскаго регистратора онъ выслужилъ уже по межевому вѣдомству.

Въ чемъ же дѣло?

По нашему мнѣнію, фатальную роль съиграло, прежде всего, зараженіе поэта въ Дерптѣ болѣзнью мучительною, разрушительною и по тому времени почти неисцѣлимою. Позднѣйшій tabes Языкова вполнѣ объясняетъ его болѣзнь. Эта болѣзнь надорвала организмъ поэта и подкосила его силы не только физическія, но, вѣроятно, отчасти и умственныя [1]).

Кромѣ того, мы не знаемъ даже, пріѣхалъ ли Языковъ въ Дерптъ съ цѣлью получить ученую степень или академическое званіе (дѣйствительнаго студента) — и вообще собирался ли онъ держать потомъ экзаменъ, когда былъ въ началѣ своихъ занятій. Выраженіе Humaniora какъ будто указываетъ на то, что онъ имѣлъ въ виду лишь получить въ университетѣ образованіе, а не держать какіе-либо экзамены ради пріобрѣтенія правъ. По Humaniora экзамена держать нельзя, и такой ученой степени нѣтъ. Но въ позднѣйшее время Языковъ, дѣйствительно, хотѣлъ держать экзаменъ. Для объясненія того, почему же Языковъ всетаки не приступилъ къ испытанію, необходимо, по нашему мнѣнію, привлечь къ разсужденію еще одно обстоятельство, всегда имѣвшее мѣсто именно въ дерптскомъ университетѣ — и только въ немъ одномъ — хорошо извѣстное всѣмъ старымъ дерптскимъ студентамъ, но котораго не могли знать ни г. Шёнрокъ, какъ не бывшій въ дерптскомъ университетѣ, ни Семевскій, какъ офицеръ, вообще никогда не штудировавшій въ университетахъ. Дѣло касается одной прежней особенности дерптскихъ университетскихъ экзаменовъ.

---

1) Разгаръ болѣзни относятъ въ біографіяхъ къ 1831 году. Но, такъ какъ говорится уже о разстройствѣ спинной кости, то, очевидно, рѣчь идетъ уже о послѣдствіи, а не о самомъ заболѣваніи. Болѣзнь была, вѣроятно, распространена въ Дерптѣ. Ею страдалъ и другъ Языкова, А. Д. Хрипковъ, о которомъ (Уткинскій Сборникъ, № 43, стр. 210) 26 мая 1818 г. М. А. Мойеръ писала А. П. Елагиной изъ Дерпта: il n'a fait aucun progrès dans rien (excepté certaine maladie, dont Moier l'a guéri). Въ числѣ болѣзней Языкова упоминаютъ еще о солитерѣ. Это — спеціально дерптская болѣзнь, и ее поэтъ могъ захватить только здѣсь.

Въ прежнемъ дерптскомъ университетѣ не было ни курсовъ, ни обязательныхъ курсовыхъ годичныхъ экзаменовъ, но господствовала система добровольной (по прошенію) явки на экзамены въ одинъ, свободно выбранный изъ числа опредѣленныхъ терминовъ въ году, причемъ не желающіе, не заявлявшіе о желаніи экзаменоваться — насильно — никогда и не подвергались экзамену.

При русской (школьной) системѣ въ концѣ учебнаго года къ экзамену обязаны были являться всѣ студенты, и всѣ volens nolens подвергались экзамену, а съ теченіемъ времени, переходя съ курса на курсъ, приближались и къ окончанію.

Экзаменъ не получалъ въ ихъ глазахъ значенія чего-то необычнаго, зависящаго только отъ ихъ собственной воли. Въ Дерптѣ недостаточно было хорошо подготовиться къ экзаменамъ: надо было еще рѣшиться, надо было спеціально ходатайствовать о допущеніи къ экзамену — и вотъ именно необходимость этого рѣшенія, этого акта или усилія воли губила многихъ скромныхъ, робкихъ молодыхъ людей, отличавшихся излишнею щепетильностью, излишнею добросовѣстностью въ пониманіи экзаменныхъ требованій, и страдавшихъ недовѣріемъ къ собственнымъ силамъ.

Такіе скромные и тихіе люди часто не рѣшались выходить къ экзамену и, откладывая его семестръ за семестромъ, оставались „недоучками“, хотя подчасъ они и были подготовлены къ испытанію несравненно лучше выдерживающихъ его.

Изъ писемъ Языкова и изъ воспоминаній о немъ намъ хорошо извѣстенъ его добродушный, крайне застѣнчивый, нерѣшительный и мягкій характеръ, находящійся въ такомъ странномъ противорѣчіи съ его бурнымъ стихомъ и пламенными пѣснями. По свидѣтельству многоопытнаго М. П. Погодина, онъ никого не видѣлъ скромнѣе Языкова. Мы знаемъ, что Языковъ и въ одиночку, и вмѣстѣ съ товарищами неоднократно готовился къ экзамену, — а выйти къ нему онъ такъ и не рѣшился. Но это отнюдь еще

не доказываетъ того, что онъ не былъ готовъ къ экзамену и не въ силахъ былъ-бы его выдержать [1]). Изъ времени нашего собственнаго студенчества въ Дерптѣ, мы очень хорошо помнимъ этихъ бѣдныхъ товарищей, которые робѣли экзаменовъ и не рѣшались подвергаться имъ. Проготовившись обыкновенно цѣлый семестръ, и не находя въ себѣ душевныхъ силъ идти на испытаніе, эти люди во время экзамена или исчезали изъ Дерпта, или прятались и запирались отъ товарищей, а иные даже положительно расхворывались и слегали въ постель. Такіе робкіе встрѣчались между студентами разныхъ національностей, но очень часто это бывало почему-то среди русскихъ. Намъ думается, что такой же болѣзнью воли по отношенію къ экзамену страдалъ и Языковъ. Съ робкими студентами дѣло оканчивалось обыкновенно такъ, что товарищи тащили больного на экзаменъ буквально чуть не на веревкѣ. Помню я и такіе случаи, что въ подобныхъ бѣднякахъ принимали участіе даже сами профессора и экзаменаторы, которые съ помощью какой-либо хитрости проникали въ квартиру, гдѣ взаперти отсиживались нерѣшительные ихъ экзаминанты, силою извлекали ихъ изъ постели, заставляли умываться и одѣваться и сами же вели ихъ экзаменовать въ университетъ. Сдавъ экзаменъ, нерѣдко блистательно, человѣкъ обыкновенно перерождался и приходилъ въ себя.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Языковъ, при его дарованіяхъ и занятіяхъ, при его необыкновенной памяти, не разъ выручавшей его на экзаменахъ въ корпусѣ, легко сдалъ бы экзаменъ на кандидата, а при его связяхъ, славѣ поэта,

1) Если поэтъ неоднократно писалъ, что занятія его нейдутъ на ладъ, то онъ могъ по той же скромности погрѣшать въ оцѣнкѣ своихъ штудій и ихъ успѣшности. Напр., онъ еще 18 декабря 1827 г. пишетъ Вульфу: „приготовленія къ экзамену, можно признаться, не начались, потому что мнѣ совѣстно назвать симъ почтеннымъ именемъ обыкновенное чтеніе, справки и выправки учебныя — безъ системы, какъ въ голову придетъ, безъ цѣли близкой.“ Это и дорого, что Языковъ работалъ прежде всего для своего развитія, а не зубрилъ, чтобы имѣть, подобно Вульфу, обо всемъ „затверженное мнѣніе“ (см. ниже, стр. 49).

обширномъ знакомствѣ въ профессорскомъ кругу, а главное, за прилежное посѣщеніе лекцій, былъ бы выпущенъ хотя бы только со званіемъ дѣйствительнаго студента, даже въ случаѣ какихъ-либо прорѣхъ въ знаніяхъ, — стоило бы ему только рѣшиться, просить себѣ экзамена и явиться на него. Но на это онъ именно и не рѣшился. . . Нельзя не пожалѣть, что среди его товарищей и знакомыхъ профессоровъ не нашлось никого, кто бы примѣнилъ къ поэту мѣру насильственнаго привода. . . Поэту не мѣшало бы имѣть побольше развязности, побольше довѣрія къ своимъ силамъ, — хотя, съ другой стороны, чрезвычайная скромность и полное отсутствіе какой-либо нахальности очень украшаетъ нравственный обликъ Николая Михайловича. Но она же, эта скромность — и не только въ дѣлѣ экзаменовъ — вообще вредила житейскимъ успѣхамъ нашего поэта. Благодаря ей, Языковъ ничего не добился въ жизни и остался „въ сторонѣ отъ большого свѣта“ [1]). Скромность же повредила Языкову и у его строгихъ біографовъ. . .

Тяжелыя обстоятельства матеріальныя, болѣзнь и внутренняя постоянная борьба въ конецъ измучили нашего поэта. Дерптъ ему (хотя и временно) опостылѣлъ. Вотъ что онъ писалъ своему зятю, П. А. Бестужеву, мужу сестры поэта, Прасковіи Михайловны, изъ Дерпта, 18 февраля 1829 года [2]): „Тебѣ уже извѣстна, мой почтеннѣйшій, моя рѣшительная воля объ оставленіи Дерпта. Надѣюсь, что вы не откажетесь и не замедлите способствовать моему, безъ похвальбы скажу, спасенію! Вездѣ, гдѣ бы то ни было, я могу работать, думать и писать, жить и блаженствовать, вездѣ, кромѣ Дерпта, буду здоровѣе тѣломъ и душою. Какъ-бы только добраться до Языкова!“

---

1) . . . (Я) за фортуной быстроногой
Мірскою пыльною дорогой
Не побѣжалъ, хоть всѣ бѣгутъ. . .

2) В. Поливановъ, Село Языково, „Историческій Вѣстникъ“, за 1896 г., декабрь, т. 66, стр. 990. О Дерптѣ поэтъ всегда вспоминалъ потомъ съ любовью.

поэзіи, то привелъ ее къ дѣйствительно прекрасному виду, возвелъ ее въ „перлъ созданія“. Если никто не укоряетъ нѣмецкихъ поэтовъ за эти студенческія пѣсни, порою довольно грубаго и пикантнаго содержанія, то и мы не имѣемъ права корить ими Языкова. Но, кромѣ того, и это главное — „хмѣльную“ поэзію Языкова нельзя примѣнять въ качествѣ матеріала къ его біографіи, и нельзя весь этотъ „хмѣль“ взваливать на него.

Да и не „хмѣль“ помѣшалъ ему добиться университетскаго диплома, какъ не мѣшалъ онъ получить таковой нѣмцамъ. . . .

Еще одно обстоятельство надо разъяснить при реабилитаціи личности Языкова; это — его студенческіе долги. Дерптскіе студенты обыкновенно покидали университетъ съ долгами, но Языковъ побилъ небывалый тогда рекордъ: несмотря на неоднократныя тысячныя уплаты, у него оказалось около 28 тысячъ долгу! Однако, не надо думать, что всѣ эти многія тысячи были Языковымъ въ Дерптѣ пропиты и проѣдены самимъ. Выключая коммерсы и т. п., Языковъ жилъ очень скромно. Да и какъ бы онъ ни кутилъ, одному въ уѣздномъ городѣ Дерптѣ того времени такую сумму прокутить было бы всетаки мудрено. Но дѣло объясняется очень просто. Считая Языкова, повидимому, за Креза и обладателя неисчислимыхъ богатствъ, да видя притомъ же въ немъ простофилю, его обобрали и разорили нѣкоторые его, такъ сказать, „товарищи“. Какъ мы видѣли выше, его квартира была сборнымъ пунктомъ. Это значило, что на квартиру Языкова валилъ всякъ, и русскій, и нѣмецъ[1]), какъ къ былинному Василію Буслаеву на широкій дворъ, мѣшалъ ему, отвлекалъ отъ занятій и угощался у него.

Но помимо обильной ѣды и питій, что̀ не могло бы еще

---

1) Благодѣтельною силой
Съ нами нѣмцевъ подружило
Откровенное вино.
Шумно, пламенно и мило
Мы гуляемъ за одно!

быть для Языкова особенно разорительнымъ, „товарищи“ дѣлали и худшія вещи; знакомые и его, и не его, а даже знакомые знакомыхъ его, т. е. лично не знавшіе его, дѣлали долги на имя Креза-Языкова — Herr von Jasykow wird schon bezahlen, обнадеживали они заимодавцевъ — и Языковъ подтверждалъ чужія обѣщанія, уплачивалъ. . . .

Несмотря на свои грозные стихи противъ „стараго плѣшака“, П. Я. Чаадаева, и „ненашихъ“ западниковъ, Языковъ былъ натура [1]) въ высшей степени добрая, застѣнчивая, уступчивая и деликатная — даже въ отношеніи своихъ крѣпостныхъ людей, что̀ въ ту пору еще и въ поэтахъ было большою рѣдкостью. „Душа чистая, безобидная, любящая, жила въ этомъ тѣлѣ“, говоритъ Шевыревъ. „Мягкая кротость была главною чертою въ его характерѣ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которые могутъ быть только жертвами другихъ. Какъ часто, страдая болѣзнію въ Ганау, онъ уменьшалъ ея признаки передъ своимъ престарѣлымъ врачемъ, чтобы не огорчить(!) его. Утромъ, пробужденный недугомъ, боялся онъ потревожить сонъ слуги. . . Всякій близкій могъ завладѣть и его добромъ, и имъ всѣмъ, кромѣ его убѣжденій. Въ нихъ только сосредоточивалъ онъ всю крѣпость своего характера“. . .

Такъ и отъ нѣкоторыхъ знакомыхъ своихъ въ Дерптѣ Языковъ терпѣлъ обирательство, платилъ за нихъ — и наконецъ самъ дошелъ до крайности. Но онъ былъ добръ не только пассивно, но и активно. Имѣются разсказы, что онъ добровольно дарилъ друзьямъ свои вещи, не исключая платья.

---

1) Любопытно замѣчаніе объ Языковѣ въ Literärische Bilder aus Russland von Koenig (1837): Jasykow hat, wie Delwig, ein phlegmatisches Ansehen. Wenn man ihn im Studentenkittel, mit einer Pfeife im Munde, sitzen sieht, so nimmt man ihn eher für einen deutschen Studenten, als für einen russischen Bojarensohn. Hinter seinem Aeussern, besonders in den ruhigen Augenblicken, sucht man auch durchaus nichts Lyrisches, besonders nichts von seinen aufstürmenden — soll man sagen — Donnerwetter-Gesängen.

Громадные долги, уплаченные имъ съ большимъ трудомъ, не только не помрачаютъ памяти Языкова, мнимаго кутилы, но служатъ еще добавочною характеристикою прекрасной натуры поэта, и не совсѣмъ прекрасной — кое-кого изъ окружавшей его среды.

Попробуемъ теперь сопоставить во едино всѣ вновь добытые факты и резюмировать полученные нами выводы.

Н. М. Языковъ на двѣнадцатомъ году жизни поступилъ въ горный кадетскій корпусъ, гдѣ получилъ разностороннее образованіе и дошелъ до среднихъ классовъ. Поведеніе его въ корпусѣ было съ точки зрѣнія начальства не вполнѣ безупречно, но успѣхи его въ наукахъ въ общемъ очень хорошіе, за исключеніемъ математики, изъ-за которой онъ, какъ мы знаемъ, и покинулъ корпусъ до окончанія курса въ немъ, въ 1819 году. Интересъ къ поэзіи и къ исторіи проснулся въ немъ еще на кадетской скамьѣ. Въ 1823 году Языковъ для продолженія своего образованія поступилъ безъ экзамена на основаніи свидѣтельства горнаго кадетскаго корпуса въ число студентовъ Дерптскаго университета. Въ теченіе $3^1/_2$ лѣтъ Языковъ усердно слушалъ лекціи въ университетѣ, окончилъ слушаніемъ полный курсъ наукъ избранной имъ секціи философскаго факультета и посѣщалъ даже нѣкоторые курсы необязательные, только ради расширенія своего умственнаго развитія. Наряду съ тѣмъ онъ работалъ дома, готовился къ оффиціальнымъ экзаменамъ, но, сверхъ того, занимался изученіемъ и предметовъ, не входящихъ прямо въ составъ университетскаго курса. За время пребыванія въ университетѣ Языковъ пользовался вниманіемъ начальства, которое отличало его, велъ себя прилично и тихо, съ университетской точки зрѣнія безукоризненно, былъ принятъ въ кругу профессоровъ. Но и въ кругу студентовъ Языковъ игралъ почетную роль, пользуясь ихъ уваженіемъ; онъ же является основателемъ студенческой частной библіотеки и даже русской корпораціи.

Несмотря на очень благопріятныя общія условія, имѣя

всѣ шансы пройти на экзаменахъ, благодаря и знаніямъ, и прилежанію въ посѣщеніи лекцій, и всероссійской славѣ своего имени, и обширному знакомству, Языковъ въ силу тяжелой болѣзни и еще, какъ мы предполагаемъ, благодаря встрѣчавшейся среди дерптскихъ студентовъ особой временной болѣзни воли, не рѣшился явиться на испытаніе, а потому и остался не окончившимъ курсъ университета отставнымъ студентомъ.

Наше собраніе матеріаловъ объ Языковѣ заключимъ стихотвореніемъ, сонетомъ поэта, нынѣ совершенно забытаго, Лукьяна Андреевича Якубовича, имѣвшаго счастье быть другомъ двухъ большихъ поэтовъ пушкинскаго періода: А. И. Полежаева и Н. М. Языкова. Стихотвореніе Якубовича недурно обрисовываетъ основные сюжеты поэзіи Николая Михайловича [1]).

Н. М. Языкову.

Торжественный, роскошный и могучій —
Твой стихъ летитъ изъ сердца глубины;
Какъ шумъ дубровъ и Волги валъ гремучій,
Твои мечты и живы, и полны:
Онѣ полны божественныхъ созвучій,
Какъ ропотъ арфъ и гимнъ морской волны!

Отчизну-ли поешь и гордо, и правдиво,
Гроба Ливоніи, героевъ племена,
Красавицъ иль вино: плѣнительно и живо
Рокочетъ, и звучитъ, и прыгаетъ струна...
И сердце нѣжится по волѣ, прихотливо,
И словно нектаромъ, душа упоена.

Тексты Языковскихъ стихотвореній приведены нами по самому полному изданію стихотвореній Н. М. Языкова въ

1) См. „Стихотворенія Лукьяна Якубовича“, Спб., 1837, № XIII, стр. 32—33.

Языкова его біографы стыдятъ примѣромъ его друга и товарища, сначала по горному корпусу, а потомъ и по дерптскому университету, Алексѣя Николаевича Вульфа, который курсъ окончилъ — и всего въ три года (1822—1825). Но Вульфъ (№ матрикула 1720) кончилъ со степенью дѣйствительнаго студента („градульника“, какъ говорили въ Дерптѣ, т. е. graduirter Student), и штудировалъ то онъ не Богъ вѣсть что, а именно военныя науки. Если Пушкинъ, часто встрѣчавшійся съ нимъ въ концѣ 1825 года, и отозвался о Вульфѣ почтительно: „онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ, какъ мы съ вами выучились танцовать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ... Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ“ („Мысли о холерѣ“), то этотъ отзывъ не столько свидѣтельствуетъ объ образованности Вульфа, сколько объ извѣстной скромности великаго поэта. Впрочемъ, можетъ быть, Вульфъ и понабрался ума въ Дерптѣ, — и именно около того же Языкова. Пушкинъ сообщаетъ еще о Вульфѣ, что онъ имѣлъ „обо всемъ затвержденное понятіе въ ожиданіи собственной провѣрки“. Языковъ врядъ ли былъ бы способенъ вѣщать важно такія затверженныя понятія, хотя бы даже и достигъ званія „градульника военныхъ наукъ“...

Я считаю здѣсь нелишнимъ остановиться на статьѣ одного изъ моихъ учениковъ еще по юрьевскому университету, Александра Розенберга, на нѣмецкомъ языкѣ (въ ноябрьской книжкѣ Baltische Monatsschrift за 1905 г.) „Ein russischer Sänger des alten Dorpat, N. M. Jasykow“. Статья г. Розенберга написана довольно старательно, отчасти, по рѣдкимъ печатнымъ источникамъ и одному архивному документу. Къ сожалѣнію, и этотъ авторъ черезчуръ налегаетъ на лѣность и безволіе нашего поэта: „что касается серьезныхъ занятій, говоритъ онъ (стр. 313), то Языковъ остался при однихъ лишь намѣреніяхъ (bei dem Vor- und Ansatz); съ тягостной (leidigen Arbeit) работой, повидимому, дѣло у него не шло (стр. 317)“; авторъ называетъ натуру поэта „лѣнивою, квіе-

тистическою", его характеръ „лишеннымъ энергіи", его жизнь въ Дерптѣ не имѣвшею настоящаго смысла и цѣли, протекавшею безъ работы и успѣха; врядъ ли можно согласиться и съ тѣмъ, якобы религіозность въ Языковѣ пробудилась только вслѣдствіе болѣзни. Но если г. Розенбергъ не возвысился до болѣе справедливой оцѣнки натуры Языкова и пошелъ по стопамъ г. Шёнрока, то интересною и оригинальною надобно признать его попытку указать мѣсто Языкова среди поэтовъ-студентовъ дерптскаго университета, авторовъ такъ называемой „бурсацкой" [1]) поэзіи, особенно, современника Языкова, студента Hinze и — поступившаго въ университетъ сейчасъ послѣ ухода Языкова, и его какъ-бы замѣстителя, Grindel'я, затѣмъ Haase, Adolphi и др.

Пѣсни Языкова г. Розенбергъ называетъ настоящими бурсацкими (richtige Burschenlieder).

Правильно указано въ статьѣ, что многіе русскіе критики (стр. 324), незнакомые съ особенностями дерптской студенческой жизни, были не въ состояніи правильно понять музу Языкова. Слава Языкова возникла въ Дерптѣ и черезъ него; Языковъ извѣстенъ, какъ дерптскій Языковъ (als der Jasykow Dorpats). И для нѣмцевъ, говоритъ г. Розенбергъ, изъ поэзіи Языкова вѣетъ родственнымъ духомъ (etwas anheimelndes). Языковъ былъ бардомъ дерптской бурсацкой жизни и герольдомъ идеаловъ и своеобразія дерптскаго университета.

Нельзя не отмѣтить теплой симпатіи г. Розенберга къ нашему поэту. Но, если мысль автора надо понимать въ томъ смыслѣ, что поэтомъ Языкова сдѣлали именно Дерптъ и жизнь дерптскихъ студентовъ, то положеніе автора нуждается въ большомъ ограниченіи [2]).

---

1) Нѣмецкое Bursch въ значеніи „студента" тогдашніе русскіе студенты переводили словомъ „бурсакъ".

2) Туда, туда, къ Петрову граду
Я полетѣлъ бы: мнѣ мила
Страна, гдѣ первую награду
Мнѣ муза пылкая дала.
(„Элегія": „О деньги, деньги! . . .")

На нѣкоторыхъ вопросахъ, поднятыхъ г. Розенбергомъ, мы остановимся.

Мы отнюдь не желаемъ отрицать, что Языковъ пожилъ въ Дерптѣ весело и отдалъ нѣкоторую дань вину и прочимъ забавамъ молодежи. Но вѣдь это — не порокъ, это даже входитъ въ программу нѣмецкаго студенческаго юношества (die Jugend muss austoben), за это никто-же не укоряетъ нѣмецкихъ поэтовъ, которые — всѣ, кто былъ и зъ нихъ въ университетѣ, прошли чрезъ такую полосу. Но веселая корпоративная жизнь не помѣшала и не мѣшаетъ выйти изъ корпорацій и въ Германіи, и въ Дерптѣ многимъ замѣчательнымъ людямъ. Если приводить противъ Языкова свидѣтельство его собственной поэзіи, то, какъ замѣчено уже выше, поэты много прибавляютъ къ дѣйствительно пережитому, а въ частности, и Языкову, какъ и его современнику, московскому студенту А. И. Полежаеву, много повредило въ глазахъ русскихъ критиковъ поэтическое ихъ изображеніе студенческой жизни; все, что тамъ писано поэтами, зачли имъ на собственный ихъ счетъ. Затѣмъ, буйныя поэтическія изліянія Языкова, дѣйствительно [1]), въ значительной степени навѣяны нѣмецкою студенческою поэзіей, и только полное съ послѣднею незнакомство русскихъ біографовъ Языкова могло ихъ навести на мысль приписать всѣ излишества, въ нихъ изображаемыя, русскому поэту. Студенческія пѣсни, воспѣвающія вино, винопитіе и пр., не брезговали писать величайшіе представители нѣмецкой литературы, какъ то Лессингъ (Gestern, Brüder, könnt ihr's glauben? Gestern, bei dem Saft der Trauben etc.), Гёте (нѣсколько пѣсенъ, напр. Hier sind wir versammelt zum löblichen Thun съ рефреномъ ergo bibamus). Если судить по студенческимъ пѣснямъ о нравствен-

1) Ср. особенно характерную пѣсню: „Страшна дорога черезъ свѣтъ“. Любопытно, что въ пѣснѣ „Мы пьемъ, какъ рыцари пивали“ Языковъ вспоминаетъ о студенческихъ пѣсняхъ Гёте:

И всякой, глядя на покалъ,
Поетъ, какъ Гёте приказалъ.

номъ достоинствѣ ихъ авторовъ и объ ихъ времяпрепровожденіи, какъ это дѣлали по отношенію къ Языкову, то что же намъ нужно было бы подумать о нѣмецкихъ авторахъ слѣдующихъ студенческихъ пѣсенъ, которыхъ мы не выискивали :

Kneipen ist mein Leben,
Dem hab' ich mich ergeben. . .
(F. v. Rieckhoff.[1])

Или : Das Trinken ist das Leben,
Nur der, der trinkt, der ist.
(Hinze.)

Или : Der Papst lebt herrlich in der Welt,

гдѣ авторъ (Гриндель), разобравъ жизнь султана и папы, желаетъ совмѣстить преимущества ихъ обоихъ :

Drum, Mädel, gieb mir einen Kuss,
Denn jetzt bin ich der Sultanus;
Und schenkt mir, Brüder, fleissig ein,
Damit ich auch der Papst kann sein.

Возьмемъ еще стихотвореніе :

Lauriger Horatius etc.

Quid juvat aeternitas
Nominis, amare
Nisi terrae filias
Licet et potare.

Сравнивая нѣмецкія студенческія пѣсни, даже великихъ мастеровъ, съ поэзіею Языкова, нельзя не признать, что Языковъ, если и получилъ вѣяніе отъ этой студенческой нѣмецкой

1) Ср. средневѣковое :
Mihi est propositum
In taberna mori.
Риковъ тоже мѣстный, балтійскій поэтъ.

врядъ-ли выдержитъ сравненіе съ обиходомъ римскаго патриціанскаго дома, картинно изображеннаго Wallon'омъ, съ постоянными ссылками на источники.

Въ числѣ слугъ римскаго патриція значились: dispensatores, atrienses, atriarii, velarii, cubicularii, diaetarii, condus promus, cellarii, penarii, archimagiri, coci, vicarii supra cocos, forarii, invitator, lectisterniatores, diribitores, carptores, praegustatores, pedisequi, distributator, nomenclator; женщины — silentiaires, nutrix, cunarii, bajuli, quasillariae, textrices, sarcinatrices, vestiplicae, ciniflones и т. д.

Слѣдуетъ, однако, упомянуть, что и въ древности была категорія лицъ, занимавшихъ среднее положеніе. Таковы были *πενέσται* въ Θессаліи и *θῆτες* въ Аттикѣ, бывшіе полусвободными, полурабами; они обязаны были воздѣлывать землю и платить господамъ оброкъ, но не могли быть ни проданы въ рабство, ни умерщвлены [1]).

Относительно древности мы находимъ указанія и на совмѣстное служеніе въ домѣ рабовъ и людей свободныхъ. Нужда, задолженность, неумѣніе завоевать себѣ соотвѣтственное положеніе, распущенность — вотъ причины пополненія свободными штата слугъ. Но послѣднее явленіе надо разсматривать какъ незначительное исключеніе, расплывавшееся въ общемъ рабскомъ режимѣ. Нѣкоторыя, впрочемъ, личныя услуги вслѣдствіе ихъ важности и въ классическомъ мірѣ издавна оказывались вольноотпущенными, какъ-то медицинская помощь и воспитаніе и обученіе дѣтей [2]).

2. Христіанство внесло новую струю въ отношенія рабовъ и ихъ собственниковъ, рекомендовало болѣе мягкое обращеніе одной сторонѣ, вѣрность и прилежаніе другой. Въ средніе вѣка церковь нерѣдко открыто уже выступала на защиту рабовъ. Въ числѣ добрыхъ дѣлъ, проповѣдывавшихся

---

1) H. Wallon. Op. cit. T. I., p. 95; Bouniceau-Gesmon. Domestiques et maîtres. Paris. 1896, p. 41.

2) H. Wallon. Op. cit. T. III, p. 209.

церковью на первомъ мѣстѣ ставилось отпущеніе на свободу, по формулѣ, называвшейся „ordo Romanus“: „ради отпущенія грѣховъ, спасенія собственной души и своихъ предковъ“ [1]). Рабство уничтожалось постепенно, какъ слѣдствіе общаго смягченія нравовъ.

Великая заслуга христіанства въ соціальномъ отношеніи состояла въ томъ, что оно хотя и не устранило невольничества, но всетаки надломило его. Ученіе о равенствѣ всѣхъ людей предъ Богомъ подточило рабство въ самомъ корнѣ, распространивъ болѣе человѣчное, кроткое воззрѣніе церкви на рабскій трудъ.

3. Феодальный режимъ замѣнилъ рабство закрѣпощеніемъ, сдѣлавъ людей привязанными къ землѣ и въ силу этого принужденныхъ отбывать различнаго рода повинности и службы на своего господина. Эти лица носили различныя названія — colons, manans, villains и т. п.; многіе авторы обозначаютъ ихъ общимъ именемъ serfs. По свидѣтельству латинскихъ писателей servi, liberti образовывали обширный классъ, въ составъ котораго входили: наемные землепашцы, рабочіе и ремесленники въ разныхъ вѣтвяхъ промышленности, лица, приписанныя къ землѣ, также домашняя или дворовая прислуга свободныхъ поземельныхъ собственниковъ [2]).

Рабская промышленность въ государствахъ романо-германскихъ въ періодъ времени съ VIII по XI вѣкъ почти совершенно исчезаетъ подъ вліяніемъ условій политической жизни той эпохи.

Живя въ своихъ замкахъ, высшее сословіе пользовалось работою колоновъ, крѣпостныхъ, сервовъ въ качествѣ земледѣльцевъ, промышленниковъ, ремесленниковъ, дворовыхъ и т. д. [3]).

---

1) M. Grégoire. De la domesticité chez les peuples anciens et modernes. Paris. 1814, p. 35.

2) Гербертъ Спенсеръ. Описательная соціологія. Англія. Переводъ подъ редакціею И. Лучицкаго. Кіевъ. 1878, стр. 15.

3) А. Ф. Федоровъ. О промысловомъ ученичествѣ вообще и о договорахъ промысловаго обученія въ особенности. Одесса. 1892, стр. 44.

Въ позднѣйшее время среднихъ вѣковъ такой порядокъ вещей измѣняется и ремесленники постепенно переходятъ въ городъ, тѣмъ не менѣе и тамъ они продолжаютъ поставлять продукты своего труда феодалу, въ качествѣ оброка за городскую землю, право собственности на которую принадлежитъ феодалу [1]). Составъ городского населенія дѣлается болѣе однороднымъ; населеніе это все болѣе и болѣе слагается изъ элементовъ почти свободныхъ, обязанныхъ только извѣстными повинностями сеньорамъ, на землѣ которыхъ находился городъ. Совершается постепенно экономическое отдѣленіе города отъ деревни въ силу того, что по принципу городской трудъ становится свободнымъ. Молодыя городскія общины при поддержкѣ королевской власти вступаютъ въ борьбу съ феодализмомъ, который, закрѣпостивъ крестьянъ, сильно затруднялъ переходъ къ инымъ, не земледѣльческимъ занятіямъ. Крестьяне были прикрѣплены къ деревнѣ, вслѣдствіе чего предложеніе свободнаго труда для промышленной дѣятельности въ городѣ было крайне ограничено, не смотря на всю ея заманчивость. Поэтому въ городскихъ поселеніяхъ въ періодъ времени XII и XIII вѣковъ сталъ сильно чувствоваться недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, для удовлетворенія усилившагося спроса на домашнюю прислугу. Такимъ образомъ подъ вліяніемъ измѣнившихся экономическихъ условій той эпохи, рабство и крѣпостничество перестали удовлетворять назрѣвающимъ потребностямъ новаго уклада жизни и незамѣтно стали замѣняться институтами почти совершенно неизвѣстными древнему міру, а именно вольнонаемными рабочими и домашнею прислугою.

Особую картину въ этомъ отношеніи представляла собою Галлія; тамъ, по свидѣтельству Цезаря, до вторженія Римлянъ рабство не было распространено. При завоеваніи Галліи Цезарь нашелъ своеобразныя особенности быта Галловъ.

---

1) К. Каутскій. Очерки по исторіи культуры. Наемные рабочіе въ средніе вѣка и въ вѣкъ реформаціи. Переводъ Львовича въ „Вѣстникѣ всемірной исторіи“. Январь 1902 г., стр. 82—89.

Феодалы пользовались услугами свободныхъ людей, лакеевъ, вассаловъ (vasleti, vassaleti), т. е. лицъ, бывшихъ въ распоряженіи владѣльца земли, на которой они селились [1]).

Древніе законы Галловъ упоминаютъ еще объ особыхъ свободныхъ слугахъ, называвшихся caeth dofaeth. Пеня за ихъ обиду или вредъ имъ причиненный дважды превосходила сумму, назначавшуюся за ущербъ, нанесенный рабу.

Начиная съ XI вѣка повсюду въ Западной Европѣ рабство стало быстро исчезать. Войны, эпидеміи, голодовки, которыя свирѣпствовали въ то время, уничтожили массу рабовъ. Рабъ, стоившій прежде 4 лошади, сталъ продаваться за $^1/_{12}$ своей обычной цѣны, съ тѣхъ поръ какъ пришлось людямъ питаться лошадинымъ мясомъ. И вотъ въ то время, когда хлѣбъ сталъ цѣниться дороже человѣка, феодальное общество вспомнило о свободѣ и, какъ часто случается, справедливость восторжествовала въ силу необходимости.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о домашней прислугѣ начинаетъ вызывать особый интересъ, такъ какъ трудъ несвободный, въ силу измѣнившихся соціально-экономическихъ условій, долженъ былъ уступить первенство труду по найму. Что особенно характерно отличаетъ прислугу съ самаго начала отъ рабовъ и крѣпостныхъ — это плата жалованья по условію. Уже въ Іерусалимскихъ ассизахъ (восточной версіи кутюмнаго права Франціи XI вѣка) упоминается о прислугѣ въ современномъ значеніи, т. е. договаривающейся работать извѣстное время за опредѣленное жалованье.

Въ девятомъ посланіи св. Бернарда еще болѣе точно указывается, что слуга подчиняется лишь условіямъ контракта, а не волѣ господина [2]).

4. Такимъ образомъ появленіе института домашней прислуги во Франціи надо отнести къ XI вѣку. Въ XIV-же

---

1) E. Robert. Les domestiques. Etude de moeurs et d'histoire. Paris. 1875, p. 2; M. Block. Dictionnaire général de la politique. Paris. 1884, T. I, p. 701.

2) E. Robert. Les domestiques. Paris. 1875, p. 3—4.

„Дешевой Библіотекѣ“ А. С. Суворина. Но, сравнивая его съ первымъ изданіемъ, исполненнымъ подъ редакціею самого поэта, въ 1833 г., гдѣ подъ каждою пьесою отмѣчены мѣсто и годъ написанія, мы открыли въ Суворинскомъ изданіи не мало погрѣшностей въ отношеніи хронологіи стихотвореній. Приведемъ замѣченное нами:

Въ изданіи 1833 г.	Въ „Дешевой библіотекѣ“.
Водопадъ — 1830.	1831
А. А. Воейковой (Забуду-ль Васъ) — 1824	1825
А. Н. Вульфу (Прощай, неси) — 1829	1828
А. А. Дельвигу — 1829	1828
Дѣва ночи — 1829	1828
Моя родина — 1824	1822
Подражаніе псалму XIV (Кому, о Господи, доступны) — 1831 .	1830
Подражаніе псалму CXXXVI (Въ дни плѣна) — года нѣтъ .	1830
Поэтъ (Искать ли славнаго вѣнца) — 1824	1826
Пѣсня короля Регнера — 1824	1823
Ручей — 1827	1828
Тригорское — 1824	1826
Усладъ — 1824	1823
Графу Д. И. Хвостову (Почтенный старецъ Аполлона) — 1828 .	1827
Элегіи: Вы не сбылись, надежды — 1828	1827
Любовь, любовь, веселымъ днемъ — 1824	1826
Не улетай, не улетай — 1824	1823

Важность хронологическаго опредѣленія пѣсенъ для генезиса и развитія таланта поэта сама собою очевидна. Но, разумѣется, указанія самого поэта заслуживаютъ бо̀льшаго предпочтенія.

Мы должны сказать еще нѣсколько словъ о приложенномъ къ нашей статьѣ портретѣ Н. М. Языкова. Портретъ этотъ акварелью былъ снятъ съ поэта въ Дерптѣ въ 1822 г. нѣкимъ Oesterreich'омъ и отправленъ затѣмъ въ Симбирскую губернію, на родину, къ сестрѣ поэта, Прасковьѣ Михайловнѣ, бывшей замужемъ за П. А. Бестужевымъ. Отъ сына ихъ, С. П. Бестужева, жившаго въ своемъ родовомъ имѣніи, с. Репьевкѣ Сызранскаго уѣзда, портретъ

этотъ перешелъ во владѣніе В. Поливанова, который помѣстилъ о немъ замѣтку въ „Русской Старинѣ“ за 1895 г., августъ, стр. 201—202. Въ публикѣ гораздо болѣе знакомъ другой портретъ Языкова, работы Хрипкова, въ халатѣ, прилагаемый обыкновенно къ собраніямъ стихотвореній Языкова. Этотъ портретъ по своему сходству, на нашъ взглядъ, значительно уступаетъ типу Эстерреихa. Хрипковъ хотѣлъ подчеркнуть въ портретѣ вдохновенность поэта; отсюда — неестественно какъ то задрана голова и закачены глаза. Эстеррейховъ типъ, наоборотъ, передаетъ намъ лицо Языкова въ его обычномъ настроеніи. Передъ нами именно такой Языковъ, какого мы знаемъ изъ разныхъ воспоминаній о немъ: застѣнчивый, скромный, робкій почти до угрюмости, съ потупленною головою, некрасивый, но съ печатью генія на челѣ. Поэтъ изображенъ здѣсь по девятнадцатому году, передъ самымъ вступленіемъ въ число студентовъ Дерптскаго университета, — и только такимъ мы и можемъ вообразить себѣ Языкова студентомъ [1]). Хрипковскій типъ относится вѣдь къ позднѣйшему времени, когда поэтъ уже простился съ университетомъ, да, повидимому, и не отличается сходствомъ. По прилагаемому здѣсь портрету можемъ мы представить себѣ поэта и въ обществѣ предмета его безграничной, но и безнадежной любви, Александры Воейковой. . . .

Проф. **Евгеній Бобровъ.**

---

1) Глаза у поэта были голубые, волосы русаго цвѣта.

Домашняя прислуга во Франціи и Германіи.

Соціально-юридическій очеркъ.

Франція.

„Tel maître, tel valet.“

I.

Институтъ домашней прислуги въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ въ Европѣ во весь долгій періодъ рабства и крѣпостничества, принадлежитъ къ числу наименѣе разработанныхъ въ исторической и соціально-юридической литературѣ.

До сихъ поръ остается мало выясненнымъ вопросъ, откуда пополнялся контингентъ домашней прислуги, каково было ея положеніе въ началѣ среднихъ вѣковъ параллельно съ классомъ рабовъ и разнаго рода зависимыхъ лицъ, въ какомъ отношеніи стояли слуги къ своимъ господамъ, какъ регулировали законы эти отношенія?

Въ историческихъ работахъ, посвященныхъ развитію рабства въ отдѣльныхъ странахъ, мы почерпаемъ только косвенныя указанія на роль прислуги въ домашнемъ быту той или другой эпохи.

Не встрѣчая въ постановленіяхъ извѣстной мѣстности спеціальнаго упоминанія о домашней прислугѣ въ качествѣ элемента свободнаго, многіе склонны дѣлать предположеніе, что ея и вовсе тамъ не существовало, а всѣ такъ называемыя домашнія работы выполнялись рабами, или закрѣпощенными крестьянами.

Большинство авторовъ подробно не останавливается на вопросѣ о происхожденіи домашней прислуги, указывая вскользь, что прислуга выродилась изъ рабства, тамъ ея мрачная колыбель [1]).

II.

1. Въ классической древности соціальный строй распадался на два класса: свободныхъ и рабовъ; между ними лежала глубокая пропасть, настолько глубокая, что возникалъ даже вопросъ о различіи въ естественномъ происхожденіи этихъ категорій лицъ [2]). Не останавливаясь на картинахъ рабства древняго міра, припомнимъ только, что рабъ у Римлянъ, напр., приравнивался къ вещи; на подобіе собачьихъ ошейниковъ и рабамъ въ Римѣ надѣвали желѣзные шейные обручи съ надписью имени и мѣстожительства его господина съ просьбою привести раба по назначенію, въ случаѣ его бѣгства [3]). Малѣйшій капризъ, случайное недовольство влекло истребленіе рабовъ массами. Въ обширномъ изслѣдованіи Wallon'a о рабствѣ можно найти подробную характеристику всего быта рабовъ древняго міра [4]). Рабы въ Греціи и Римѣ выполняли всевозможныя работы въ домѣ, все то, что нынѣ поручается прислугѣ различныхъ наименованій. Во второмъ томѣ своего труда [5]) Wallon даетъ подробнѣйшее перечисленіе всѣхъ многочисленныхъ категорій рабской службы, въ качествѣ такъ называемой домашней прислуги, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ.

Спеціализація была такъ велика, что современная обстановка самаго богатаго аристократическаго дома въ Англіи

---

1) W. P. Eversley. The law of the domestic relations. II edition. London. 1896, p. 822.

2) H. Wallon. Histoire de l'esclavage dans l'antiquité. Paris 1879. T. I, p. 2.

3) M. Grégoire. De la domesticité chez les peuples anciens et modernes. Paris. 1814, p. 6.

4) H. Wallon. Op. cit. T. I, p. 180—220.

5) H. Wallon. Op. cit. T. II, p. 104—158.

столѣтіи домашняя прислуга была уже явленіемъ распространеннымъ. Авторъ „Ménagier de Paris“, писавшій въ концѣ XIV в., различаетъ служащихъ (serviteurs) 3 родовъ: 1) „ceux qui sont prins comme aides pour certaine heure, à un besoin hastif, comme brouétiers, lieurs de fardeauls, etc.; 2) ceux qui sont prins à temps, et pour certain ministère, comme couturiers, foureurs, boulangiers, etc.; 3) et les autres sont prins pour être serviteurs domestiques, pour servir à l'année et demourer à l'ostel“, т. е. прислугой авторъ Ménagier называлъ тѣхъ, кто нанимается на годъ и живетъ въ домѣ хозяина [1]).

Но юридическое положеніе прислуги долгое время носило слѣды несвободы. Такъ, по свидѣтельству Jean d'Arrérac, хозяева еще въ XV в. могли заключать слугъ въ тюрьму, собственною властью [2]). И позднѣе слугъ можно было бить безнаказанно. Низкое положеніе прислуги выражалась и въ сохранившемся до настоящаго времени обращеніи къ прислугѣ на „ты“.

Самый терминъ „domestique“ въ прежнее время примѣнялся въ болѣе широкомъ смыслѣ, ко всѣмъ служащимъ вообще. Во Франкской монархіи „domestiques“, „officiers domestiques“ называли высшихъ придворныхъ чиновъ. Во времена Григорія Турскаго domestici „apprestoient les choses nécessaires au roy, allant aux assemblées sânes ou parlements généraux“; далѣе читаемъ: „à ce parlement se trouvèrent plusieurs de son royaume, tant domestiques, que comtes, pour fournir à la dépense royalle“ [3]). Можно найти рядъ указаній, что въ средніе вѣка „domestique“ называлось лицо, занимавшее высокое служебное положеніе, какъ въ духовномъ, такъ и гражданскомъ вѣдомствахъ. Domestiques были личными секретарями, адъютантами при разныхъ высокопоставленныхъ лицахъ. У дворянъ того времени суще-

1) E. Chauvet. Le travail. Etudes morales. Les domestiques. Caen. 1896, p. 9.

2) E. Chauvet. Op. cit., p. 11.

3) P. Larousse. Grand dictionnaire universel du XIXe siecle français, historique, littéraire, artistique, scientifique etc. T. VI, p. 1052.

ствовалъ обычай отдавать своихъ дѣтей въ отроческомъ возрастѣ въ дома высшей аристократіи; эти подростки носили даже ливрею, исполняли обязанности оруженосца, ходили за лошадьми, прислуживали у стола. Grégoire приводитъ нѣсколько громкихъ фамилій, дѣти которыхъ служили у разныхъ высокопоставленныхъ лицъ въ качествѣ domestique. Слово „gentilhomme“ долгое время было синонимомъ „domestique“ и „varlet“, изъ котораго потомъ образовалось современное — „valet“. Въ такомъ почетномъ, такъ сказать, значеніи кардиналъ Ришелье, епископъ люсонскій (Luçon) называется „domestique“ королевы-матери Людовика XIII, Людовикъ XIV въ письмѣ къ Христинѣ, королевѣ Шведской говоритъ, что онъ рѣшилъ отправить къ папѣ посла и для этого выбралъ одного высшаго придворнаго — domestique[1]).

Понемногу термины „domestique“, „valet“ стали употребляться въ современномъ смыслѣ — домашней прислуги.

5. Положеніе прислуги въ то переходное время было тяжелое, не смотря на кажущуюся независимость ея отъ господъ. Духъ несвободы еще виталъ повсюду. На самомъ дѣлѣ, господа предъявляли къ прислугѣ самыя обременительныя требованія, обращались съ ней грубо, стараясь сколь возможно урѣзать ее въ пищѣ и одеждѣ. Даже отличіе ихъ службы отъ рабскаго труда — плата жалованья въ силу договорнаго соглашенія — подвергалось ограниченіямъ при помощи правительственныхъ таксъ, издававшихся въ угоду господамъ.

Приниженное положеніе слугъ выражалось, напр., и въ укоренившемся обычаѣ дарить въ концѣ года старыя вещи, превратившемся впослѣдствіи въ выдачу рождественскаго подарка (étrennes). Sainte-Palaye упоминаетъ о контрактѣ отъ XIV в., въ силу котораго горничной, нанятой на два года, обѣщано было, при условіи угожденія своей госпожѣ, выдать въ концѣ года хозяйскія обноски — шляпку и пару ботинокъ.

1) M. Grégoire. Op. cit., p. 38—39.

6. Наемъ былъ большею частью словесный, и только полицейскій ордоннансъ 16 окт. 1720 г. потребовалъ, чтобы слуги, поступая на мѣсто, предъявляли письменное удостовѣреніе отъ прежняго хозяина. Этотъ ордоннансъ можно разсматривать прототипомъ служительскихъ книжекъ и обязательныхъ аттестацій, развившихся впослѣдствіи [1]).

Въ теченіи 17 и 18 вѣковъ цѣлымъ рядомъ административныхъ и законодательныхъ мѣръ старались весь бытъ прислуги вдвинуть въ особыя рамки. Слугамъ, напр., было запрещено подъ угрозою закованія въ цѣпи, галерныхъ работъ, пользоваться экипажами, посѣщать спектакли и извѣстныя мѣста для прогулокъ, ношеніе оружія [2]), палокъ внѣ служебныхъ обязанностей, чтобы избѣжать съ одной стороны непріятнаго соприкосновенія хозяевъ съ прислугою, а съ другой, чтобы обезопасить господъ отъ мести слугъ по поводу домашнихъ ихъ несогласій. Далѣе слѣдовала подробная регламентація одежды, чтобы отличить прислугу короля и разныхъ сеньоровъ отъ прислуги какихъ-либо выскочекъ. Съ этою цѣлью указывалось, какіе должны быть галуны, кружева, вышивки и т. п. Установленъ былъ даже налогъ за право носить слугамъ ту или иную ливрею.

Большая часть постановленій этого рода была включена въ полицейскій ордоннансъ 6 ноября 1778 года; но, чтобы быть безпристрастнымъ, надо оговориться, что въ статьѣ второй этого устава находимъ увѣщаніе, адресованное къ господамъ, обращаться съ прислугою „ласково и человѣчно“, запрещалось „бить и обходиться съ нею жестоко“. Но эти увѣщанія, чисто нравственнаго свойства, лишенныя уголовной санкціи, не имѣли никакой силы. Понятно, изъ этого не слѣдуетъ, что въ прежнее время не было добрыхъ господъ, но думаемъ, что нравы и юридическій режимъ разсматриваемой

1) E. Robert. Les domestiques. Paris. 1875, p. 19.

2) Delamare. Traité de la police, où l'on trouvera l'histoire de son établissement, les fonctions et les prérogatives de ses magistrats. Paris. 1722, T. I, livre 1, p. 137.

эпохи мало способствовали развитію гуманныхъ чувствъ. Впрочемъ можно указать авторовъ, которые склонны въ прошломъ видѣть одно хорошее.

7. J. A. de Lerue, трактуя о взаимныхъ отношеніяхъ прислуги и хозяевъ, рисуетъ слѣдующую картину: „Въ старыя времена слуга принадлежалъ къ семьѣ. У него не было иного очага, иныхъ интересовъ, кромѣ хозяйскихъ; господинъ являлся и его естественнымъ покровителемъ. Даже свадьба слугъ совершалась съ согласія господъ, что еще болѣе закрѣпляло связь между господами и слугами, такъ какъ дѣти послѣднихъ поступали какъ-бы подъ охрану господина. Старые слуги, знающіе интимную сторону жизни господъ, старились въ ихъ домѣ, составляя какъ-бы надежнаго стража имущества, добраго имени, тайнъ и фамильныхъ могилъ семьи“ [1]).

Картина патріархальныхъ нравовъ, нарисованная de Lerue, отражаетъ частицу стараго режима предъ революціею, когда рознь интересовъ господина и слуги не давала такъ сильно себя чувствовать. Во французскихъ замкахъ въ 17 и 18 вв. нерѣдко можно было найти прислугу, которая отличалась многими достоинствами и какъ-бы была причастна величію господъ, которымъ служила. Слуга рождался подъ сѣнію замка своихъ господъ, такъ какъ въ силу преемственности службы родные слуги съ незапамятныхъ временъ посвящали трудъ свой хозяйству данной родовитой семьи. Между господами и слугами была дѣйствительная связь и общность симпатій, привязанностей, интересовъ; одно существо какъ-бы дополняло другое. Одинъ повиновался, другой приказывалъ въ силу какъ-бы врожденнаго инстинкта, безъ униженія съ одной стороны и надменности съ другой. Дѣти такъ и выростали въ ихъ привычкахъ взаимныхъ приказаній и послушанія. Если владѣлецъ замка возвращался съ побѣды, то

1) J. A. de Lerue. Les maîtres et les domestiques. Rouen. 1862, p. 51.

этимъ гордился его слуга, такъ какъ лавры господина какъ-бы увѣнчивали и слугу, какъ вѣрнаго товарища, дѣлившаго съ господиномъ всѣ невзгоды и удачи. Удрученный годами, сѣдовласый слуга находилъ въ домѣ господина тихое пристанище и упокоеніе его старости за свою долгую вѣрную службу.

8. Но взаимныя отношенія господъ и слугъ въ городахъ не были окрашены такимъ патріархальнымъ благородствомъ. Сила традицій здѣсь совершенно ослабла и стремленіе къ равноправности давало себя все болѣе и болѣе чувствовать. Города привлекали деревенское населеніе соблазномъ бо́льшаго заработка и веселой, беззаботной жизни. Силою вещей близко соприкасаясь съ высшими классами общества, прислуга вслѣдствіе своего природнаго невѣжества усваивала легче всего ошибки, легкость нравовъ, наклонность къ расточительности своихъ господъ, не обладая для удовлетворенія своихъ вожделѣній необходимыми средствами.

На каждомъ шагу стремленія слуги встрѣчали препятствія въ формѣ запрета со стороны господъ, которые часто его третировали, распоряжались всѣмъ его временемъ, не вникали въ его нужды.

Слуга, съ своей стороны, изощрялся, чѣмъ только могъ, отомстить за свое униженіе, видѣлъ въ господинѣ лишь своего врага, старался на каждомъ шагу его обмануть, обворовать, оклеветать, наносилъ всячески ущербъ его интересамъ. Взаимныя отношенія прислуги и хозяевъ обострялись все больше и больше. Этотъ жизненный наболѣвшій вопросъ вызвалъ цѣлую литературу. Рядъ просвѣщенныхъ умовъ и благородныхъ характеровъ дѣлали попытки пролить свѣтъ на запутанность указанныхъ отношеній и предложить мѣры для ихъ регулированія. Въ изслѣдованіи епископа Грегуара [1]) можно найти перечень трудовъ, наиболѣе заслуживающихъ въ этомъ

1) M. Grégoire. Op. cit., p. 79—129.

отношеніи нашего вниманія. Одни стараются представить всѣ пороки слугъ, другіе — несправедливое отношеніе господъ къ ихъ домашней прислугѣ, но всѣ авторы сходятся въ одномъ — указаніи на ненормальность этихъ отношеній.

Аббатъ Fleury въ 1688 году выпустилъ книгу подъ заглавіемъ „les devoirs des maîtres et des domestiques“; нѣкто Audiger напечаталъ въ 1692 г.: „la maison reglée“; de Cerisiers обнародовалъ въ 1643 г.: „Discours sur les devoirs des maîtres envers leurs serviteurs“; Lordelot — „les devoirs de la vie domestique par un père de famille“. Paris 1706; въ 1660 г. Le Blanc издалъ: „le bon valet et la bonne servante; въ 1713 г. появилась книга: „devoirs généraux des domestiques de l'un et l'autre sexe envers Dieu et leurs maîtres et maîtresses, par un domestique. . . .“

9. Таково было положеніе вопроса въ общественныхъ кругахъ; что-же касается внутренняго быта прислуги, посколько онъ выливался въ законодательной регламентаціи, то черты его носили много характернаго, отражавшаго тенденціи того времени. Законъ, считаясь со всею бытовою обстановкою, помня, что прислуга живетъ бокъ о бокъ съ господами, является ближайшею свидѣтельницею роскоши, неряшливости и разнаго рода упущеній со стороны господъ, старался оградить господъ отъ домашняго вора.

Уже ордоннансъ 1778 года запрещалъ прислугѣ нанимать комнату безъ вѣдома хозяина и безъ извѣщенія полицейскаго коммиссара; это требованіе извѣщать о наймѣ комнатъ слугами примѣнялось и къ собственникамъ помѣщеній; послѣдніе, въ случаѣ нарушенія, наказывались штрафомъ, а первые, т. е. слуги, заключеніемъ въ тюрьмѣ [1]). Эти строгости несомнѣнно исходили изъ того предположенія, что прислуга, не имѣя личнаго имущества, могла располагать деньгами только путемъ похищенія у своего господина. Подобное-же недовѣріе вызвало, подъ страхомъ штрафа въ 400 ливровъ, за-

1) Chauvet. Op. cit., p. 27.

прещеніе торговцамъ „покупать разные пожитки, бѣлье, книги, драгоцѣнности, посуду и всякія другія вещи отъ слугъ, безъ спеціальнаго и письменнаго на то согласія ихъ отца, матери, опекуна и ихъ господъ“ [1]).

Положеніе прислуги вообще было нелегкое. Еще въ 1751 году лакеи, уличенные въ оскорбительныхъ выраженіяхъ противъ своихъ господъ, были сажаемы на цѣпь съ прикрѣпленною спереди и сзади надписью: „valet insolent“.

Въ 1778 году домашняя кража наказывалась смертью. Но и для нравовъ того времени наказаніе это представлялось уже настолько несоотвѣтственнымъ, что, по свидѣтельству Вольтера, господа предпочитали просто прогонять слугу, чѣмъ подвергать его столь ужасному наказанію.

О равноправности слугъ и хозяевъ не могло быть и рѣчи. Ученый Фурнель въ трактатѣ объ адюльтерѣ въ 1783 году писалъ: „слуга, который засталъ-бы свою жену съ господиномъ en flagrant délit, подвергался жестокому наказанію, въ случаѣ учиненія насилія надъ господиномъ; положеніе подчиненнаго должно удерживать его отъ проявленія справедливаго гнѣва; съ другой-же стороны — слуга, соблазнитель своей госпожи, наказывался смертью или вѣчными галерами“ [2]). О равной отвѣтственности предъ уголовнымъ закономъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи!

Оставаясь по буквѣ закона человѣкомъ свободнымъ, служившимъ въ силу договора, слуга былъ подвергаемъ тягостному режиму спеціальныхъ уставовъ, ограничивавшихъ его дѣеспособность. Ордоннансъ Франциска I 1540 г. установилъ даже гражданскую отвѣтственность господъ, взявшихъ къ себѣ въ услуженіе „неизвѣстныхъ лицъ, бродягъ, съ плохою репутаціею и безпорядочнаго образа жизни“ [3]).

Конституціи 1791, III и VIII гг. исключили прислугу

---

1) Robert. Op. cit., p. 23.

2) G. Salomon. La domesticité. Paris. 1886, p. 7.

3) Block. Dictionnaire général de la politique. Paris. 1884, T. I, p. 702.

изъ числа полноправныхъ гражданъ. Только учредительное собраніе сравняло слугъ съ прочими гражданами, замѣнивъ даже на игральныхъ картахъ фигуру валета символомъ равенства, а самое слово „слуга — domestique“ — выраженіями „de familier, d'officieux, d'homme de peine“. Муниципалитетъ Парижа выказалъ свою заботу учрежденіемъ кассы взаимопомощи для прислуги, наконецъ національный конвентъ однимъ почеркомъ пера уничтожилъ терминъ „прислуга“. Въ знаменитой декларації правъ человѣка соотвѣтственная статья гласитъ: „законъ не знаетъ института домашней прислуги; возможенъ только наемъ услугъ за вознагражденіе“ [1]).

Но, понятно, прислуга не перестала существовать, не смотря на торжественное о томъ объявленіе. 3 октября 1810 года появляется декретъ, касающійся Парижа, а 25 сентября 1813 г. другой декретъ, распространяющій постановленія перваго на всѣ города съ числомъ жителей свыше 50.000 человѣкъ. Въ силу этихъ постановленій вводится обязательная служительская книжка, куда должны быть записаны имена, фамиліи, мѣсто рожденія, гражданское состояніе, подпись прислуги, имя хозяевъ и сроки поступленія на мѣсто и его оставленіе. При всякой перемѣнѣ мѣста книжка при посредствѣ полицейскаго коммиссара даннаго квартала препровождалась въ полицейскую префектуру для визы. Отъ взятія подобной книжки были освобождены лишь тѣ, кто ко времени изданія декрета 1810 г. служилъ у одного хозяина впродолженіи 5 лѣтъ. Декретъ 1810 г. не позволялъ вписывать выраженіе своего одобренія или порицанія, въ противоположность прусскому ордоннансу 29 сентября 1846 года, который обязывалъ хозяина дѣлать отмѣтку о поведеніи прислуги.

Полицейскій ордоннансъ 1 августа 1853 года подтверждаетъ вышеназванныя постановленія спеціально для Парижа, при чемъ повторялся запретъ писать какія-либо замѣчанія и рекомендаціи. Въ случаѣ недовольства слугою хозяинъ можетъ

1) Salomon. La domesticité. Paris. 1886, p. 10.

лишь при препровожденіи служительской книжки приложить отдѣльно жалобу на слугу полицейскому коммиссару. Этотъ ордоннансъ, хотя и не отмѣненъ, но повидимому потерялъ силу въ настоящее время, какъ утверждаетъ H. Becker [1]).

III.

Съ начала 19 столѣтія замѣчается рѣшительный поворотъ въ вопросѣ о домашней прислугѣ. Разочаровавшись въ дѣйствительности разрѣшенія всѣхъ недоразумѣній путемъ спеціальныхъ законовъ, декретовъ и полицейскихъ предписаній, французскій законъ по интересующему насъ вопросу вступилъ на другой путь, въ лицѣ подареннаго французской націи гражданскаго кодекса. Признавъ свободу краеугольнымъ камнемъ всей системы гражданскаго обихода, code Napoléon и къ институту домашней прислуги примѣняетъ то же начало полной свободы взаимныхъ соглашеній, т. е. становится на римскую точку зрѣнія. По убѣжденію индивидуалистовъ, эта система личнаго самоопредѣленія благопріятно дѣйствуетъ на развитіе силъ и способностей личности, научаетъ энергично отстаивать свои собственные интересы, такъ какъ при такой постановкѣ каждый понимаетъ, что его благополучіе или неудача зависятъ только отъ него самого, отъ его умѣнья, личныхъ усилій, ловкости, энергичнаго отстаиванія своихъ правъ. Такимъ образомъ во французскомъ правѣ восторжествовалъ римскій индивидуализмъ, безстрастно взирающій на борьбу классовъ за экономическое преуспѣяніе и приведшій логически къ эгоистическому торжеству матеріально обезпеченнаго господина надъ слугою — пролетаріемъ, въ силу нужды продающаго свой трудъ за безцѣнокъ и принимающаго всякія условія, ему диктуемыя.

Въ гражданскомъ кодексѣ, нынѣ дѣйствующемъ во

---

1) M. Block. Dictionnaire général de la politique. Paris. 1884. T. I, p. 702.

Франціи, мы находимъ лишь 3 статьи главы III, титула VIII, касающіяся прямо домашняго услуженія. Такая лаконичность кодекса въ спеціальной главѣ, посвященной найму домашней прислуги, заставляетъ насъ остановиться нѣсколько на общихъ статьяхъ, трактующихъ объ условіяхъ заключенія контракта.

Подъ прислугою, согласно французской юридической практикѣ, разумѣютъ контингентъ лицъ, оказывающихъ услуги данному лицу или занятыхъ работою въ извѣстномъ хозяйствѣ, за договоренное жалованье, и пользующихся обычно столомъ и помѣщеніемъ въ квартирѣ своего хозяина.

1. Условія заключенія договора.

Обыкновенно наемъ прислуги совершается безъ особыхъ формальностей. Хозяинъ и слуга уславливаются относительно жалованья, срока платежа, свободнаго времени, продолжительности договорныхъ отношеній, рода работы; иногда подробно договариваются о характерѣ помѣщенія, пищи, одежды и т. п. Всѣ вышеназванныя подробности договора устанавливаются большею частью словесно, что, при возникшихъ разногласіяхъ, влечетъ массу недоразумѣній, тѣмъ болѣе, что законъ 2 августа 1868 года отмѣнилъ статью 1781 гражданскаго кодекса, въ силу которой показанія хозяина относительно сроковъ уплаты, произведенныхъ уже платежей за истекшій годъ и выданныхъ авансовъ за годъ текущій, имѣли доказательную силу. Законъ 2 августа 1868 года, уничтоживъ презумпцію въ пользу хозяина, сравнялъ права хозяина и прислуги и предоставилъ обѣимъ сторонамъ равные шансы доказывать правоту своихъ утвержденій предъ судомъ [1]).

1) J. Sirey. Les codes annotés de Sirey, contenant toute la jurisprudence des arrêts et la doctrine des auteurs, continués par P. Gilbert. T. II. Code civil. Paris. 1892; F. Laurent. Principes de droit civil français. T. 25. IV édition. Bruxelles—Paris 1887, p. 540—575. G. Cornil. Du louage de services ou contrat du travail. Paris. 1895; А. М. Гуляевъ. Наемъ услугъ. Юрьевъ. 1893, стр. 168—190.

При этомъ законъ допускаетъ возстановлять количество забраннаго впередъ жалованья свидѣтельскими показаніями лишь при условіи, если сумма иска не превышаетъ 150 франковъ; въ противномъ случаѣ для подтвержденія иска требуется ссылка на письменный контрактъ [1]).

Письменную форму заключенія условій законодатель старается поощрить и освобожденіемъ договора услугъ отъ гербоваго сбора (законъ 2 іюля 1890 года, ст. 2).

При заключеніи контракта сохранился еще обычай выдачи задатка (arrhes) и динарія въ честь Бога (denier à Dieu). Послѣдняя форма не санкціонирована закономъ и примѣняется лишь въ качествѣ бывшаго символа, наглядно удостовѣрявшаго заключеніе условія. Разъ доказано принятіе задатка въ формѣ denier à Dieu, то сдѣлка считалась заключенною и обязательною для контрагентовъ. Сторона отказавшаяся отъ выполненія условій теряла право на „denier à Dieu“. Впрочемъ вопросъ объ юридической природѣ „denier à Dieu“ до сихъ поръ не получилъ единообразнаго толкованія въ судебной практикѣ отдѣльныхъ мѣстностей Франціи: denier à Dieu разсматривается то въ качествѣ платы въ счетъ жалованья, то какъ добавочное вознагражденіе [2]).

Совсѣмъ другое дѣло съ выдачею задатка, предусмотрѣнною ст. 1590 и 1715 гражданскаго кодекса. Задатку этому придается значеніе неустойки, платимой стороною, нарушившею договоръ. Если договоръ состоялся, то при уплатѣ жалованья задатокъ вычитается изъ общей суммы, подлежащей выдачѣ, въ отличіе denier à Dieu, который обыкновенно не идетъ въ общій счетъ; выдача denier, какъ говорятъ французы, есть актъ чистой любезности (pure gracieuseté) [3]).

---

1) Henri Richard. Du louage de services domestiques en droit français. Paris. 1906, p. 73.
2) H. Richard. Op. cit., p. 110.
3) Bouniceau-Gesmon. Op. cit., p. 429.

2. Выполненіе договора.

Контрагенты обязаны добросовѣстно выполнять условія своего соглашенія, сообразно обычаю и закону (ст. 1135 гражд. кодекса). Хозяинъ долженъ предоставить слугѣ возможность выполнять принятыя на себя работы, обезпечивъ ему нужный отдыхъ, пищу и необходимыя удобства. Требованія хозяевъ должны сообразоваться съ характеромъ договоренной работы. Наемъ прислуги не можетъ быть пожизненнымъ, такъ какъ въ основу всѣхъ законодательныхъ опредѣленій положено понятіе свободы личности. Статья 1780 гражд. кодекса гласитъ: можно предлагать свои услуги или на опредѣленный срокъ, или для выполненія извѣстной работы. Все въ договорѣ найма услугъ исчерпывается понятіемъ условленныхъ услуги и вознагражденія. По точному смыслу закона хозяинъ даже не обязанъ въ случаѣ болѣзни лечить слугу и уплачивать ему за этотъ періодъ жалованье. Продолжительная болѣзнь слуги сама собою нарушаетъ состоявшееся соглашеніе.

Идя на встрѣчу реальной обстановкѣ жизни, французская практика смягчаетъ суровость вышеприведеннаго принципа и признаетъ, что не затяжная болѣзнь слуги обязываетъ хозяина отнестись гуманно къ своему служащему и уплатить жалованье ему безъ вычета [1]), хотя по буквальному смыслу закона хозяинъ имѣетъ право удерживать часть жалованья за время болѣзни слуги. Но неужели-же мы будемъ менѣе гуманны, чѣмъ наши предки, восклицаетъ M. Duvergier, которые парламентскими постановленіями Тулузы и Парижа 1419 и 1483 гг. вошли въ тяжелое положеніе болѣющей прислуги [2]).

Въ виду личнаго характера службы смерть хозяина естественно прекращаетъ договоръ: для слуги не безразлично, кто его хозяинъ.

---

1) H. Richard. Op. cit., p. 153.
2) Cornil. Op. cit., p. 343.

3. Отвѣтственность хозяевъ и слугъ.

Въ силу статей 1382 и 1384 гражд. кодекса хозяева являются отвѣтственными за убытки, причиненные ихъ слугами третьимъ лицамъ, въ предѣлахъ служебныхъ обязанностей, хотя-бы слуги дѣйствовали совершенно самостоятельно. Хозяева даже не могутъ ссылаться на то, что они были не въ состояніи отвратить причиненный убытокъ. Но, съ другой стороны, хозяинъ не обязанъ уплачивать за товаръ, забранный въ кредитъ ихъ слугами; другими словами, законъ и судебная практика не смотрятъ на слугъ, какъ на безусловныхъ мандатаріевъ своихъ господъ. Точно также хозяинъ не отвѣчаетъ за убытки, причиненные ихъ слугами, дѣйствовавшими не въ качествѣ слугъ.

4. Окончаніе контракта.

Наемъ слугъ прекращается: a) истеченіемъ срока найма; b) смертью слуги или господина; c) вслѣдствіе неспособности къ работѣ; d) вслѣдствіе непреодолимой силы; e) вслѣдствіе расторженія условія, когда срокъ найма неопредѣленъ.

a) Какъ уже приходилось упоминать, французское право не знаетъ пожизненнаго найма, вслѣдствіе чего таковой договоръ самъ собою считается недѣйствительнымъ. Но при срочномъ наймѣ можетъ случиться, что и по истеченіи условленнаго срока стороны будутъ продолжать выполнять условія. Въ данномъ случаѣ будетъ имѣть мѣсто такъ называемое молчаливое возобновленіе контракта, т. е. наемъ считается возобновленнымъ совершенно на прежнихъ основаніяхъ.

b) Въ виду чисто личнаго характера службы смерть хозяина или слуги прекращаетъ договоръ. Наслѣдники ихъ не могутъ безъ спеціальнаго на то согласія заступить мѣсто покойныхъ. Какъ для слуги не безразлично, кто его хозяинъ, такъ и послѣдній при наймѣ слуги расчитываетъ на индивидуальныя способности даннаго лица, съ которымъ заключается условіе.

c) Если во время своей службы слуга окажется неспособнымъ продолжать работу по болѣзни, то контрактъ самъ собою прекращается. Точно также, по крайней мѣрѣ при извѣстной обстановкѣ, и болѣзнь хозяина влечетъ прекращеніе контракта, напр., если хозяина вслѣдствіе болѣзни перевозятъ въ больницу.

d) Непреодолимая сила.

Смерть и болѣзнь представляютъ собою уже виды непреодолимой силы; могутъ встрѣтиться и другіе случаи, напр., внезапный призывъ къ военной службѣ, влекущій за собою нарушеніе договора; необходимо только, чтобы была ссылка на обстоятельство, отъ воли даннаго лица не зависящее. Наличность force majeure должна быть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ констатирована судомъ, въ случаѣ возникшаго спора.

e) Прекращеніе договора при наймѣ на срокъ неопредѣленный.

Наемъ на срокъ неопредѣленный можетъ быть всегда прекращенъ по желанію одной изъ сторонъ, что не исключаетъ, впрочемъ, права взыскивать причиненные такимъ одностороннимъ отказомъ убытки. Въ данномъ случаѣ суду принадлежитъ оцѣнка законности отказа и квалификація нанесеннаго ущерба.

Слѣдуетъ еще добавить нѣсколько словъ, рисующихъ отношенія господъ и слугъ съ бытовой стороны, освященной установившимся обычаемъ, съ которымъ считается французская судебная практика.

Большею частью прислуга нанимается на опредѣленные сроки: на мѣсяцъ въ городѣ и на годъ въ деревнѣ. Слуга, нанятый помѣсячно, можетъ быть отказаннымъ или самъ оставить мѣсто, предварительно увѣдомивъ, въ сроки, установленные обычаемъ данной мѣстности. Слуга, нанятый на годъ, долженъ исполнять свои обязанности все договоренное время, подъ

угрозою, въ случаѣ оставленія мѣста безъ уважительной причины, взысканія съ него убытковъ.

Послѣ предварительнаго увѣдомленія объ отказѣ, согласно установившемуся обычаю, слуга пользуется ежедневно нѣсколькими часами свободнаго времени, для пріисканія новаго мѣста.

При оставленіи мѣста прислуга въ силу ст. 3 закона 2 Іюля 1890 года можетъ требовать выдачи ей удостовѣренія, съ обозначеніемъ лишь рода занятій, датъ поступленія и ухода съ мѣста. Свидѣтельство это изъято отъ обложенія гербовымъ сборомъ.

5. Необыкновенная лаконичность законодательныхъ опредѣленій относительно домашней прислуги порождаетъ массу недоразумѣній, при возникшихъ взаимныхъ неудовольствіяхъ господъ и прислуги. Приходится прибѣгать къ суду, практика котораго и вырабатываетъ извѣстныя руководящія данныя для рѣшенія споровъ между хозяевами и слугами.

Статья 5 закона 25 Мая 1838 года опредѣляетъ, что мировой судья рѣшаетъ въ качествѣ послѣдней инстанціи иски, по поводу выполненія условій контракта, не превышающіе 100 франковъ. Слѣдовательно, бо́льшая часть несогласій по поводу нарушенія договорныхъ отношеній подлежитъ компетенціи мировыхъ судей. Повѣстками стороны вызываются къ мировому судьѣ; засѣданіе происходитъ при закрытыхъ дверяхъ (huis clos) и судья старается закончить дѣло мировою. Въ случаѣ безуспѣшности примирить стороны, дѣло переносится въ публичное засѣданіе.

Законъ 12 Іюня 1905 года еще болѣе расширяетъ компетенцію мировыхъ судей, предоставивъ имъ право постановлять приговоры по искамъ до 300 франковъ, вытекающимъ изъ договора найма слугъ, безъ права апелляціи [1]).

6. Для болѣе полной характеристики прислуги съ точки зрѣнія законодательной, отмѣтимъ, что прислуга не лишена совершенно политическихъ правъ, но, по свойству своего за-

1) H. Richard. Op. cit., p. 228—230.

нятія, она фактически не можетъ принимать активнаго участія въ политической жизни страны. Послѣдній простой рабочій въ соціальномъ отношеніи выше слуги, такъ какъ онъ — гражданинъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, т. е. онъ избиратель, избираемый, свидѣтель, посредникъ, присяжный, солдатъ, членъ муниципалитета. Лакей-же ограниченъ въ публичныхъ своихъ правахъ. Въ силу законовъ 4 Іюня 1853 года, 21 Ноября 1873 года слуга не можетъ быть присяжнымъ засѣдателемъ; законъ 5 Апрѣля 1884 года лишаетъ слугу права быть избираемымъ въ муниципальные совѣтники [1]).

IV.

Посредническія учрежденія для найма прислуги.

1. Въ Средніе вѣка чувствовалась уже необходимость сближенія спроса и предложенія труда. Упоминаніе объ организованномъ посредничествѣ въ формѣ рекомендательныхъ бюро надо отнести уже ко времени Крестовыхъ походовъ, къ эпохѣ Петра Пустынника и Готфрида Бульонскаго. Первое такое учрежденіе, повидимому, возникло на благотворительной почвѣ, вслѣдствіе почина монахинь госпиталя св. Екатерины и св. Оппортуны, устроившихъ уже въ XI вѣкѣ убѣжище для бѣдныхъ женщинъ и дѣвушекъ, не имѣвшихъ пристанища и искавшихъ занятій [2]).

2. Развитіе частныхъ посредническихъ бюро обязано было, преимущественно, громадному спросу на кормилицъ, вознагражденіе которыхъ въ старину измѣнялось въ зависимости отъ того, кому ихъ молоко предназначалось и таксировалось вообще очень высоко. Доставленіе мѣстъ кормилицамъ представляло наибольшія выгоды, что видно изъ обширнѣйшаго статистико-экономическаго изслѣдованія виконта Авенеля [3]).

---

1) H. Richard. Op. cit., p. 206—208.

2) Office du travail. Le placement des employés, ouvriers et domestiques en France. Paris. 1893, p. 9—10.

3) Vicomte G. D'Avenel, Histoire économique de la propriété, des salaires, des denrées et de tous les prix en général depuis l'an 1200 jusqu'en l'an 1800. Paris. 1898. T. III, p. 34.

Изъ профессіональныхъ бюро слѣдуетъ отмѣтить убѣжище для кормилицъ, пріѣзжавшихъ изъ деревень въ Парижъ, открытое въ 1330 году дочерьми кормилицы короля Іоанна Добраго, въ силу спеціальнаго разрѣшенія. Число такихъ коммиссіонершъ (recommanderesses) стало быстро размножаться, появились разнаго рода злоупотребленія, въ цѣляхъ наживы, напр., сманиваніе слугъ съ мѣстъ ради вторичной рекомендаціи на новое мѣсто, чѣмъ искусственно облегчалась возможность частой перемѣны мѣстъ службы. Для пресѣченія подобной практики, ордоннансомъ 1351 года дозволялось коммиссіонершамъ поставлять на мѣсто одну и ту-же горничную или кормилицу только разъ въ годъ, подъ угрозою „prinse de corps ou pillory“ [1]). Къ XVIII вѣку такихъ рекомендательныхъ конторъ, въ виду выгодности промысла, расплодилось такъ много, что именемъ коммиссіонершъ назывались цѣлыя улицы, гдѣ помѣщались ихъ бюро.

3. Но названныя бюро мало заботились объ интересахъ своихъ кліентовъ — слугъ и рабочихъ вообще, такъ что послѣдніе стали организовываться на началахъ самопомощи, вылившейся въ рабочія товарищества (compagnonnage), оказывавшія покровительство своимъ сочленамъ и облегчавшія нахожденіе ими заработка по своей спеціальности.

Къ половинѣ XVI вѣка рабочія товарищества достигли полнаго процвѣтанія, приближаясь одной стороной своей дѣятельности къ современнымъ посредническимъ бюро [2]).

Недовольные развитіемъ рабочихъ товариществъ хозяева въ противовѣсъ рабочимъ организовали собственные союзы, стараясь парализовать дѣятельность рабочихъ ассоціацій и разъединить ихъ постоянное общеніе, подчинивъ ограничительнымъ правиламъ, расчитаннымъ на то, чтобы затруднить переходъ съ мѣста на мѣсто и тѣмъ предупредить возможность забастовокъ.

---

1) Salomon. Op. cit., p. 34.
2) Office du travail. Le placement . . ., p. 13—24.

Параллельно съ дѣятельностью рабочихъ товариществъ и союзовъ хозяевъ и предпринимателей (communautés), въ XVII вѣкѣ появляется „бюро адресовъ и встрѣчъ“ (bureau d'adresses et de rencontres), возникшее по иниціативѣ лейбъ-медика Людовика XIII, Теофраста Ренодо. Послѣдній, видя массу безпріютнаго люда, стекавшагося въ Парижѣ въ поискахъ за заработкомъ, желалъ облегчить имъ отысканіе мѣста и пріютить во время безработицы. Поэтому Ренодо мечталъ объ учрежденіи бюро, куда несчастные могли-бы обращаться за свѣдѣніями „s'il a quelque employ ou condition présents et y entrer beaucoup plus aisément qu'ils ne feraient après avoir vendu leurs hardes; ou, n'y en ayant point, se pourvoir ailleurs“ [1]). На самомъ дѣлѣ бюро это получило слишкомъ широкую постановку и потому мало достигало намѣченной цѣли. Пользованіе услугами бюро было чрезвычайно облегчено. За три су каждый могъ занести свою имя и профессію и за тотъ-же взносъ получить необходимыя выдержки изъ общаго регистра. Съ цѣлью сближенія спроса съ предложеніемъ это-же бюро стало издавать листокъ объявленій для распространенія нужныхъ свѣдѣній въ публикѣ; но, не смотря на это посредничество, антагонизмъ хозяевъ и рабочихъ продолжался, строгій режимъ корпоративнаго устройства долженъ былъ уступить мѣсто уравнивающимъ принципамъ революціи.

Подъ ихъ вліяніемъ Наполеонъ I издалъ законъ 12 Апрѣля 1803 года, которымъ какъ-бы возстановлялось право на свободный трудъ и запрещены были союзы хозяевъ и стачки рабочихъ, ради взаимнаго утѣсненія и борьбы.

Этимъ закономъ, для регулированія взаимныхъ отношеній рабочихъ и хозяевъ, были созданы рабочія книжки и предположено повсемѣстное открытіе посредническихъ бюро. Къ сожалѣнію, дѣятельность этихъ бюро, руководимыхъ людьми, жаждавшими лишь одной наживы, породила много злоупотребленій, ради устраненія коихъ стали издаваться циркуляры полицейскими префектами.

1) Office du travail. Le placement . . ., p. 14 et suiv.

Но подобныя палліативы мало помогали: общія жалобы на отсутствіе дѣйствительнаго надзора за дѣятельностью бюро заставили обратиться къ новой регламентаціи этого наболѣвшаго вопроса, что и было выполнено изданіемъ закона 1852 года.

4. Декретъ Наполеона III 25 Марта 1852 года исходитъ изъ прежняго принципа свободы промысла, только съ нѣкоторыми ограниченіями. Первыя двѣ статьи этого декрета устанавливаютъ, что всякое лицо, желающее открыть рекомендательное бюро, должно подать прошеніе съ приложеніемъ удостовѣренія о своей нравственности, для испрошенія дозволенія у муниципальной власти.

Въ силу статьи 3 городскія власти надзираютъ за этими бюро и имѣютъ право издавать спеціальныя постановленія, сообразно мѣстнымъ условіямъ. На основаніи этого декрета былъ изданъ еще особый ордоннансъ для Парижа 5 Октября 1852 года.

Прошеніе объ открытіи бюро подается въ Парижѣ на имя префекта полиціи, въ Ліонѣ на имя префекта департамента и въ прочихъ мѣстностяхъ на имя мэра. Эти нынѣ дѣйствующія бюро, возникающія на основаніи предварительнаго разрѣшенія, функціонируютъ въ качествѣ учрежденій коммерческихъ, а не благотворительныхъ, что видно изъ перечня, дѣлаемаго статьею 632 торговаго кодекса (toute entreprise de fournitures d'agence, bureaux d'affaires etc. . .)

Въ силу декрета 1852 года открылось множество агентствъ; въ одномъ Парижѣ въ 1891 году дѣйствовали 317 бюро [1]). Во всѣхъ-же бюро Франціи, по свѣдѣніямъ, собраннымъ office du travail, оказывается, что въ 1891 году въ 1108 бюро было заявлено 2.105.121 требованій мѣстъ, 866.281 предложеній, по различнымъ спеціальностямъ; при посредствѣ бюро изъ этого числа 420.222 чел. получили постоянныя мѣста, а 350.008 устроилось на поденной работѣ [2]).

1) Office du travail. Le placement . . . p. 325.
2) Office du travail. Le placement . . . p. 445—447.

Такова въ общихъ цифрахъ дѣятельность посредническихъ бюро, разрѣшенныхъ администраціею. Эти бюро, основанныя на принципѣ промышленной свободы, суть учрежденія факультативныя, обращеніе къ нимъ всецѣло зависитъ отъ доброй воли заинтересованныхъ лицъ, чѣмъ объясняется параллельное существованіе и другихъ видовъ посредничества — при помощи синдикатовъ, биржъ труда, благотворительныхъ обществъ, бюро, устраиваемыхъ муниципалитетами, обществами взаимопомощи.

5. Въ современной профилактикѣ зла вообще видную роль играютъ нынѣ общественныя учрежденія, организующія т. н. трудовую помощь населенію. Жалобы на недобросовѣстность частныхъ рекомендательныхъ конторъ и трудность дѣйствительнаго за ними правительственнаго надзора выдвигаютъ, въ противовѣсъ частному посредничеству, устройство такихъ конторъ городскими управленіями [1]).

Сторонники этой системы указываютъ на то, что община заинтересована въ организаціи труда своихъ членовъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ она должна сама заботиться о своихъ безработныхъ и имъ помогать. Во Франціи во многихъ городахъ открываются въ настоящее время бюро самими общинами, но дѣятельность ихъ до сихъ поръ нельзя назвать конкуррирующею съ частными бюро, такъ какъ число ихъ крайне незначительно [2]).

Ничтожная дѣятельность муниципальныхъ бюро объясняется общею причиною — тогда какъ во главѣ частныхъ конторъ стоятъ лица, заинтересованныя собственнымъ карманомъ въ успѣхѣ дѣла, бюро муниципальныя находятся въ рукахъ городскихъ чиновниковъ; импульсомъ ихъ дѣятельности является лишь отвлеченное понятіе народнаго блага, а не болѣе близкое сердцу каждаго — собственная выгода.

---

1) E. Dufaux de la Jonchère. Ce que les maîtres et les domestiques doivent savoir. Paris. 1884. p. 111—132.

2) Office du travail. Le placement . . . p. 568—611.

Но какъ показалъ опытъ, тамъ гдѣ во главѣ становился убѣжденный сторонникъ трудовой помощи населенію, дѣло муниципальныхъ бюро шло успѣшно и можно думать, что этотъ способъ рекомендаціи будетъ быстро развиваться, тѣмъ болѣе, что какой-либо выгоды, прибыли, муниципалитеты не ждутъ отъ этой своей дѣятельности.

V.

Таковъ въ общихъ чертахъ ходъ законодательной регламентаціи вопроса о домашней прислугѣ. Французское право, какъ мы видѣли, ограничивается опредѣленіемъ формальной, юридической стороны интересующаго насъ вопроса. Но жизнь на каждомъ шагу указываетъ на печальные результаты торжества юридической абстрактной идеи: нерѣдко индивидуальная свобода равняется праву сильнаго попирать интересы слабаго. Безграничная вѣра въ свободу и прирожденныя человѣку добрыя стремленія не приводятъ къ успѣшному разрѣшенію соціально-экономическихъ золъ современности. При феодальномъ режимѣ господинъ признавалъ извѣстнаго рода нравственныя обязанности по отношенію къ своему вассалу; современный-же домохозяинъ не имѣетъ уже никакихъ обязательствъ по отношенію къ рабочему, не продиктованныхъ закономъ. Хозяинъ во всякое время, смотря на надобности, беретъ или отпускаетъ прислугу, и уплативъ ей причитающееся жалованье, онъ съ нею въ расчетѣ; до дальнѣйшей ея судьбы ему нѣтъ никакого дѣла!

Прислуга, предоставленная своимъ собственнымъ силамъ, съ трудомъ преодолѣваетъ жизненныя невзгоды; не встрѣчая ни въ комъ поддержки, она безсознательно выражаетъ протестъ противъ порядковъ данной соціальной среды, стремится лишь къ удовлетворенію своихъ эгоистическихъ инстинктовъ, вступаетъ на путь разврата и беззастѣнчиваго обмана своихъ господъ.

Полиція Парижа, говоритъ Léon Gozlan, существуетъ ради прислуги; почти всѣ слуги — воры или шпіоны. Самый

честный изъ нихъ, будь то женщина, или мужчина, воруетъ ежедневно по меньшей мѣрѣ 10 су отъ своихъ господъ [1]).

Данныя уголовной статистики наглядно иллюстрируютъ испорченность домашней прислуги. Въ Парижѣ на 7.238 человѣкъ приходится одна домашняя кража [2]). И это число, по мнѣнію Bouniceau-Gesmon, еще надо удесятерить, такъ какъ, въ виду трудности возбужденія преслѣдованія, до судебнаго разбирательства доходитъ не болѣе 1/10 общаго числа домашнихъ кражъ; слѣдовательно, по убѣжденію указаннаго писателя, фактически въ Парижѣ одна домашняя кража приходится на 723 жителя. Впрочемъ здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго. Прислуга большею частью рекрутируется изъ крестьянскаго населенія, отрывается отъ родной деревенской почвы, подвергается соблазну и порчѣ городской жизни, пріучается къ праздности и безтолковой работѣ. Обстановка службы прислуги на мѣстѣ часто такова, что она дѣйствуетъ развращающимъ образомъ на прислугу. Всѣ дурныя стороны семейной жизни у домашнихъ слугъ на виду, ради собственныхъ прихотей хозяева портятъ слугъ, губятъ ихъ нравственно, нисколько не безпокоясь объ ихъ будущей печальной судьбѣ. Eugène Sue въ своихъ „Mystères de Paris“ устами главнаго своего героя Рудольфа говоритъ: „то страхомъ, то неожиданною выходкою, то пользуясь своимъ начальственнымъ положеніемъ, хозяева понемногу развращаютъ прислугу; это ничто иное, какъ жестокое и нечестивое порабощеніе прислуги, уступающей назойливости своего хозяина, слѣдствіемъ чего большею частью бываетъ дальнѣйшее паденіе, нищета, проституція, воровство и нерѣдко дѣтоубійство“. Parent-Duchatelet изъ 3084 зарегистрированныхъ проститутокъ отмѣтилъ 859 сбившихся съ пути женщинъ, принадлежавшихъ къ категоріи лицъ, оказывавшихъ разныя услуги — въ качествѣ кухарокъ, нянекъ, горничныхъ, молочницъ, поденщицъ, цвѣточницъ и т. п.

---

1) Larousse. Op. cit., p. 1053.
2) Bouniceau-Gesmon. Op. cit., p. 143.

Изслѣдуя причины, натолкнувшія женщинъ на путь промысловаго разврата, Parent-Duchatelet изъ 5183 лицъ насчитываетъ 289 служанокъ, соблазненныхъ своими господами и затѣмъ ими прогнанныхъ [1]).

И въ самое послѣднее время во Франціи раздаются все тѣже сѣтованія на ненормальность положенія прислуги, въ которой видятъ недостойное наслѣдіе стараго режима. Правда, современный законъ запрещаетъ эксплуатацію людей, въ интересахъ обѣихъ сторонъ устанавливаетъ свободу договора, но обстановка домашняго услуженія до сихъ поръ такова, что носитъ въ себѣ элементъ униженія. Постоянное подчиненіе чужой волѣ, начальственный тонъ, небрежное отношеніе деморализуетъ прислугу.

Въ такомъ, именно, смыслѣ трактуетъ интересующій насъ вопросъ Октавъ Мирбо, который въ своемъ жанровомъ романѣ „Le journal d'une femme de chambre“ [2]) представляетъ вниманію читателя и господъ и слугъ, соперничающихъ другъ съ другомъ въ испорченности.

Сама героиня, горничная Селестина Р. . ., развращена до мозга костей. Она лгунья, воровка, развратничаетъ съ первымъ встрѣчнымъ, и въ довершеніе всего груба и нахальна. Селестина открываетъ тайны всѣхъ семействъ, у которыхъ она служила и ни въ одномъ не видѣла искренней любви и вѣрности, спокойнаго достоинства, чистоты нравовъ, истинной честности и благородства, которыя внушили-бы уваженіе слугамъ и послужили-бы имъ похвальнымъ примѣромъ.

По поводу только что приведенной характеристики невольно напрашивается выводъ, что корень зла въ насъ самихъ. Необходимо внутреннее оздоровленіе семьи, измѣненіе взгляда на прислугу и ея трудъ, предоставленіе ей нѣкоторой свободы, совмѣстной съ ея обязанностями и добрыми нравами и соединенной съ заботою о развитіи и улучшеніи ея судьбы.

---

1) Parent-Duchatelet. De la prostitution dans la ville de Paris. Bruxelles. 1836, pp. 53 et 68.

2) Octave Mirbeau. Le journal d'une femme de chambre. Paris. 1901.

Германія.

VI.

„Fort mit den absoluten particularen Gesindeordnungen und dafür ein einheitliches Recht, das den modernen Anschauungen entspricht.“ Elisa Ichenhaeuser.

Die Dienstbotenfrage und ihre Reform. Berlin 1900, S. 10.

1. Распредѣленіе занятій между людьми обусловливаетъ характеръ общественныхъ отношеній. Увеличеніе матеріальныхъ средствъ даетъ возможность выдѣлить изъ общей массы трудящагося люда группу лицъ, предлагающихъ свои услуги по домоводству за извѣстную плату и содержаніе.

Постепенно возникаетъ новая форма общежитія, какой не было ни въ самый ранній періодъ образованія обществъ, ни при господствѣ рабства, а именно — семья, пользующаяся рабочею силою наемной прислуги. Устанавливаются особыя отношенія господъ къ слугамъ, видоизмѣнявшіяся въ зависимости отъ исторической обстановки соотвѣтствующей эпохи.

Патріархальные порядки, долгое время регулировавшіе отношенія господъ и слугъ, выливаются мало по малу въ опредѣленные правовые институты, получившіе въ Германіи названіе Gesindeordnungen, уставовъ о прислугѣ.

Самое понятіе прислуги, „Gesinde“, вырабатывается постепенно, въ зависимости отъ бытовой и экономической обстановки извѣстнаго періода народной жизни.

Терминъ „Gasindi — Gesinde“ появляется давно. Уже въ лонгобардскихъ законахъ встрѣчается это слово, но въ смыслѣ придворныхъ лицъ, свиты короля, сопровождавшей его въ походахъ [1]).

Подобную-же роль играли „ministeriales“ — это слуги при королѣ, избиравшіеся изъ знати, часто изъ князей.

1) Grimm. Deutsche Rechtsalterthümer. B. I. Leipzig. 1899, S. 382; Rotteck und Welcker. Staatslexikon. Altona. 1838. 6. B., S. 759; Herz. Die Rechtsverhältnisse des freien Gesindes nach den deutschen Rechtsquellen des Mittelalters. Breslau. 1879, S. 1 und fl.; Meyer. Konversations-Lexikon. IV. Auflage. Leipzig. 1887, B. VII., S. 245.

Аристократія въ свою очередь имѣла министеріаловъ, но уже изъ низшаго класса и даже несвободныхъ.

2. Прислуга-же въ современномъ словоупотребленіи появляется позднѣе. Развитіе городской жизни, положившее начало отдѣленію труда земледѣльческаго отъ ремесленно-промышленнаго, организовавшагося на началахъ цеховаго устройства, послужило первымъ толчкомъ къ формировкѣ той группы людей, которые затѣмъ выдѣлились изъ другихъ классовъ населенія, подъ названіемъ домашней прислуги.

Спеціализація занятій, вслѣдствіе наростанія жизненныхъ потребностей, заставляетъ производителя отдавать все свое время данному производству, ремеслу, а для выполненія домашнихъ работъ обращаться къ тому люду, который, опасаясь закрѣпощенія, толпами стекался изъ деревень въ города, чтобы подвергнуться либеральному средневѣковому принципу городской жизни „Luft macht frei“. Но долгое время эта свобода была номинальной, такъ какъ, несмотря на договорный характеръ службы, рабочій въ силу обычая обязывался трудъ и все свое время предоставлять въ полное распоряженіе господина, выполняя всѣ его приказанія безпрекословно.

3. Современное расчлененіе занятій домашней прислуги вырабатывалось мало-по-малу; старо-германскіе-же городскіе законы подъ именемъ прислуги разумѣли и работниковъ, чистящихъ посуду, и ухаживающихъ за лошадьми, равно какъ и приказчиковъ въ лавкѣ и помощниковъ въ любомъ промышленномъ предпріятіи [1]).

Къ подобному-же выводу склоняется и Robert Wuttke, посвятившій свое изслѣдованіе положенію прислуги въ Саксоніи до 1835 г. Прислугою въ средніе вѣка, указываетъ Wuttke, называли и слугу въ городскомъ домѣ и ученика [2]). И хотя въ роли слуги выступать могъ только свободный человѣкъ,

---

1) E. Fidicin. Geschichte der Stadt Berlin. 1842. B. V, S. 100.
2) R. Wuttke. Gesindeordnungen und Gesindezwangsdienst in Sachsen bis zum Jahre 1835. Leipzig. 1893, S. 5.

но всѣ лица, входившія въ понятіе „Gesinde“, находились въ сильной зависимости отъ своихъ господъ и обязаны были безпрекословнымъ повиновеніемъ. Такъ, въ силу обычая служащіе въ ганзейскихъ конторахъ, кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей — веденія торговыхъ книгъ и продажи товара — выполняли всю т. н. домашнюю работу. Въ Любекѣ, напр., въ концѣ 18-го столѣтія было принято, чтобы ремесленные ученики чистили сапоги своимъ хозяевамъ.

Строгая спеціализація занятій развивалась медленно, и еще въ 16 и 17 вв. всѣ оказывавшіе личныя услуги, какъ-то секретари, приказчики, лакеи, управляющіе имѣніемъ и т. п. носили общее названіе „Gesinde“ [1]). Но несмотря на большое подчиненіе господской волѣ, характерная черта отношеній прислуги къ хозяевамъ — договоръ, служба по условію, — появляется въ самый ранній періодъ развитія этого института, хотя въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ это договорное начало затемняется установленіемъ для нанимающихся многихъ ограниченій въ свободѣ договора, въ интересахъ господъ.

Въ долгій періодъ перехода отъ полной крѣпостной зависимости, говоритъ В. Рошеръ, вмѣсто совершенно свободной конкурренціи преобладала почти вездѣ очень невыгодная для слугъ полицейская опека [2]). Какъ-бы въ противорѣчіе принципу свободнаго соглашенія, которымъ должны были устанавливаться взаимныя отношенія господъ и прислуги, авторы, рисующіе средневѣковый юридическій бытъ, указываютъ, что подчиненіе слуги хозяину было полное.

Господа могли даже безнаказанно бить прислугу; levis castigatio, битье розгами, палкой не возбранялось; только раненіе оружіемъ или убійство воспрещалось [3]). Мщеніе со

1) Kollmann. Geschichte und Statistik des Gesindewesens in Deutschland in Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik. X. Neue Folge. II. B. Jena. 1868, S. 240.

2) W. Roscher. Grundlagen der National-Oekonomie. Stuttgart. 1857. B. I, S. 128.

3) Hertz. Die Rechtsverhältnisse des freien Gesindes des Mittelalters. Breslau. 1879, S. 31.

стороны слугъ не допускалось; показаніе господина противъ слуги не нуждалось ни въ какихъ свидѣтеляхъ. Аналогія положенія слугъ съ крѣпостными, работавшими на землѣ господина, сказывалась и въ томъ, что не всюду прислуга получала жалованье, во многихъ мѣстахъ служили за столъ и кровъ и одежду.

Постепенно, впрочемъ, входитъ обычай ежегоднаго подарка, подобно тому, какъ король одаривалъ своихъ министеріаловъ и вассаловъ. Въ этомъ повсемѣстно укоренившемся обыкновеніи Гриммъ видитъ зарожденіе денежной платы прислугѣ, обратившейся въ постоянное жалованье. Нижне-германскіе законы этотъ даръ называли menasle, madesle, т. е. деньги, передававшіяся слугѣ въ извѣстный день [1]).

Старинные авторы указываютъ, что прислуга въ средніе вѣка долгое время питалась, такъ сказать, крохами, падавшими со стола господина. Кромѣ скуднаго прокормленія ежегодно давались рубашка или поношенное платье господина и нѣсколько мелкихъ денегъ (Einige Schillinge Geld).

VII.

Приниженное положеніе прислуги, которую господа старались закрѣпостить и лишить свободы выбора себѣ занятія и господина, выразилось въ цѣломъ рядѣ земскихъ предписаній, уставовъ, издававшихся подъ давленіемъ домогательства дворянства, которое не упускало случая указывать на плохія качества слугъ и затрудненія, которыя испытываютъ господа отъ своеволія прислуги. Даже авторитетный голосъ реформатора присоединился къ общему крику противъ прислуги. Прислугу Лютеръ называлъ бичемъ Божіимъ (eine Plage von Gott). Въ толкованіи нѣкоторыхъ главъ пятой книги Моисея Лютеръ рѣзко порицаетъ современное ему непослушаніе прислуги господамъ, возмущается ея лѣностью, хвалитъ турецкіе

1) Grimm. Deutsche Rechtsalterthümer. B. I. Leipzig. 1899, S. 494.

порядки, въ силу коихъ негодныхъ слугъ можно продавать въ рабство, бить [1]). Слова Лютера были подхвачены протестантскимъ духовенствомъ, дворянствомъ, послуживъ опорою и оправданіемъ тѣхъ стѣсненій, которыхъ стали домогаться господа по отношенію къ служащему классу. Въ томъ-же 16-мъ столѣтіи появляется разсужденіе о прислугѣ дрезденскаго проповѣдника Петра Глазера, гдѣ цитатами изъ Священнаго Писанія онъ старается оправдать всѣ требованія господъ и обосновать договоръ между сторонами, съ точки зрѣнія интересовъ нанимателей [2]). Господствующее общественное мнѣніе не могло не повліять и на измѣненіе законодательной регламентаціи вопроса о прислугѣ. Въ отдѣльные уставы начинаютъ уже включать разныя постановленія, привязывавшія прислугу къ данному мѣсту, таксировавшія трудъ прислуги, словомъ въ корнѣ подрывавшія свободу договора. Такъ, по старому Берлинскому праву шеффеновъ, слуга, въ случаѣ ухода къ другимъ господамъ, могъ быть водворенъ обратно силою; если-же хозяинъ прогонялъ слугу безъ уважительнаго повода, то долженъ былъ уплатить лишь условленную сумму. Стало вырабатываться право общей служебной повинности (Zwangsdienstrecht), заключавшееся въ томъ, что молодые люди низшаго сословія обязаны были идти въ услуженіе въ чужой домъ, если не докажутъ, что они работаютъ въ отцовскомъ домѣ, или занимаются какимъ-либо промысломъ. Переходъ сельскаго слуги въ городскіе сильно затруднялся, и только вступленіе въ бракъ развязывало слугѣ руки, онъ могъ нарушить договоръ и выбрать себѣ иное занятіе [3]).

Дворянство старалось законодательнымъ путемъ усилить свою власть надъ слугами. Обязавъ крестьянъ посылать

1) Dr. Martin Luthers sämmtliche Werke, herausgegeben von Dr. Irmischer. 1826—1854. Frankfurt a. Main und Erlangen. Bände: II, S. 16—17; VI, S. 304—305, 332; XX, S. 273; XXX, S. 389; XXXIV, S. 154; XXXVI, S. 298 und 306.

2) Wuttke. Op. cit., S. 17—18.

3) W. Roscher. Op. cit., B. I. Stuttgart. 1857, S. 118—119; W. Roscher. Op. cit.. B. II. III. Auflage. Stuttgart. 1861, S. 290.

своихъ дѣтей въ дома господъ для домашнихъ услугъ, законъ тѣмъ самымъ содѣйствовалъ вербовкѣ высшими классами дешевой прислуги.

Но мѣняющіяся политическія событія расшатывали подобный порядокъ вещей и часто господамъ было трудно отстаивать эту принудительную службу (Zwangsdienst). По настоянію дворянства стали издаваться многочисленные полицейскіе уставы, т. наз. Gesinde-, Hirten-, Schäfer-Ordnungen XVI в. Но частая смѣна этихъ уставовъ служитъ достаточнымъ доказательствомъ, что упорядочить этотъ вопросъ было не легко. Интересы дворянства, добивавшагося дешевой насильственной вербовки прислуги, встрѣчали со стороны послѣдней противодѣйствіе, почему полицейскіе уставы того времени въ подробностяхъ стараются опредѣлить все юридико-бытовое положеніе прислуги, ограничивая, по возможности, свободу договора. Даже, какъ указываетъ Kollmann [1]), у юристовъ были попытки сблизить современный институтъ наемной прислуги съ римскими рабами. Поэтому-то принудительность службы, заключавшаяся въ обязанности жителей извѣстной мѣстности отдавать своихъ дѣтей на опредѣленный срокъ даромъ или за ничтожное вознагражденіе во дворъ своего помѣщика, объяснялась естественнымъ переходнымъ состояніемъ изъ рабства, крѣпостничества, въ смягченныя полу-свободныя отношенія [2]). Подтвержденіемъ того-же, какъ бы переходнаго положенія, служитъ, по мнѣнію многихъ авторовъ, и право наказывать слугу, устанавливаемое рядомъ полицейскихъ уставовъ. Только общая неудержимая тенденція городского населенія къ свободѣ повлекла за собою смягченіе этихъ суровыхъ отношеній и переходъ къ началу свободнаго соглашенія. Отвоевывается понемногу служащими право договариваться на срокъ болѣе короткій, чѣмъ прежде, и за вознагражденіе съ преобладаніемъ денежной формы. Ясныя огра-

1) Kollmann. Op. cit., S. 242.

2) A. Emminghaus. Von Gesindezwangsdienst und dessen Abschaffung. Jena. 1826, S. 6—8.

ниченія договорныхъ отношеній видны еще въ Англіи во времена Адама Смита, гдѣ въ спорахъ господъ со слугами дѣйствовала презумпція, что слуга не можетъ наниматься на срокъ менѣе года, равно какъ и въ Германіи, гдѣ Прусскимъ уставомъ о прислугѣ 1769 года прямо было воспрещено наниматься на срокъ менѣе года.

Договорное начало ограничивалось и тѣмъ, что строго воспрещалось выговаривать себѣ „чрезмѣрную“ плату. Тотъ-же уставъ Фридриха II угрожалъ смирительнымъ домомъ, какъ принимающимъ, такъ и дающимъ плату выше установленной таксы; само собою разумѣется, что плата ниже таксы дозволялась. Семилѣтняя война, разстроившая денежное хозяйство страны, косвенно повліяла и на плату слугамъ. Всюду стали раздаваться жалобы господъ на дороговизну прислуги и требованія законодательнаго ограниченія вознагражденія за трудъ. Въ такомъ смыслѣ мы и встрѣчаемся съ постановленіями Фридриха Августа II въ Саксоніи отъ 30 Мая 1763 г. [1]).

Ясно, что свободныя договорныя отношенія были сильно съужены подъ давленіемъ тогдашняго полицейскаго режима. Уставы, издававшіеся въ XVI, XVII и XVIII вв., особенно заботились, чтобы закрѣпить сельскихъ рабочихъ за ихъ помѣщиками, затруднивъ сельскимъ рабочимъ переходъ въ городъ къ другимъ занятіямъ.

Въ городахъ-же, хотя и не было установлено принудительности службы, тѣмъ не менѣе прислуга была подвергнута строгому полицейскому надзору. Чиновники, вѣдавшіе, напр., прислугу въ Берлинѣ по кварталамъ, были снабжены большими полномочіями и ихъ юрисдикціи подлежали многія дѣла, касавшіяся проступковъ слугъ. Посредниками по найму между господами и прислугою являлись маклеры, которые обязаны были рекомендовать только добропорядочную прислугу, наблюдать, чтобы прислуга не сходилась для дебоша, картъ, игры въ кости и танцевъ, ради стачекъ для увеличенія жалованья,

1) Wuttke. Op. cit., S. 155.

а также для всякихъ совѣщаній, клонившихся ко вреду господъ. Согласно, напр., Бреславльскому уставу о прислугѣ 1640 г., запрещено было прислугѣ проживать на частныхъ квартирахъ безъ мѣста, такъ какъ опытъ показалъ, что подобныя помѣщенія служили мѣстомъ для укрывательства краденаго у господъ. Срокъ найма слугъ обычно былъ годовой, предварительное оповѣщеніе объ отказѣ должно дѣлать за 1/4 года; впрочемъ, слуга могъ представить вмѣсто себя замѣстителя [1]). Таково было положеніе прислуги въ городѣ.

Въ деревнѣ служить было тяжелѣе. Тамъ дѣйствовалъ обязательный трехлѣтній срокъ службы, такъ какъ „свѣжихъ слугъ“ получать не такъ легко, какъ въ городѣ.

Силою вещей наемъ прислуги, какъ частно-правовое отношеніе, уступаетъ мѣсто вопросу о прислугѣ, какъ одной изъ отраслей государственнаго управленія. Появляются детальныя опредѣленія допустимыхъ и закономѣрныхъ условій договора. Мы видѣли, что полицейская опека надъ прислугою выдвигаетъ по отношенію къ прислугѣ требованія крайне тяжелыя. Такъ, регулировалась отдѣльными уставами и принудительность службы (Zwangsdienst) для молодежи низшаго сословія, и таксировалась плата прислугѣ въ интересахъ господъ съ запрещеніеаъ требованій прислугою „ростовщической“ заработной платы. Появившіяся законодательныя таксы опредѣляютъ maximum платы, обязательной и для господъ подъ угрозою штрафа, дабы не создавать невыгодной для господъ взаимной конкурренціи. Низшей-же нормы установлено не было, напротивъ низкая плата усиленно рекомендовалась, какъ на то указываетъ Кольманъ относительно Пруссіи до Фридриха Великаго (1766 г.) [2]). Такимъ образомъ поставленъ былъ законодательный барьеръ свободному договорному началу, и отнята была возможность переманивать богатыми господами слугъ лицъ менѣе состоятельныхъ. Но, какъ свидѣтельствуетъ

1) Kollmann. Op. cit., S. 249 und fl.
2) Kollmann. Op. cit., S. 251.

практика стараго времени, бывали нерѣдко и обходы подобнаго законодательнаго запрета; чтобы поощрить прислугу и привлечь къ себѣ лучшую, нѣкоторые господа сверхъ нормальной платы обѣщали еще и подарки. „Такъ какъ никто не можетъ жить безъ прислуги, и такъ какъ послѣдняя составляетъ значительную часть населенія страны (поддержаніе-же внутренняго порядка отражается на общемъ благѣ), то легко понять, что вопросъ о прислугѣ есть важная отрасль полиціи и требуетъ многочисленныхъ законовъ и опредѣленій. — Полиція, особенно, должна заботиться, чтобы въ странѣ не было недостатка въ прислугѣ“, такъ въ концѣ 18 столѣтія разсуждаетъ камералистъ Krünitz по интересующему насъ предмету. Естественнымъ слѣдствіемъ такого взгляда было точнѣйшее перечисленіе полицейскими уставами всѣхъ правъ и обязанностей прислуги, установленіе максимальныхъ таксъ, но тѣмъ не менѣе не переставали раздаваться жалобы на то, что „прислуга лѣнива, развратна, лжива и ненадежна“. Положеніе прислуги все ухудшалось, плата совершенно не соотвѣтствовала потребностямъ прислуги, особенно въ виду обезцѣненія денегъ. Извѣстный полиціистъ Бергъ подтверждаетъ обязанность полиціи, обезпечивающей собственность, заботиться о томъ, чтобы не было недостатка въ хорошихъ слугахъ и чтобы публика не вводилась въ убытокъ требованіемъ чрезмѣрно высокой платы [2]).

Уставы о прислугѣ касались въ подробностяхъ всего обихода ихъ жизни; были особыя предписанія объ одеждѣ, пищѣ, съ точки зрѣнія интересовъ господъ и борьбы съ роскошью. 3 раза въ день прислуга должна была получать кушанье, но въ опредѣленныхъ порціяхъ и простое; ужинъ многими уставами воспрещался, такъ какъ „viele Fressen nur träge und faule Arbeiter mache und viele Zeit verloren gehe“.

1) Köhler. Gesindewesen und Gesinderecht in Deutschland. Jena. 1896, S. 6.

2) Berg. Handbuch des deutschen Polizeirechts. Göttingen. II. Aufgabe. 1802. II. B., S. 268.

Krünitz указываетъ, что въ большинствѣ случаевъ прислугу содержали плохо, кормили недостаточно и мало питательно. Положеніе прислуги было приниженное, она была лишена свободы, находясь въ гнетущей личной зависимости, и за ничтожную плату и плохое содержаніе обязана была безусловнымъ повиновеніемъ своимъ господамъ. Обращеніе со слугами было суровое, ихъ били по произволу, а за дѣйствительную вину чинили жестокое наказаніе. Напр., въ Саксоніи въ XVIII в. по полицейскому уставу прислуга за кражу свыше 12 талеровъ подлежала повѣшенію. Но на ряду съ такими порядками въ томъ-же „дополненномъ и улучшенномъ уставѣ о прислугѣ короля Польскаго и Саксонскаго Фридриха Августа 1769 г". встрѣчаемъ напоминаніе, обращенное къ господамъ, чтобы прислугѣ аккуратно платили жалованье безъ придирокъ, и обращались бы съ нею человѣчно и по христіански [1]).

По общему признанію, положеніе прислуги къ концу XVIII в. было наиболѣе тяжелое, чѣмъ въ какое-либо другое время. Ждать улучшенія ея положенія на почвѣ взаимопомощи было невозможно.

VIII.

Реформа началась съ наболѣвшаго вопроса о крѣпостномъ трудѣ, не смотря на сильную оппозицію всего землевладѣльческаго класса, доказывавшаго, что прекращеніе Zwangsdienst'a сильно пошатнетъ сельское хозяйство, оставивъ его безъ рабочихъ, которые бросятъ землю, устремятся въ городъ, будутъ требовать высокой платы и вкусныхъ харчей, предадутся праздности и бродяжеству [2]). Но эти протесты не были приняты во вниманіе. Указывалось, что плата дѣйствительно должна повыситься соотвѣтственно справедливымъ потребностямъ прислуги, но опасаться чрезмѣрнаго ея повышенія

1) Wuttke. Op. cit., S. 164 und fl.
2) Kollmann. Op. cit., S. 251.

нельзя, такъ какъ при свободѣ труда проявитъ все свое дѣйствіе конкурренція, и трудъ, въ виду его добровольности, будетъ интенсивнѣе.

Знаменитый эдиктъ 1807 года Штейна-Гарденберга, уничтожившій правовую разницу въ сословіяхъ, послужилъ основой и для новаго полицейскаго устава о прислугѣ. Образцомъ такового явился Прусскій уставъ 8 Ноября 1810 г., регламентирующій уже договоръ свободной прислуги, сохранившій однако многія черты, которыя были свойственны этому институту въ 12 и 13 ст.

Примѣръ Пруссіи оказался заразительнымъ. И другія страны приступили къ реформѣ, появляются новые уставы, но все въ томъ-же всепроникающемъ духѣ былой полицейской опеки. Даже въ Рейнской провинціи, гдѣ дѣйствовало французское право, не знающее особыхъ нормъ для прислуги, въ 1844 году признали за цѣлесообразное подвергнуть прислугу полицейской регламентаціи въ смыслѣ Прусскаго устава 1810 года [1]).

Само собою разумѣется, что многія постановленія этого закона съ теченіемъ времени потеряли свою силу и замѣнены и дополнены новыми узаконеніями, распоряженіями, министерскими циркулярами и т. п., но въ общемъ положеніе это дѣйствуетъ и привилось въ главныхъ своихъ основаніяхъ къ жизни.

1. Отношенія между господами и домашнею прислугою основываются на договорѣ, которымъ одна сторона обязывается оказывать извѣстныя домашнія или хозяйственныя работы, на опредѣленное время, другая-же — давать за это опредѣленное вознагражденіе (§ 1) [2]).

Въ семьѣ предоставляется мужу нанимать необходимую для домашняго обихода прислугу (§ 2). Право это можетъ быть передаваемо и другому лицу, напр., управляющему, въ

1) Karl Suchsland. Das Recht des Gesindes in allen Bundesstaaten des deutschen Reiches. Berlin. 1895, S. 9—11.

2) Posseldt. Das Preussische Gesinde-Recht. Berlin. 1894, S. 9.

томъ случаѣ, если господа въ отсутствіи (A. L. R. I. 13, § 7—10). Женскую прислугу можетъ нанимать жена безъ особаго на это разрѣшенія мужа (§ 3). Однако-же мужъ можетъ, если нанятая прислуга окажется непорядочною, распорядиться объ удаленіи ея по истеченіи установленнаго закономъ времени службы, не обращая вниманія на требованіе опредѣленнаго договоромъ предварительнаго заявленія (§ 4). Всякій, желающій поступить въ услуженіе, долженъ имѣть право свободно располагать своею личностью, посему дѣти, состоящія подъ отеческою властью, не могутъ наниматься безъ разрѣшенія отца, а несовершеннолѣтніе — опекуна. Замужнія женщины нанимаются въ мамки или для другихъ услугъ также съ разрѣшенія ихъ мужей. Слуги, уже бывшіе въ услуженіи, при поступленіи на новое мѣсто, обязаны представить удостовѣреніе, что отошли отъ послѣдняго мѣста законнымъ порядкомъ (§ 9).

Поэтому-то наниматель, при своемъ заявленіи прислугѣ объ отказѣ ей отъ мѣста, обязанъ вручить ей особую записку (Los oder Entlassungsschein), удостовѣряющую, что данное лицо съ такого-то числа вправѣ поступить на другое мѣсто. Въ Берлинѣ, желающіе поступить въ услуженіе, обязаны, сверхъ того, представить президенту полиціи удостовѣреніе мѣстной полицейской власти въ хорошемъ поведеніи за послѣдніе 3 года, если еще они не находились на мѣстахъ, а лица, уже бывшія въ услуженіи, представить аттестатъ отъ послѣдняго хозяина, что къ переходу ихъ на другое мѣсто препятствій не встрѣчается.

Нанимающіе прислугу безъ такихъ удостовѣреній подвергаются штрафу отъ 3—30 марокъ въ пользу мѣстной кассы для бѣдныхъ, а заключенный такимъ нанимателемъ договоръ считается недѣйствительнымъ (§§ 11, 12).

2. Аттестація нанимателями прислуги обязательна; указомъ 29 Сент. 1846 г. установлены служительскія книжки,

1) Posseldt. Das Preussische Gesinde-Recht. Berlin. 1894, S. 9.

которыя должно имѣть каждое лицо, поступающее въ услуженіе [1]). Поступая въ услуженіе нанявшійся обязанъ предъявить свою книжку; за уклоненіе отъ сего предписанія полиція подвергаетъ такого ослушника штрафу до 6 марокъ или взамѣнъ сего аресту до 3 дней (законъ 2 Апрѣля 1883 года) [2]). При расчетѣ хозяинъ обязанъ вписать въ книжку причину увольненія и обстоятельный аттестатъ (vollständiges Zeugniss), подъ угрозою штрафа, налагаемаго полиціею въ размѣрѣ отъ 3—15 марокъ. Справки о судимости вносятся судебною властью въ служительскую книжку. Слуга, получившій неудовлетворительную аттестацію, можетъ просить полицію о выдачѣ ему новой книжки, если онъ въ теченіи 2 лѣтъ послѣ неблагопріятной аттестаціи велъ себя безукоризненно.

3. Письменной формы для заключенія договора найма прислуги не требуется. Какъ скоро выданъ задатокъ (обыкновенно т. наз. Miethsthaler), договоръ считается заключеннымъ и наниматель обязанъ принять къ себѣ слугу, а послѣдній явиться къ сроку на мѣсто служенія. Въ случаѣ отказа отъ принятія слуги или преждевременнаго его увольненія, безъ законныхъ основаній, наниматель теряетъ право на задатокъ и сверхъ того обязанъ содержать слугу до поступленія его на другое мѣсто (§ 47).

Если-же прислуга отказывается явиться на мѣсто согласно договору, то она должна быть принуждена къ тому полиціею. Подъ принудительными мѣрами, въ силу административнаго распоряженія отъ 30 Іюля 1883 г. слѣдуетъ понимать угрозы, опредѣленіе и взысканіе штрафа, а если и этого окажется недостаточно, насильственный приводъ къ господамъ. Въ случаѣ-же безуспѣшности означенныхъ принудительныхъ мѣръ, если прислуга сбѣжитъ, господа могутъ искать себѣ другую прислугу, а отказавшаяся отъ выполненія принятыхъ на себя обязанностей, обязана возмѣстить госпо-

1) Posseldt. Op. cit., S. 15 und fl.
2) Posseldt. Op. cit., S. 16.

дамъ причиненный убытокъ, возвратить задатокъ; кромѣ того, она подлежитъ штрафу отъ 6—30 марокъ, при несостоятельности-же тюремному заключенію (§ 51). Если-же прислуга можетъ доказать, что господа въ теченіе истекшаго года позволяли себѣ такое обхожденіе съ прислугою, вслѣдствіе коего послѣдняя имѣла-бы право оставить мѣсто безъ предварительнаго заявленія, то она не можетъ быть принуждаема къ поступленію на мѣсто, но обязана возвратить только задатокъ. Если-же прислуга по какому-либо обстоятельству, не по своей винѣ, встрѣтитъ препятствіе къ поступленію на мѣсто, то господа должны ограничиться возвращеніемъ задатка (§ 53). Если женской прислугѣ представится возможность выдти замужъ, то она можетъ представить на свое мѣсто подходящую замѣстительницу. Въ случаѣ спора слугъ кому изъ нихъ, чѣмъ именно, слѣдуетъ заниматься, воля господъ рѣшаетъ всѣ недоразумѣнія (§ 61). Прислуга обязана подчиняться волѣ господъ, выполнять ихъ приказанія, не имѣетъ права отлучаться изъ дома безъ вѣдома или разрѣшенія хозяевъ (§ 74). Въ случаѣ болѣзни прислуги, каждый другой слуга долженъ временно исполнять и другія домашнія работы, не входящія въ кругъ его спеціальныхъ обязанностей (§ 60).

Господамъ предоставляется право производить обыскъ въ имуществѣ прислуги при посредствѣ полиціи, въ нетерпящемъ-же отлагательства случаѣ и самимъ. Прислуга должна исполнять свои обязанности добросовѣстно, усердно и внимательно; причиненные нанимателю умышленные убытки, или вслѣдствіе грубой неосторожности, прислуга обязана возмѣстить; вознагражденіе за эти убытки удерживается изъ рядной платы (§ 68). Незначительная же неосторожность не влечетъ за собою возмѣщенія убытковъ. Прусское право выдѣляетъ только одинъ случай, къ которому примѣняетъ положеніе римскаго права, „imperitia culpae adnumeratur“. Именно, небольшое даже упущеніе со стороны слуги ведетъ за собою спеціальную отвѣтственность въ томъ случаѣ, если нарушено прямое приказаніе господина (§ 66).

4. Если прислуга непристойнымъ поведеніемъ вызоветъ гнѣвъ и даже незначительныя оскорбленія дѣйствіемъ (geringe Thätlichkeiten) со стороны господъ, то она не можетъ требовать удовлетворенія судебнымъ порядкомъ (§ 77). Относительно нарушенія прислугою своихъ обязанностей закономъ 24 Апрѣля 1854 года, въ развитіе § 80 устава о прислугѣ 1810 года, постановлено, что за упорное неповиновеніе и противодѣйствіе приказаніямъ господъ, равно какъ и за оставленіе мѣста безъ законной причины, таковые слуги, помимо права господъ удалить ихъ, наказываются штрафомъ до 15 марокъ или тюремнымъ заключеніемъ до 3 дней [1]).

Господинъ не можетъ обременять прислугу работою свыше ея силъ и вредною для ея здоровья.

5. Вредъ, причиненный прислугѣ работою на хозяина долженъ быть возмѣщенъ господиномъ. Если прислуга заболѣетъ при исполненіи служебныхъ обязанностей, то господа обязаны заботиться о леченіи ея и содержаніи, не дѣлая за это вычетовъ изъ жалованья. Судебными рѣшеніями выяснено, что, если прислуга заболѣла по собственной оплошности, или вслѣдствіе неисполненія распоряженій господъ, то послѣдніе не обязаны нести издержки по ея леченію. Господа должны о ней заботиться лишь въ томъ случаѣ, когда у прислуги нѣтъ вблизи такихъ родственниковъ, которые по закону обязаны пещись о ней и въ состояніи принять ее къ себѣ (§ 88). Въ данномъ случаѣ съ полною очевидностью соображенія соціально-политическія заставляютъ законодателя отклониться отъ послѣдовательнаго проведенія чисто-цивильныхъ принциповъ въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ контрагентовъ — хозяевъ и прислуги; констатируется и устанавливается извѣстная личная связь, въ виду общности домашняго очага и признанія требованій нравственнаго долга господъ по отношенію къ подвластнымъ имъ слугамъ. Изъ того-же нравственнаго начала проистекаетъ и требованіе, обращенное къ госпо-

1) Posseldt. Op. cit., S. 54.

дамъ, чтобы они отпускали слугъ для присутствованія при богослуженіи.

Тотъ-же особенный характеръ отношеній прислуги и господъ отмѣчаетъ и Jolly[1]). Эти признаваемыя закономъ моральныя отношенія есть остатокъ прежнихъ правъ патрона. Но Fuld находитъ, что соціальная сторона вопроса почти не развита и законъ мало заботится о прислугѣ. Предоставленіе рѣшать разные вопросы, касающіеся правъ и обязанностей прислуги однимъ лишь договоромъ, съ точки зрѣнія римско-правовой, совершенно не отвѣчаетъ дѣйствительнымъ потребностямъ, права прислуги совершенно не обезпечены, законодатель опирается на старину, почему законы о прислугѣ менѣе чѣмъ иные могутъ претендовать на то, что они стоятъ въ уровень современности[2]).

IX.

Все законодательство о прислугѣ проникнуто старыми полицейскими мѣропріятіями, принимавшими, главнымъ образомъ, во вниманіе интересы господъ. Этотъ упрекъ, какъ мы видѣли, дѣйствительно заслуженъ, такъ какъ современное германское законодательство не достаточно чутко относится къ быстро измѣняющимся отношеніямъ реальной соціально-экономической жизни. Патріархальные порядки, долгое время регулировавшіе взаимныя отношенія господъ и прислуги, постепенно разрушались и утрачивали семейный характеръ, на которомъ и построена вся регламентація прислуги. На самомъ дѣлѣ, новѣйшія постановленія въ угоду времени проводятъ старыя предписанія не съ прежнею уже рѣзкостью. Большу́ю роль стали отводить и взаимному соглашенію, касающемуся срока,

1) Jolly. Gesindepolizei. Handwörterbuch des deutschen Verwaltungsrechts, herausgegeben von Stengel. Freiburg. 1890, B. I, S. 583.

2) Fuld. Das Gesinde und die Socialgesetzgebung in Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik. III. Folge. X. Band. Jena 1895, S. 64—82.

всѣхъ условій найма и его прекращенія. Гуманныя-же соображенія заставляютъ законъ точно указывать границы той свободы, которая можетъ быть предоставлена заинтересованнымъ сторонамъ. Подобное ограниченіе вызывается необходимостью огражденія интересовъ и нанимателей и прислуги. Такъ, напр., слуга можетъ согласиться и на такія условія найма, которыя, ограничивая его право судебной защиты и предоставляя нанимателю возможность подвергать его разнаго рода вычетамъ, а не штрафамъ, поставятъ слугу въ положеніе беззащитное и приведутъ его къ полному раззоренію.

Къ тому-же роду заботъ о правой сторонѣ относятся и тѣ параграфы, которые перечисляютъ особыя обстоятельства, дающія право прекращать договорныя отношенія, до истеченія срока даже безъ предувѣдомленія. Таковыми основаніями для отпуска прислуги до срока законъ признаетъ: неумѣніе исполнять порученную работу, небрежность, упорное непослушаніе, упрямство, оскорбленіе, злословіе, воровство, утаиваніе, неуживчивость съ другими слугами, беременность, пьянство, ругань, прилипчивая болѣзнь, представленіе фальшивыхъ аттестатовъ и т. п. (§§ 117—135).

Съ своей стороны, прислуга можетъ нарушить договоръ и уйти до срока найма, если ее лишаютъ условленнаго содержанія, плохо и грубо обращаются съ нею, требуютъ отъ нея противозаконныхъ дѣйствій, или склоняютъ къ безнравственнымъ поступкамъ, удерживаютъ зажитое ею жалованье; серьезная болѣзнь прислуги есть также законный поводъ къ преждевременному оставленію мѣста (§§ 136—142).

Предположеніе вступить въ бракъ или иначе устроить свое собственное хозяйство, требующее притомъ немедленнаго оставленія мѣста возможно осуществить лишь съ предварительнаго о томъ увѣдомленія (§ 147). По смерти прислуги ея наслѣдники могутъ требовать заслуженнаго жалованья; смертью же хозяина договоръ самъ собою не нарушается. Наслѣдникамъ главы семьи предоставляются только нѣкоторыя льготы для исчисленія законнаго срока прекращенія договора найма (§ 101).

X.

Ради сближенія спроса на трудъ съ его предложеніемъ тѣмъ-же Прусскимъ уставомъ о прислугѣ 1810 года, съ позднѣйшими, впрочемъ, дополненіями и измѣненіями, устанавливается посредническая дѣятельность спеціальныхъ маклеровъ. По § 13 этого устава, никто не можетъ заниматься рекомендаціею прислуги, кто не получилъ на это разрѣшенія отъ мѣстнаго начальства. Но уставомъ о промышленности 21 Іюля 1869 г. и послѣдовавшими узаконеніями о свободѣ промысловъ и, примѣнительно къ нимъ, рѣшеніями высшаго административнаго суда [1]) постановленіе это отмѣнено. Для открытія маклерской конторы достаточно лишь простое заявленіе о томъ мѣстнымъ властямъ по сбору налоговъ и полиціи. Послѣдняя лишь только освѣдомится объ открытіи конторы по найму прислуги, обязана тотчасъ-же произвести дознаніе, не находились-ли содержатели конторъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, по обвиненію въ совершеніи преступленій изъ корыстныхъ расчетовъ, противъ нравственности и чужой собственности.

Затѣмъ полиція рѣшаетъ вопросъ о томъ, не представляется-ли съ полицейской точки зрѣнія опасности отъ такого рода промышленности; въ случаѣ надобности полиція имѣетъ право распорядиться о закрытіи такой конторы. Если послѣднему распоряженію полиціи не повинуются, то дѣло переходитъ въ судъ. Въ Берлинѣ и Шарлоттенбургѣ съ 1885 г. содержатели конторъ обязаны вести двѣ дѣловыя книги по указанному образцу.

Маклеры по найму прислуги обязаны тщательно освѣдомляться относительно лицъ, поступающихъ на мѣсто при ихъ посредничествѣ. Особенно-же они должны разузнать, соблюли-ли нанимающіеся всѣ требованія, предъявляемыя къ нимъ уставомъ (§ 14). Маклерамъ запрещается сманивать прислугу съ за-

---

1) Posseldt. Op. cit., S. 28.

нимаего ею мѣста на другое, подъ угрозой за первый разъ штрафа отъ 15 до 30 марокъ, или соотвѣтственнаго ареста, а за второй — запрета содержать контору (§ 17). Если маклеры завѣдомо рекомендуютъ неспособную и дурную прислугу, какъ дѣльную и надежную, то подлежатъ отвѣтственности за вредъ и убытки, причиненные такою прислугою, конечно субсидіарно, т. е. въ томъ лишь случаѣ, если сама прислуга окажется несостоятельною; независимо отъ этого, за опрометчивую рекомендацію маклеры подвергаются въ первый разъ штрафу отъ 15—30 марокъ, или соотвѣтственному аресту, а въ случаѣ повторенія дурныхъ рекомендацій лишаются права заниматься этимъ дѣломъ [1]).

Въ дополненіе къ изложенному нелишне указать еще на одну важную сторону полицейской регламентаціи служащаго люда. Желая оградить промышленные центры отъ наплыва безработныхъ и тѣмъ содѣйствовать уменьшенію городского пролетаріата, полиціи вмѣнено въ обязанность слѣдить за прислугою, находящеюся безъ должности. Таковая прислуга можетъ получить разрѣшеніе на пребываніе внѣ мѣста своей родины лишь на опредѣленное время, по истеченіи коего она должна испросить себѣ отсрочку, при этомъ прислуга должна лично являться въ извѣстные сроки въ полицію и давать объясненія относительно своего образа жизни и своихъ занятій.

Изъ изложеннаго видно, что полиція въ Пруссіи принимаетъ дѣятельное участіе въ регулированіи отношеній между господами и прислугою. Не беря на себя личнаго посредничества по найму и рекомендаціи прислуги, администрація ставитъ маклерское посредничество подъ строгій надзоръ. Что-же касается прямого участія полиціи въ разрѣшеніи конфликтовъ между прислугою и хозяевами, то таковое выражается въ томъ, что полиція, по жалобамъ обѣихъ сторонъ,

1) Reitzenstein. Der Arbeitsnachweis. Berlin. 1897, S. 14—15.

вызываетъ ихъ къ допросу, составляетъ протоколы и постановляетъ свои собственныя рѣшенія, безъ судебной процедуры, касательно штрафовъ и арестовъ въ предѣлахъ незначительной предоставленной ей юрисдикціи [2]).

XI.

На ряду съ частными конторами, дѣйствуютъ и общеполезныя посредническія бюро, а за ними коммунальныя, обратившія главное вниманіе въ первое время на посредничество мужскихъ рабочихъ. Посредничество для женскихъ рабочихъ, преимущественно для прислуги, разсматривалось долгое время лишь какъ придатокъ къ посредничеству мужскихъ рабочихъ. Сближеніе спроса и предложенія на рынкѣ труда для женщинъ происходило по большей части путемъ непосредственнаго отысканія вакантнаго мѣста; лишь домашняя прислуга весьма часто обращалась къ частнымъ конторамъ. Первыя попытки посреднической дѣятельности общеполезныхъ и коммунальныхъ бюро въ этомъ отношеніи не имѣли значительнаго успѣха. Если вообще посредническая дѣятельность требуетъ большой индивидуализаціи, то это требованіе особенно относится къ области посредничества женской прислуги.

Чтобы достигнуть успѣха, общеполезнымъ и коммунальнымъ бюро пришлось позаимствовать способы и пріемы веденія посреднической дѣятельности у частныхъ посредниковъ; это особенно относится къ посредничеству женской прислуги. Теперь коммунальныя бюро также прибѣгаютъ къ аннонсамъ, чтобы напоминать публикѣ о себѣ, во многихъ бюро назначены особые часы для встрѣчи господъ съ прислугою, устроены въ нѣсколькихъ мѣстахъ и такъ называемыя „Mägdeherbergen“. Важность послѣднихъ становится все очевиднѣе.

Благодаря старанію, которое прилагаютъ теперь къ развитію посредничества для женской прислуги, послѣднее уже во

---

1) Posseldt. Op. cit., S. 15—20; Zürn. Handbuch des preussischen Gesinderechts. Hannover. 1895, S. 143—153.

многихъ городахъ получило значительное развитіе; но слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что пока результаты посредническихъ частныхъ бюро значительно выше результатовъ коммунальныхъ. Многіе господа и прислуга и теперь предпочитаютъ обращаться къ частнымъ бюро, надѣясь платою обезпечить лучшій результатъ своихъ желаній; кромѣ того, интимный характеръ этой службы заставляетъ господъ избѣгать откровеній насчетъ ихъ частной жизни и привычекъ въ полупубличномъ мѣстѣ [1]).

XII.

Вопреки стѣснительному режиму, устанавливаемому въ интересахъ государственныхъ, въ обществѣ все болѣе и болѣе распространяется убѣжденіе, что для современной жизни вопросъ о прислугѣ можетъ быть разрѣшенъ лишь путемъ всесторонняго улучшенія правового положенія прислуги, принимая во вниманіе интересы обѣихъ сторонъ.

Пора бросить римско-цивильную точку зрѣнія, что все обезпечено кажущеюся свободою договаривающихся сторонъ, что въ наймѣ вещи и наймѣ свободнаго человѣка нѣтъ существенной разницы! Вопросъ о прислугѣ долженъ развиваться тѣмъ-же путемъ, какъ рабоче-охранительное законодательство. Fuld [2]) выражаетъ сожалѣніе, что законъ 15 Іюня 1883 г. о страхованіи на случай болѣзни не включаетъ слугъ въ категорію обязательно страхующихся лицъ. Правда, § 4 этого закона предоставляетъ прислугѣ право добровольно страховаться въ общинномъ больнично-страховомъ учрежденіи того округа, гдѣ она служитъ. При такой постановкѣ вопроса, понятное, взносы въ больничную кассу уже дѣлаются прислугою полностью, безъ участія хозяевъ (въ размѣрѣ $^1/_3$ общей суммы), какъ то имѣетъ мѣсто при обязательномъ страхованіи.

---

1) Dr. F. v. Reitzenstein. Der Arbeitsnachweis, seine Entwickelung und Gestaltung im In- und Auslande, herausgegeben von Dr. R. Freund. Berlin. 1897, S. 307—312.

2) Fuld. Op. cit., S. 82.

Точно также по закону 6 Іюля 1884 г. о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ слуги опять таки исключены изъ категоріи лицъ, обязанныхъ участвовать въ этомъ страхованіи, но могутъ быть приняты, если будутъ заняты, хотя-бы временно, въ одномъ изъ подлежащихъ обязательному страхованію промышленныхъ производствъ. Впрочемъ, уступая назрѣвшей потребности, законъ 22 Іюня 1889 г. о страхованіи на случай инвалидности и старости включаетъ въ число обязательныхъ участниковъ и слугъ, исходя изъ того общаго положенія, что законодательство, изданное въ интересахъ всего рабочаго класса, естественно, не можетъ игнорировать и домашней прислуги. На основаніи этого закона всѣ слуги, потерявшіе способность къ работѣ получаютъ опредѣленную инвалидную ренту, или достигшіе 70 лѣтъ — ренту по случаю старости. Необходимымъ предположеніемъ для полученія этихъ рентъ является участіе своими взносами въ страхованіи на случай неспособности въ теченіи 5 лѣтъ, а вслѣдствіе преклоннаго возраста — 30 лѣтъ. Половина этихъ обязательныхъ взносовъ поступаетъ отъ хозяевъ, а другая — отъ прислуги.

Сообразно ежегодному заработку, по величинѣ еженедѣльныхъ взносовъ прислуга разбита на 4 класса. За соблюденіемъ требованій страхового закона должна слѣдить мѣстная полиція, которою выдаются на руки слугамъ т. наз. квитанціонныя карточки, куда и наклеиваются страховыя марки, продаваемыя почтовыми учрежденіями.

Примѣненіе обязательнаго страхованія на случай старости къ домашней прислугѣ, по мнѣнію Köhler'a, вызываетъ недоумѣнія и врядъ-ли принесетъ прислугѣ ожидаемую пользу, какъ то думаетъ Fuld. Статистическія данныя наглядно указываютъ, что почти $^4/_5$ общаго числа домашней прислуги не достигаютъ тридцатилѣтняго возраста. Только небольшое число лицъ всю жизнь посвящаютъ домашнему услуженію.

Всѣ, кто можетъ, устраиваются иначе, смотря на свою службу, какъ на переходную ступень своей дѣятельности;

поэтому выгоды отъ страхованія слугъ на случай старости, по мнѣнію Келера, довольно проблематичны. Поэтому-то въ интересахъ домашней прислуги надо возможно подробно изучить всѣ особенности этой отрасли приложенія труда и съ особою осторожностью эти особенныя отношенія подвергать общему законодательному режиму. Поэтому, утвержденіе Фульда, что вопросъ о прислугѣ долженъ развиваться тѣмъже путемъ какъ рабоче-охранительное законодательство не можетъ быть признано правильнымъ.

Только изучивъ этотъ своеобразный институтъ во всей его исторической перспективѣ и прислушавшись къ безпристастной критикѣ современнаго положенія даннаго вопроса, можно приступить къ созданію новаго законодательства о прислугѣ.

Вопросъ объ упорядоченіи быта домашней прислуги заслуживаетъ особаго вниманія общества и законодателя хотя-бы уже по тому соображенію, что по даннымъ промышленной переписи Германіи 1895 года элементъ домашняго услуженія достигаетъ внушительной цифры 1½ милліоны изъ 22.100.000 общаго числа занятыхъ въ промышленности (7 %) [1]).

По мнѣнію новѣйшаго изслѣдователя быта домашней прислуги, проф. Штиллиха [2]), слѣдуетъ совсѣмъ уничтожить спеціальные уставы о прислугѣ, подчинивъ ее нормамъ общаго промышленнаго устава, оградить слугъ отъ произвола хозяевъ въ вопросѣ заключенія условій найма, уничтожить служительскую книжку и предоставить служащему люду возможно широкое право взаимной организаціи (Coalitionsrecht).

---

1) Conrad, Elster, Lexis, Loening. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. II. Auflage. Jena. 1900. B. III, S. 164.

2) Dr. Oscar Stillich. Die Lage der weiblichen Dienstboten in Berlin. Berlin. 1902, S. 384.

Проф. **Н. Н. Бѣлявскій.**

Наше денежное обращеніе за послѣдніе три года.

Мм. Гг.

Предметомъ нашего сообщенія въ настоящемъ засѣданіи имѣетъ быть наше денежное обращеніе, понимаемое въ смыслѣ обмѣна денежными знаками. При этомъ намъ предстоитъ различать, какъ внутренній — отечественный, такъ и внѣшній денежные обороты. Въ кругъ нашихъ изслѣдованій въ этомъ отношеніи входили не только составъ и объемъ денежнаго обращенія, но также и такія особенности его, какъ большая или меньшая свобода и быстрота, находящіяся въ связи съ широтою и растяжимостью денежнаго рынка, какъ нашего такъ и мірового, за послѣдніе годы. Но такъ какъ означенныя особенности денежнаго рынка, въ свою очередь, находятся въ зависимости отъ положенія промышленности и торговли страны, а также и отъ ея финансовой политики, системы денежнаго обращенія, настроенія фондовой биржи, системы кредита, ясности политическаго горизонта, даже воззрѣній народа на назначеніе денегъ [1]) и т. п., то поэтому не мудрено, что въ послѣдующемъ изложеніи намъ придется въ краткихъ чертахъ касаться, наравнѣ съ количествомъ денежныхъ

1) У нашего простого народа, напр., укоренилась привычка, скапливая деньги на черный день, прятать ихъ дома въ сундуки, подполья и даже зарывать въ землю, причемъ особенно удобными для этого оказывались обыкновенно деньги серебряныя и бумажныя. Очень понятно, что изъятіе этимъ путемъ изъ оборота денегъ можетъ достигать значительной суммы и тогда оно можетъ сильно повліять на свободу денежнаго обращенія.

знаковъ у насъ, также и другихъ особенностей и условій нашей экономической жизни, съуживающихъ или расширяющихъ размѣры нашего денежнаго рынка и его обороты [1]).

Нимало не претендуя на глубокія знанія въ области финансовой политики нашего отечества и мірового денежнаго оборота [2]), мы старались, по возможности, съузить задачу спеціальной части настоящаго доклада представленіемъ лишь краткаго обзора выдающихся фактовъ, касающихся нашего денежнаго обращенія, какъ во время войны съ Японіей, такъ и нѣкоторое время послѣ нея. Изъ этого обзора мы поймемъ, можетъ быть, въ какомъ направленіи и по какимъ общимъ причинамъ измѣняется установленная у насъ почти десять лѣтъ тому назадъ система денежнаго обращенія.

Въ прежнее время, изслѣдованія, подобныя нашимъ, для неспеціалиста и непосвященнаго во всѣ тайны и техническія тонкости финансовыхъ операцій государства, были крайне затруднительны вслѣдствіе недоступности для широкой публики необходимыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Эта публика большею частью питалась, въ отношеніи свѣдѣній о нашемъ финансовомъ хозяйствѣ, лишь случайными слухами да извѣстіями изъ иностранныхъ изданій. Въ настоящее время, благодаря гласности приданной нашей финансовой политикѣ С. Ю. Витте, изслѣдованія въ этой области значительно облегчены [3]).

---

1) Для теоретическаго ознакомленія съ природой денегъ и особенностями ихъ обращенія можно рекомендовать: 1) А. Исаева: „Начала политической экономіи". 1903 г. 2) К. Маркса: „Капиталъ". 1899 г. т. I. стр. 53—98 и 3) А. Миклашевскаго: „Денежный вопросъ въ литературѣ и явленіяхъ дѣйствительной жизни". 1896 г. Въ послѣднемъ сочиненіи интересующіеся денежнымъ обращеніемъ найдутъ въ сжатомъ изложеніи много фактическаго и цифроваго матеріала по исторіи денежнаго обращенія въ Европѣ.

2) Съ политикой мірового денежнаго рынка можно ознакомиться въ сочиненіи проф. Руланда: „Die internationale landwirtschaftliche Konkurrenz, ein kapitalistisches Problem".

3) Лицамъ, желающимъ постоянно слѣдить за положеніемъ нашего денежнаго рынка и развитіемъ нашего финансового хозяйства въ связи съ развитіемъ отечественныхъ промышленности и торговли, можно рекомендовать слѣдующія официальныя изданія:

Остается пожелать только, чтобы въ „Вѣстникѣ Финансовъ“ и „Торгово-Промышленной Газетѣ“ какъ можно чаще, безъ ущерба, разумѣется, дѣлу сохраненія государственной тайны, публиковались тѣ свѣдѣнія о движеніи всѣхъ суммъ Государственнаго Банка, которыя теперь печатаются, кажется, лишь однажды въ годъ въ Отчетѣ Государственнаго Контроля и отчасти во всеподданнѣйшемъ отчетѣ Министра Финансовъ. Эти свѣдѣнія касаются:

1) Счетовъ нашего Государственнаго Казначейства въ Россіи и заграницей, какъ въ золотой, такъ и въ бумажной валютахъ.

2) Количества золотой и размѣнной монеты, находящихся въ народномъ обращеніи.

3) Выпуска краткосрочныхъ свидѣтельствъ Государственнаго Казначейства, учитываемыхъ заграницей, и вообще всего механизма исполненія нашимъ финансовымъ вѣдомствомъ смѣты расходовъ, въ особенности — чрезвычайныхъ расходовъ.

4) Счетовъ Государственнаго Банка и Казначейства въ частныхъ русскихъ и заграничныхъ банкахъ, по скольку они касаются реализаціи внутреннихъ и внѣшнихъ займовъ.

Безъ сколько нибудь точныхъ и систематически сообщаемыхъ во всеобщее свѣдѣніе данныхъ по этимъ четыремъ пунктамъ, пользуясь исключительно краткимъ балансомъ Государственнаго Банка, публикуемымъ еженедѣльно, приходится слишкомъ часто прибѣгать къ гадательнымъ выводамъ о состояніи въ каждый данный моментъ отечественнаго денежнаго рынка.

---

1) Вѣстникъ Финансовъ, Промышленности и Торговли; 2) Торгово-Промышленная Газета; 3) Всеподданнѣйшіе доклады Министра Финансовъ и 4) Отчеты Государственнаго Контроля.

Кромѣ русскихъ офиціальныхъ изданій можно рекомендовать еще изданіе „Economiste français“, гдѣ помѣщаются часто статьи извѣстнаго современнаго спеціалиста по финансовымъ вопросамъ П. Леруа-Болье, автора извѣстнаго сочиненія о Россіи.

I.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній о существѣ нашей задачи и нѣкоторыхъ трудностяхъ, встрѣтившихся при ея выполненіи, перейдемъ къ выясненію важнѣйшихъ особенностей системы денежнаго обращенія, господствующей въ настоящее время въ Зап. Европѣ и въ Америкѣ. Ея краткая характеристика облегчитъ намъ пониманіе нашего собственнаго денежнаго обращенія: его исторіи и вліянія на наше государственное и народное хозяйство.

По причинѣ быстраго паденія цѣнности серебра въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, измѣнявшаго отношеніе ея къ цѣнности золота, большинство цивилизованныхъ странъ міра другъ за другомъ перешло отъ давнишняго счета на серебро къ системѣ золотого монометализма, обѣщавшаго большую устойчивость и правильность въ совершеніи торговыхъ сдѣлокъ. При этомъ серебряная монета была низведена на ступень размѣнной и количество ея въ обращеніи вездѣ было строго ограничено [1]). Самый сильный толчекъ въ этомъ отношеніи для другихъ

1) А. Миклашевскій, l. c., стр. 30, 31, 40, 41, 77, 164, 165 и др. Издавна установившееся отношеніе между цѣнностями серебра и золота въ 1 : 15 не претерпѣвало сколько нибудь существенныхъ измѣненій съ начала 19-го столѣтія и до половины 70-хъ годовъ. Къ 1894 году это отношеніе, вслѣдствіе сильнаго паденія цѣнности серебра, дошло до 1 : 32. Обыкновенно причину паденія цѣнности серебра видятъ въ быстромъ возрастаніи добычи серебра, вслѣдствіе облегченія техническихъ трудностей, сопряженныхъ съ добываніемъ его изъ рудъ. Между тѣмъ производство серебра начинаетъ замѣтно возрастать уже съ половины 60-хъ годовъ, тогда какъ цѣна за такъ называемый штандартный унцъ его (31,1 gr.) стала слегка падать лишь съ начала 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Далѣе, горячіе сторонники биметализма и неразмѣннаго бумажно-денежнаго обращенія склонны полагать, что чрезмѣрное паденіе цѣнности серебра надо приписать всеобщему переходу къ золотому монометализму. Наши же русскіе биметалисты (напр. Шараповъ, см. сб. „Урожай“) даже того мнѣнія, что и с.-х. кризисъ въ Россіи слѣдуетъ приписать введенію въ ней золотой валюты. Слѣдуетъ сознаться, что разбираясь въ означенныхъ экономическихъ явленіяхъ, часто совпадающихъ другъ съ другомъ во времени, не легко установить истинную, причинную связь между ними.

народовъ Европы былъ данъ Германіей, кореннымъ образомъ измѣнившей систему своего монетнаго обращенія по окончаніи своей войны съ Франціей 1870-го года и послѣ полученія пятимиліардной военной контрибуціи. Остальныя государства Европы не замедлили послѣдовать примѣру Германіи, перейдя также къ золотому обращенію [1]). Россія послѣдней изъ европейскихъ странъ оставила счетъ на серебро и неразмѣнныя бумажки. До сихъ поръ серебряная валюта сохраняется лишь въ нѣкоторыхъ внѣевропейскихъ странахъ: Китаѣ, Мексикѣ, странахъ Остиндіи и др. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго и въ томъ, что всѣ европейскія страны, которыя находятся издавна въ самыхъ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, озабочены теперь сохраненіемъ у себя извѣстнаго запаса золота соотвѣтствующаго обычному обороту [2]).

Для этого употребляются слѣдующія мѣры.

1) Воспрещеніе свободной чеканки и свободнаго ввоза въ страны исключительно золотого обращенія даже полноцѣнной серебряной монеты. Это дѣлается изъ опасенія, чтобы менѣе цѣнный металъ не вытѣснилъ изъ обращенія металъ болѣе цѣнный. Только страны такъ называемаго латинскаго монетнаго союза, каковы: Франція, Италія, Греція, Швейцарія, Бельгія и др. взаимно обязываются къ неограниченному пріему своей серебряной монеты [3]).

2) Поддержаніе активнаго торговаго баланса, или въ крайнемъ случаѣ — полнаго равновѣсія въ товарообмѣнѣ съ другими странами въ отношеніи цѣнности его.

3) Заключеніе новыхъ торговыхъ договоровъ на началахъ строгой взаимности уступокъ въ таможенномъ тарифѣ и даже

---

1) А. Миклашевскій, l. c. О системахъ денежнаго обращенія въ Зап. Европѣ и о времени перехода важнѣйшихъ государствъ къ золотой валютѣ см. стр. 30.

2) Въ 1899 году приходилось денежныхъ знаковъ въ обращеніи на человѣка: въ Россіи по 10 руб.; Австріи — 50 фр.; Германіи — 112 ф.; Франціи — 218 ф.; Англіи 136 ф.

3) Подробности о латинскомъ монетномъ союзѣ см. А. Миклашевскій, l. c. стр. 11—17.

при условіи обязательности для договаривающихся странъ предоставлять другъ другу всѣ тѣ льготы, кои предоставлены ими и другимъ странамъ.

Кромѣ означенныхъ мѣръ, направленныхъ къ удержанію въ странѣ золотыхъ запасовъ на извѣстномъ уровнѣ, этой-же цѣли служатъ: внѣшніе долгосрочные и краткосрочные займы, измѣненіе учетнаго процента, имѣющее цѣлью сократить или, напротивъ, усилить отливъ денегъ изъ банковъ, покупка и продажа переводныхъ векселей, покупка и продажа золотой монеты, нормированіе выпуска кредитныхъ билетовъ и т. п.

Для приведенія въ дѣйствіе мѣръ этой послѣдней группы, повсюду существуютъ особыя центральныя кредитныя установленія въ видѣ государственныхъ или національныхъ акціонерныхъ банковъ, причемъ первые бываютъ всецѣло подчинены министерствамъ финансовъ и обязаны предоставлять въ ихъ распоряженіе всѣ свои денежныя средства, тогда какъ вторые не находятся ни въ какой субординаціи къ финансовымъ вѣдомствамъ своей страны и могутъ, если захотятъ, входить съ правительствами въ такія-же договорныя отношенія, какъ и со всѣми прочими кліентами.

На обязанности этихъ государственныхъ и національныхъ банковъ и лежитъ регулированіе денежнаго обращенія, какъ внутри данной страны, такъ и обмѣнъ ея цѣнностями и денежными знаками съ другими странами. При этомъ слѣдуетъ однако замѣтить, что наряду съ перечисленными мѣрами удержанія золота въ извѣстной странѣ, свободному обращенію его между странами не полагается ставить никакихъ искусственныхъ границъ; напр., въ видѣ запрещенія вывоза золота, что практиковалось во время господства меркантилизма въ Европѣ [1]).

Въ основаніи этой идеи свободнаго международнаго денежнаго обращенія, въ особенности въ нашу эпоху повсемѣстнаго господства золотого монометализма, лежитъ глубоко-

---

1) И. Янжулъ: „Англійская свободная торговля“, 1876 г., ч. I, Періодъ меркантильный.

укоренившееся въ современное сознаніе представленіе о назначеніи денегъ въ сношеніяхъ между собою народовъ по части обмѣна. Оно сложилось въ XIX столѣтіи подъ вліяніемъ идеи свободной торговли. Дѣло въ томъ, что деньги, по общераспространенному въ торговомъ мірѣ воззрѣнію, существуютъ отнюдь не для того, чтобы ихъ прятали и сберегали, какъ таковыя. Напротивъ того, деньги представляютъ собою постоянно находящійся въ движеніи, посредствующій мѣновой знакъ, необходимый для всякаго трудящагося и въ особенности — для реализаціи всякаго обмѣна цѣнностей и услугъ. Поэтому удалять искусственно изъ всенароднаго обращенія и пользованія деньги, равно какъ и всякія другія общественно-полезныя блага, напр.: воду, воздухъ, пути сообщенія и т. п. не полагается. Въ т. н. каналахъ денежнаго обращенія для нихъ имѣются особыя мѣста стоянокъ въ видѣ банковыхъ учрежденій, являющихся лишь посредниками при денежномъ обмѣнѣ представителей различныхъ экономическихъ группъ населенія. Въ кассахъ банковъ, однако, деньги не залеживаются, а какъ можно скорѣе и за извѣстную плату онѣ вновь пускаются въ свой безконечный круговой ходъ. Тѣмъ не менѣе, во всякой странѣ имѣются свои особые періоды затишья въ денежномъ обмѣнѣ, когда деньги требуются въ меньшемъ количествѣ изъ банковъ и слѣдовательно дешевѣютъ, требуя меньшаго процента роста за доставляемыя ими промышленности и торговлѣ услуги. Эти періоды затишья смѣняются періодами бо́льшаго оживленія въ требованіяхъ на деньги. Тогда они дорожаютъ и процентъ роста при учетѣ векселей, или просто учетный процентъ, повышается [1]).

1) По К. Марксу и А. Смиту (см. „Капиталъ“, стр. 77 и 78), количество денегъ, при постоянствѣ цѣнъ, прямо пропорціонально массѣ обращающихся товаровъ и обратно пропорціонально скорости обращенія денегъ. Быстрота денежнаго обращенія, по К. Марксу (см. ibidem стр. 75), измѣряется количествомъ оборотовъ совершаемыхъ одноименной монетой въ извѣстное время. Послѣдовательность во времени при реализаціи оборотовъ и ихъ взаимная связанность уменьшаютъ нужду въ деньгахъ. Съ

Отсюда намъ понятно теперь установившееся въ наукѣ со времени А. Смита воззрѣніе на деньги, какъ на особаго рода товаръ, подлежащій закону спроса и предложенія наравнѣ со всѣми другими товарами. Разница между деньгами и покупаемыми на нихъ товарами та, что въ то время какъ послѣдніе болѣе или менѣе скоро превращаются въ производство другихъ товаровъ и цѣнностей, деньги, въ особенности золотыя, сохраняютъ свой первоначальный видъ неопредѣленно долгое время.

Кромѣ изложеннаго, слѣдуетъ помнить, что въ современномъ намъ цивилизованномъ мірѣ нѣтъ и не можетъ быть такого количества денегъ, которое могло-бы одновременно покрыть всѣ его обороты. Мало того, съ тѣхъ поръ какъ въ 23 важнѣйшихъ государствахъ исключительно золотого обращенія серебряная монета въ весьма значительномъ количествѣ выведена изъ обращенія и, въ особенности — международнаго, количество денегъ, какъ полагаютъ, уменьшилось съ конца прошлаго столѣтія по крайней мѣрѣ вдвое [1]).

другой стороны, изолированность, одновременность и параллельность оборотовъ порождаютъ большую нужду въ деньгахъ и тогда масса ихъ будетъ опредѣляться суммой цѣнъ товаровъ, подлежащихъ реализаціи (см. ibidem стр. 74), а не быстротой оборота. Сумма товарныхъ цѣнъ, по К. Марксу, дѣленная на число оборотовъ одноименныхъ монетъ, равна количеству денегъ, служащихъ средствами оборота (см. ibidem стр. 75).

1) Можно полагать, что количество золота на міровомъ денежномъ рынкѣ, принимая во вниманіе даже ежегодный приростъ его, вслѣдствіе добычи (около 300 мил. руб.), не можетъ составлять больше 12 миліардовъ рублей. Эта сумма не покрываетъ и трети долговыхъ обязательствъ 23 государствъ съ золотымъ обращеніемъ. До введенія золотого монометализма на міровомъ денежномъ рынкѣ обращалось также около 12 миліардовъ рублей серебряной монеты. Но послѣ демонетизаціи серебра, его не приходится болѣе имѣть въ виду по крайней мѣрѣ при уплатахъ по внѣшнему счету (см. А. Миклашевскій l. c. стр. 50 и 51). По свѣдѣніямъ Д. И. Менделѣева (см. „Къ познанію Россіи“, 1906 г., 3-е изд., стр. 57, прим.) во всемъ свѣтѣ золота добывается до 24 тысячъ пудовъ, слѣдовательно всего на сумму около 500 миліоновъ рублей. Само собою понятно, что не все добываемое золото идетъ на потребности денежнаго обращенія, а значительная часть его употребляется на подѣлки.

Такимъ образомъ, въ виду крайней ограниченности въ настоящее время, при постоянно растущихъ оборотахъ, мірового денежнаго запаса и въ виду насущной необходимости въ деньгахъ, является вполнѣ понятнымъ и естественнымъ тотъ порядокъ вещей, при которомъ деньги вполнѣ свободно направляются туда, гдѣ на нихъ имѣется больше спроса, вслѣдствіе временнаго оживленія товарообмѣна, гдѣ за нихъ слѣдовательно дороже даютъ. Такимъ образомъ, деньги очень часто переходятъ даже за предѣлы данной страны, однако съ тѣмъ, чтобы при нормальныхъ условіяхъ опять возвратиться въ нее въ прежнемъ размѣрѣ или даже въ большемъ количествѣ [1]).

---

1) При идеально нормальныхъ условіяхъ торговли между странами, нѣтъ никакой надобности въ переселеніи денегъ изъ страны въ страну, т. к. страны постоянно продаютъ другъ другу на такую же сумму, на какую и покупаютъ. Поэтому международная торговля при этихъ условіяхъ можетъ происходить посредствомъ взаимнаго обмѣна торговыхъ векселей и безъ всякой съ чьей либо стороны доплаты или получки чистыми деньгами. Слѣдуетъ отмѣтить впрочемъ, что и на самомъ дѣлѣ текущіе расчеты по международной торговлѣ цивилизованныхъ странъ ведутся на сколько возможно посредствомъ векселей. Это можно представить себѣ для ясности и наглядности слѣдующимъ образомъ. Предположимъ, что купецъ А. въ Берлинѣ продалъ свой товаръ купцу Б. въ С.-Петербургѣ. Купецъ Б., вмѣсто пересылки денегъ въ рубляхъ въ Берлинъ, находитъ въ С.-Петербургѣ нѣкое лицо Х., которое имѣетъ получить деньги за свой товаръ изъ Берлина (предположимъ въ такой-же суммѣ, какую купецъ Б. имѣетъ туда уплатить). Этотъ Х. очень радъ получить слѣдуемыя ему деньги на мѣстѣ и потому онъ принимаетъ ихъ отъ купца Б. и предоставляетъ ему получить ихъ обратно отъ своего берлинскаго должника. Для этого Х. передаетъ купцу Б. его вексель. Купецъ Б. беретъ этотъ вексель и посылаетъ его въ Берлинъ къ купцу А. Въ свою очередь купецъ А. отправляется къ должнику Х. и получаетъ отъ него слѣдуемыя съ Б. деньги. Такимъ образомъ, расчетъ между купцами А. и Б. оконченъ, безъ пересылки ими другъ другу денегъ, равно какъ и расчетъ между Х. въ Петербургѣ и его должникомъ въ Берлинѣ и все дѣло ограничилось лишь пересылкой пріобрѣтенныхъ купцами товаровъ и векселей. Въ дѣйствительности покупкой и продажей торговыхъ векселей въ С.-Петербургѣ, Берлинѣ, равно какъ и во множествѣ другихъ русскихъ и иностранныхъ торговыхъ центровъ, занимаются не случайныя заинтересованныя лица, которыя приведены нами въ примѣрѣ, а особыя кредитныя учрежденія: банки, конторы, банкирскіе дома и т. п., которые берутъ на себя не только покупку и продажу векселей, но часто и все вообще дѣлопроизводство по торговымъ расчетамъ

Въ отдѣльныхъ случаяхъ, однако, возможенъ и продолжительный отливъ денегъ — въ особенности въ золотой монетѣ и слиткахъ — изъ одной страны въ другую. Это случается или вслѣдствіе неустройства торговыхъ сношеній данной страны съ другими странанами, послѣдствіемъ чего бываетъ невыгодный для нея торговый балансъ, или еще чаще, вслѣдствіе безпорядка и разстройства въ ней системы денежнаго обращенія, или

купцовъ разныхъ странъ. Въ означенныхъ учрежденіяхъ и скопляются товарные векселя разныхъ странъ въ иностранной валютѣ (т. н. переводы или тратты), туда и являются заинтересованныя лица для того чтобы обмѣнивать свои обязательства по отношенію къ даннымъ странамъ и городамъ на происходящія оттуда обязательства. Въ крупныхъ торговыхъ центрахъ, каковы Берлинъ и С.-Петербургъ, всегда имѣется масса взаимныхъ обязательствъ и потому обмѣнъ ими совершается въ общемъ безпрепятственно, въ нѣкоторой лишь зависимости отъ перевѣса въ обязательствахъ того или другого города. Такъ берлинскіе товарные векселя въ С.-Петербургѣ предлагаются или имѣются въ тѣмъ большемъ числѣ, чѣмъ больше Берлинъ купилъ въ С.-Петербургѣ и чѣмъ больше слѣдовательно онъ долженъ послѣднему уплатить. Въ случаѣ очень большого предложенія векселей на Берлинъ (какъ это и бываетъ, напр., въ Россіи каждую осень) цѣна ихъ валюты, или иначе говоря, цѣна германскихъ марокъ, бываетъ нѣсколько ниже установленнаго соотношенія между германской и русской золотой монетой (паритета) и тѣмъ ниже, чѣмъ ограниченнѣе спросъ на означенные векселя. Имѣя это въ виду, говорятъ о паденіи вексельнаго курса (или мѣновой цѣнности нѣмецкихъ коммерческихъ векселей) на Берлинъ. Съ другой стороны, векселя изъ С.-Петербурга на Берлинъ будутъ требоваться въ тѣмъ большемъ числѣ, чѣмъ больше платежей слѣдуетъ произвести изъ С.-Петербурга въ Берлинъ, а слѣдовательно, чѣмъ больше первый купилъ у послѣдняго. Вслѣдствіе очень большого требованія на берлинскіе векселя при ограниченномъ ихъ предложеніи, цѣна германскихъ марокъ, или вексельный курсъ на Берлинъ повышается. Такъ какъ въ разное время года то Берлинъ, то С.-Петербургъ покупаютъ другъ у друга на бóльшую сумму, то поэтому вексельный курсъ и колеблется въ этихъ центрахъ то въ ту, то въ другую сторону. Надо отмѣтить, впрочемъ, что вексельный курсъ, или по выраженію Милля, степень силы денегъ одной страны въ покупкѣ денегъ другой страны колеблется не только вслѣдствіе спроса и предложенія векселей, или иныхъ условій международнаго товарообмѣна, но также и отъ размѣра учетнаго процента, колебаній цѣнности валюты и даже отъ причинъ, лежащихъ внѣ торгово-вексельнаго оборота, какъ напр. въ силу большаго или меньшаго довѣрія одной страны къ кредитоспособности другой.

наконецъ, вслѣдствіе общаго оскуденія денежныхъ запасовъ на площади цѣлаго континента и переселенія ихъ въ самыя отдаленныя страны міра, какъ это замѣчалось въ самомъ началѣ текущаго столѣтія [1]). Въ случаяхъ подобнаго рода возникаетъ весьма дѣятельное соперничество между странами въ обладаніи минимумомъ монетнаго запаса, что, въ свою очередь, своевременно учитывается заправилами мірового денежнаго рынка (Hautes finances).

При означенныхъ условіяхъ съ деньгами съ одной стороны, по причинѣ уменьшенія ихъ количества, а съ другой — по причинѣ невѣроятно оживленнаго спроса на нихъ, начинаютъ продѣлываться такія-же спекуляціи и ростовщическія продѣлки, какъ и съ другими товарами. При этомъ учетный процентъ а равно и процентъ по долгосрочнымъ займамъ быстро повышаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ создаются и другія условія для изъятія денежныхъ запасовъ изъ „слабыхъ рукъ“ и окончательной ихъ депекуніаціи [2]). Такое крайнее стѣсненіе

---

1) Въ половинѣ октября прошлаго года сообщалось (Торг. Промышл. Газета 15-го Окт. 1906 г.), что Англійскій Банкъ страдаетъ отъ невиданнаго уже давно отлива золота. Несмотря на повышеніе дисконта до 6 %, металлическій запасъ Англійскаго Банка равняется всего на всего 180 мил. руб., тогда какъ въ прежніе годы въ это время въ означенномъ банкѣ было до 320 мил. рублей золотомъ. Означенный отливъ золота изъ Англійскаго Банка объясняется громаднымъ спросомъ на него въ Сѣв.-Америк. Соед. Штатахъ, предъявляющихъ массу товарныхъ векселей на Лондонъ, Парижъ, Берлинъ и Вѣну. Интересно, что въ это же время золотой запасъ Французскаго Банка равнялся 2821 мил. франковъ. Такая сохранность золотого запаса во Франціи объясняется искуснымъ и своевременнымъ измѣненіемъ ея національнымъ банкомъ учетнаго процента. Равнымъ образомъ, Франція всегда защищаетъ себя отъ вывоза монеты огромной массой иностранныхъ цѣнностей, по которымъ она получаетъ хорошій процентъ.

2) Банкирскій домъ Ротшильдовъ вотъ уже второй десятокъ лѣтъ оказываетъ всевозможныя препятствія къ реализаціи нашихъ внѣшнихъ займовъ, подъ предлогомъ отсутствія у насъ равноправія для евреевъ. Этого рода репрессіей объясняются какъ неудача нашего 3 % золотого займа (на сумму 125 милліоновъ рублей) въ началѣ 90-хъ годовъ XIX столѣтія такъ и тѣ затрудненія, которыя нашъ кредитъ испытывалъ во Франціи въ минувшую войну, причемъ извѣстно, что насъ въ это время не мало поддерживалъ Мендельсонъ въ

денежнаго обращенія внутри данной страны приводитъ естественно въ полный безпорядокъ стройное соотношеніе между отраслями промышленности ея и между промышленностью и торговлей. Этому несчастію неоднократно пытались помогать усиленными выпусками бумажныхъ денегъ. Однако замѣчено, что бумажныя деньги, будучи выпущены въ излишнемъ количествѣ, въ особенности на государственные расходы, быстро вытѣсняютъ звонкую монету изъ обращенія, оставляя въ силѣ прежнее стѣсненіе въ денежномъ обмѣнѣ [1]). Это обстоятельство въ свою очередь побуждаетъ подлежащее финансовое вѣдомство къ еще болѣе усиленному выпуску бумажныхъ денегъ и дѣло обыкновенно доходитъ до того, что сначала эти бумажныя деньги, за истощеніемъ размѣннаго фонда, сами становятся неразмѣнными, а затѣмъ начинается колебаніе ихъ курса и даже постепенное полное обезцѣненіе ихъ, а слѣдовательно и окончательная гибель огромнаго народнаго достоянія, которое приходится вновь пріобрѣтать дорогой цѣною [2]).

Берлинѣ. Въ виду сказаннаго замѣчательно то, что сами Франція и Германія не испытываютъ ни малѣйшихъ денежныхъ затрудненій, несмотря на весьма замѣтныя проявленія у нихъ антисемитства. Столь различное отношеніе финансовыхъ сферъ Европы къ Россіи и другимъ государствамъ можно объяснить только шаткостью и непрочностью финансоваго хозяйства Россіи.

1) Вотъ что на этотъ счетъ говорится у К. Маркса: „Такъ какъ количество денегъ, могущихъ функціонировать, какъ средства обращенія, при данной средней скорости оборотовъ, является величиной данной, то стоитъ только пустить въ обращеніе извѣстное количество однофунтовыхъ банковыхъ билетовъ, чтобы выбросить изъ него такое же количество золотыхъ монетъ — фокусъ хорошо знакомый всѣмъ банкамъ“ (см. „Капиталъ“, стр. 76).

2) Самый яркій случай обезцѣненія бумажныхъ денегъ представляетъ Франція въ первые годы Великой Французской Революціи (1789—1796). Въ самое короткое время революціонныя правительства (Учредительное Собраніе, Законодательное Собраніе, Конвентъ и Директорія) выпустили бумажныхъ денегъ на $47^1/_2$ милліардовъ ливровъ. Такъ какъ все это огромное количество ассигнацій было выпущено на покрытіе государственныхъ расходовъ безъ соображенія съ размѣрами производительности страны, то вскорѣ (а именно въ Февралѣ 1796 г.) они упали до 0,29 % первоначальной стоимости (см. С. И. Иловайскій: „Учебникъ Финансоваго Права“, 1899 г.,

Въ виду всего сказаннаго нами о природѣ денегъ, лицамъ и учрежденіямъ, на обязанности которыхъ лежитъ наблюденіе за правильностью денежнаго обмѣна въ ихъ отечествѣ, съ одной стороны, не слѣдуетъ препятствовать ни приливу, ни отливу звонкой монеты изъ одной страны въ другую, а съ другой, имъ слѣдуетъ зорко наблюдать за тѣмъ, чтобы международный денежный обмѣнъ не клонился бы безповоротно въ сторону эмиграціи звонкой монеты, обезденеженія ихъ родины и разстройства отечественной промышленности и торговли [1]).

стр. 358 и 359). Не менѣе разительный примѣръ обезцѣненія банковыхъ билетовъ и бумажныхъ денегъ представляетъ и Сѣверная Америка во время войны за независимость.

1) По теоріи Герцки, считающагося авторитетомъ по финансовымъ вопросамъ (см. его: „Вексельный курсъ и лажъ“, переводъ съ нѣмецкаго Гурьева, 1895 г.), странамъ не слѣдуетъ опасаться лишенія, вслѣдствіе отрицательнаго торговаго баланса, всего принадлежащаго имъ денежнаго запаса, такъ какъ приливъ и отливъ денегъ регулируется, по его мнѣнію, автоматически, а именно, измѣняющимися товарными цѣнами въ странахъ, вступившихъ другъ съ другомъ въ торговый обмѣнъ. Герцка исходитъ при этомъ изъ слѣдующихъ положеній, по его мнѣнію безспорныхъ: во-первыхъ, изъ странъ вывозятся лишь такіе товары, цѣны на которые въ нихъ ниже, чѣмъ въ другихъ и во-вторыхъ, цѣны на товары въ каждой данной странѣ, завися отъ количества обращающихся въ ней денежныхъ знаковъ, измѣняются, по причинѣ колебанія относительно другъ друга, количества денегъ и товаровъ. Имѣя это въ виду, Герцка и утверждаетъ, что если окажется, что изъ страны обильнаго ввоза извѣстнаго товара деньги будутъ систематически удаляться въ какую нибудь другую страну, занимающуюся экспортомъ, то цѣны на все несомнѣнно поднимутся въ этой послѣдней и, спустя нѣкоторое время, ей не только не будетъ болѣе возможности продолжать свой усиленный вывозъ въ первую, а слѣдовательно и выкачивать изъ нея деньги, но товары даже начнутъ ввозиться въ нее, а слѣдовательно, деньги, полученныя ранѣе, начнутъ изъ нея уплывать. Съ другой стороны, если товаровъ въ прежней странѣ экспорта накопится, вслѣдствіе прекращеннаго изъ нея вывоза столько, что въ ней существенно измѣнится обычное соотношеніе между товарами и деньгами, то первые начнутъ вновь дешевѣть, а слѣдовательно, вновь явятся благопріятныя условія для экспорта товаровъ и прилива денегъ. Прежде всего мы должны сказать, что означенная теорія заимствована Герцкой у Вандерлинта (Jacob Vanderlint: „Money auswers all Things“, Lond. 1734, p. 5). Затѣмъ, по существу ея конечнаго вывода, надо замѣтить, что на практикѣ онъ далеко не оправдывается, ибо теперь извѣстно уже очень много при-

Для предотвращенія этого рода бѣдствій, которыя могутъ повести, какъ мы видѣли, даже къ потерямъ частными лицами огромныхъ состояній и даже къ государственному банкротству, часто достаточно бываетъ умѣлаго обращенія съ учетнымъ процентомъ. Примѣръ Французскаго Національнаго Банка, обладающаго постоянно огромнымъ металическимъ запасомъ, служитъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, самымъ блестящимъ тому доказательствомъ. Роль всемірнаго регулятора монетнаго обращенія играетъ обыкновенно Англія съ ея извѣстнымъ всему свѣту національнымъ банкомъ. Она, какъ извѣстно, очень искусно направляетъ поручаемыя ей несмѣтныя богатства для наиболѣе производительнаго, съ капиталистической точки зрѣнія, помѣщенія ихъ, не останавливаясь при этомъ, ради принциповъ свободной торговли и свободы денежнаго обращенія, ни передъ какими препятствіями. Въ случаѣ нужды Англія устраняетъ ихъ искусно вызванными ею кровавыми столкновеніями народовъ [1]).

мѣровъ (изъ исторіи Россіи и другихъ государствъ). лишенія цѣлыхъ странъ всего ихъ денежнаго запаса. Чѣмъ же въ противномъ случаѣ объяснить переходъ многихъ странъ Европы къ неразмѣнной бумажной валютѣ?

1) Наилучшимъ по своей свѣжести примѣромъ этого рода столкновеній надо считать Русско-Японскую войну. Россія въ послѣднее время возбуждала въ Англіи сильныя опасенія вслѣдствіе прилива въ нее значительныхъ иностранныхъ капиталовъ и скопленія огромныхъ золотыхъ запасовъ въ Государственномъ Банкѣ. При постоянномъ стремленіи Россіи къ покровительственному таможенному тарифу, къ активному торговому балансу и сохраненію безъ всякаго движенія массы золота, это грозило чрезвычайными затрудненіями для міровой торговли и слѣдовательно, для Англіи, наиболѣе заинтересованной въ ней, не оставалось иного средства освободить завязшія въ Россіи богатства, какъ втянувъ ее съ кѣмъ нибудь въ войну, что ей и удалось выполнить самымъ блестящимъ образомъ.

Наибольшія однако опасенія за свободу торговли и свободу денежнаго обмѣна возбуждаютъ, не у одной даже Англіи, Сѣверно-Американскіе Соединенные Штаты съ ихъ постояннымъ покровительствомъ отечественной промышленности, растущими внѣшними оборотами и коллосальными суммами золота, постоянно выкачиваемыми ими изъ Европы. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что міръ ждетъ вскорѣ новаго кроваваго столкновенія на рубежѣ между западомъ и востокомъ, а именно, между Сѣв. Америкой и Японіей.

Итакъ, изъ современнаго представленія о свойствѣ денегъ вытекаетъ такое слѣдствіе, что въ обладаніи ими слѣдуетъ вообще соблюдать особенную мѣру и даже, такъ сказать, особую очередь, ибо нарушеніе этихъ правилъ ведетъ за собою для народовъ нарушеніе добрососѣдскихъ отношеній, и главное создаетъ имъ лишнія затрудненія въ пользованіи кредитомъ изъ широкаго источника мірового денежнаго рынка. Съ другой стороны, при ясномъ пониманіи подлежащими сферами свободы денежнаго обращенія, какъ свободы регулируемой „крѣпкой рукой“ сознательно и на пользу своего отечества, денежное обращеніе въ немъ никогда не испытываетъ долговременнаго стѣсненія: денегъ у него имѣется столько, сколько въ данное время требуется для цѣлей промышленности и торговли, а кредитъ бываетъ безпрепятственъ и сравнительно не дорогъ. Наиболѣе допустимыми средствами сохраненія въ данной странѣ необходимаго ей металическаго запаса слѣдуетъ считать: цѣлесообразное измѣненіе рамокъ торговаго кредита посредствомъ колебанія учетнаго процента, а также старанія, направленныя къ упорядоченію внѣшняго товарообмѣна, посредствомъ уравненія въ немъ ввоза и вывоза. При этомъ слѣдуетъ твердо помнить, что въ настоящее время, при свободномъ размѣнѣ кредитныхъ билетовъ на золото, искусственное удержаніе этого послѣдняго, при условіи отрицательнаго торговаго баланса, есть вещь невозможная. Такой опытъ былъ уже сдѣланъ у насъ въ Россіи, а именно въ 1861—1862 гг., когда русское правительство, попытавшись открыть размѣнъ бумажныхъ денегъ на звонкую монету, не позаботилось объ установленіи активнаго торговаго баланса. Въ результатѣ — массовый отливъ золота изъ Россіи, быстрое прекращеніе размѣна бумажныхъ денегъ и въ концѣ концовъ, неисчислимые убытки нашего заграничнаго отпуска, вслѣдствіе искусственнаго подъема вексельнаго курса.

Въ заключеніе нашей характеристики современнаго мірового денежнаго обращенія, скажемъ нѣсколько словъ о вліяніи его на хозяйство народовъ, на оцѣнку товаровъ, труда и другихъ цѣнностей и услугъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что введеніе у цивилизованныхъ народовъ золотого монометализма, въ теченіе довольно короткаго времени, до невѣроятныхъ размѣровъ стѣснило денежные рынки всѣхъ странъ, уменьшивъ повсюду, какъ объемъ, такъ и быстроту денежнаго обращенія, по крайней мѣрѣ вдвое противъ прежняго. Это явствуетъ уже изъ того, что сказано нами на стр. 118. Уменьшеніе количества денежныхъ знаковъ отразилось прежде всего на расцѣнкѣ товаровъ, поступающихъ въ наибольшемъ количествѣ на міровой рынокъ, а именно въ зерновыхъ хлѣбахъ и другихъ продуктахъ сельскаго хозяйства. Цѣны на нихъ уже по одной этой причинѣ должны были пасть на значительную величину, не говоря уже о международной сельско-хозяйственной конкурренціи, которой обыкновенно приписываютъ самую выдающуюся роль въ наступленіи сельско-хозяйственнаго кризиса [1]). Далѣе, желаніе народовъ и ихъ правящихъ сферъ

---

1) Для примѣра укажемъ хлѣбныя цѣны и цѣны на шерсть, стоявшія въ Германіи въ пятилѣтіе 1871—1875 гг. и въ 1900 г. (За дв. центнеръ марокъ.)

	71–75 гг.	1900 г.
Пшеница . . .	24,46	13,6
Рожь	16,27	10,38
Ячмень	16,44	9,29
Овесъ	15,79	11,09
Рапсъ	32,54	21,97
Льняное сѣмя . .	83,6	59,89
Шерсть	346,6	147,81

(Рейснеръ-Реусъ: „Нѣмецкій крестьянинъ и его союзы“. Русское Богатство, 1906 г., Сентябрь.)

Приведемъ еще данныя о движеніи цѣнъ на пшеницу во Франціи:

Періоды.	Цѣна гектолтира. фр. сент.	Сред. урожай на 1 гектаръ въ гектол.	Средній вал. доходъ съ гектара. франк.
1871—1880	23, 09	14,60	373
1891—1895	16, 92	15,51	262

(В. Левитскій: „Сельско-хозяйственный кризисъ во Франціи“, 1899 г., стр. 76.)

Паденіе цѣнъ на хлѣбъ у насъ въ Россіи, въ особенности послѣ фиксированія курса бумажныхъ денегъ (1892 г.), вещь общеизвѣстная. Если въ настоящее время и замѣчается повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ, а также и цѣнъ на сырье, въ особенности животнаго происхожденія, то это явленіе временное, объяснямое продолжительной войной и двумя неурожайными годами, истощившими запасы.

получать прежній, а если можно и большій доходъ, побуждалъ ихъ, при вновь сложившихся условіяхъ мірового денежнаго рынка, усиливать производительность своего сельскаго хозяйства до истощенія всѣхъ его природныхъ силъ, а главное, до полнаго истощенія физическихъ силъ своего рабочаго населенія [1]). Такое крайнее напряженіе трудовой дѣятельности послѣдняго, кстати сказать, не можетъ не вызывать горячаго протеста какъ со стороны отдѣльныхъ тружениковъ, такъ и ихъ союзовъ, а главное, не можетъ не грозить міру большими соціальными потрясеніями, такъ какъ эти труженики въ сущности одни несутъ на себѣ всю тяжесть переоцѣнки матеріальныхъ цѣнностей въ направленіи ихъ пониженія. Въ особенности тяжело матеріальное положеніе тружениковъ въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ, какъ напр. въ Германіи, при сравнительно низкой средней заработной платѣ, снабженіе рынка дешевыми съѣстными припасами стѣсняется чисто искусственно запретительными законами и большими ввозными пошлинами.

Наряду съ уменьшеніемъ количества денегъ, стѣсненнымъ оказался до невѣроятныхъ размѣровъ и кредитъ въ различныхъ его видахъ, устраняющій при нормальныхъ условіяхъ надобность въ большомъ количествѣ звонкой монеты для реализаціи товарныхъ цѣнъ и рабочей платы. И при этомъ опять таки наибольшій ущербъ былъ нанесенъ простому рабочему человѣку, вообще не отличающемуся обширною кредитоспособностью.

---

1) Обратный этому порядокъ вещей теоретически предусматривается уже у К. Маркса („Капиталъ“, стр. 74), причемъ онъ исходитъ изъ того предположенія, что цѣнность самого мѣрила цѣнности (т. е. денегъ) понижается. По этой причинѣ цѣны на всѣ предметы должны постепенно повышаться, а соотвѣтственно этому должно увеличиваться въ странѣ и количество драгоцѣннаго метала, на который эти предметы вымѣниваются. Отсюда, конечно, не трудно вывести заключеніе и о томъ, что когда цѣнность денегъ возрастаетъ, какъ напр., при золотой валютѣ, то послѣдствіемъ этого бываетъ: пониженіе цѣнъ на товары и отливъ драгоцѣннаго метала изъ страны, если нѣтъ возможности быстро увеличить ея производительность въ требуемой повышеніемъ цѣнности валюты степени.

Значительныя выгоды отъ съуженія денежнаго рынка и дороговизны звонкой монеты получили лишь финансовыя сферы, торгующія золотомъ и векселями. Съ введеніемъ повсюду золотой валюты онѣ оградили отъ всякихъ колебаній свои поступленія отъ кліентовъ и взвинтили до ростовщическихъ размѣровъ дисконтъ векселей, въ особенности въ Европѣ. О доходахъ банкировъ можно судить уже потому, что однихъ процентовъ вносимыхъ имъ странами съ золотой валютой по своимъ золотымъ займамъ набирается ежегодно, по крайней мѣрѣ, 1500 миліоновъ рублей золотомъ — сумма далеко превосходящая ежегодный приростъ міроваго золотого фонда [1]). Это вычисленіе показываетъ въ свою очередь, что съ теченіемъ времени, дань народовъ, приносимая „Золотому Тельцу“, если не послѣдуетъ измѣненія въ господствующемъ монетномъ обращеніи въ сторону биметализма, будетъ все увеличиваться и увеличиваться, а жизнь будетъ становиться все тяжелѣе и тяжелѣе. Этотъ вѣчный долгъ наиболѣе цивилизованныхъ народовъ приведетъ ихъ сначала къ потерѣ многихъ сбереженій, помѣщенныхъ ими въ разныхъ такъ называемыхъ фондахъ, а затѣмъ онъ принудитъ ихъ и къ рабскому труду, въ пользу міровой финансовой аристократіи [2]), которая одной рукой разсыпаетъ обезцѣненныя ею процентныя бумаги, а другой — собираетъ золото въ кладовыя банковъ,

---

1) Нечволодовъ: „Отъ раззоренія къ достатку“, 1906 г.

2) Въ послѣднее время намъ приходилось читать о слѣдующей эволюціи труда во Франціи, весьма гибельной для рабочаго населенія. Многія фабричныя заведенія и мастерскія, находившіяся прежде подъ наблюденіемъ фабричной инспекціи, регулирующей, какъ извѣстно, число рабочихъ часовъ вообще и въ особенности женщинъ и дѣтей, теперь оффиціально закрываются, но рабочіе получаютъ работу на домъ, гдѣ работа ихъ совершается уже безъ всякаго наблюденія со стороны законодательства о рабочихъ: и мущины и женщины и дѣти работаютъ при страшно тяжелой обстановкѣ домашней нищеты и грязи, чуть ли не въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. При всемъ томъ, рабочіе рѣдко зарабатываютъ по одному франку на человѣка въ день и еще рѣже — 2—3 франка.

чтобы отдавать его въ бо́льшій ростъ въ разныя экзотическія страны [1]).

Изъ сказаннаго, какъ кажется, будетъ понятно то неудержимое стремленіе, которое замѣчается у націй, стоящихъ во главѣ промышленности и управленія міровыми финансовыми операціями, къ отысканію все новыхъ и новыхъ золотыхъ пріисковъ въ разныхъ частяхъ свѣта, которыми онѣ стараются овладѣть во что бы то ни стало. Достаточно напомнить здѣсь о Бурской войнѣ изъ за трансваальскаго золота (1899—1902) или о поспѣшныхъ покупкахъ въ послѣднее время иностранцами сибирскихъ золотыхъ пріисковъ.

Кромѣ міровыхъ финансовыхъ сферъ, отъ перехода къ золотому монометализму, выиграла и фабрично-заводская промышленность, получающая теперь гораздо дешевле прежняго необходимые ей сырые матеріалы и въ бо́льшихъ размѣрахъ пользующаяся кредитомъ, чѣмъ сельскіе хозяева, ремесленники и рабочіе фабрикъ и заводовъ. Дѣятелямъ фабрично-заводской промышленности не нанесли пока никакого ущерба даже и недавнія у насъ стачки и поголовныя забастовки рабочихъ на ихъ фабрикахъ и заводахъ. . .

---

1) По сообщенію П. Леруа-Болье въ Economiste Français за Сентябрь 1906 г. (Торг.-Пром. Газ. 1906 г. № 213) главныя процентныя бумаги всѣхъ первоклассныхъ государствъ старой культуры понизились съ 1898 года въ довольно сильной степени: французскія на $5^1/_2$ %, русскія на 31 %, англійскія на 23 %, германскія на $10^1/_2$ %, венгерскія на 8 %. Напротивъ, всѣ фонды Америки, а равно и второ и третьестепенныхъ державъ Европы значительно повысились за то-же время; напр., аргентинскіе на 14 %, бразильскіе на 80 %, испанскіе на 100 %, сербскіе на 40 %, — даже турецкіе на 7 %. П. Леруа-Болье указываетъ нѣсколько причинъ, вызвавшихъ пониженіе цѣнности важнѣйшихъ процентныхъ бумагъ въ Европѣ: продолжительныя войны (у Англіи и Россіи), заключеніе новыхъ займовъ (Германіей и др.), недовольство за нападки на капиталистовъ (во Франціи) и т. п. Тѣмъ не менѣе это все суть только болѣе или менѣе удобные поводы для общей мобилизаціи старыхъ цѣнностей съ цѣлью переоцѣнки ихъ на новую валюту. П. Леруа-Болье надѣется однако, что вскорѣ европейскіе фонды, и въ частности русскіе, опять поднимутся.

II.

Перейдемъ теперь къ денежному обращенію въ Россіи, причемъ сначала мы остановимся на общей характеристикѣ его и нѣкоторыхъ чертахъ развитія [1]).

Въ царствованіе Императора Александра II-го, какъ государственные финансы Россіи, такъ и денежное обращеніе ея пришли въ значительное разстройство. Бюджетные дефициты стали у насъ явленіемъ обычнымъ. Какъ внѣшній, такъ и внутренній долги Россіи возрастали съ значительной быстротою. Судьбы неразмѣннаго бумажно-денежнаго обращенія, въ особенности послѣ Турецкой войны, стали находиться въ рабской зависимости отъ берлинской биржи. Послѣдствіемъ этой зависимости были: сильныя періодическія и внезапныя колебанія курса бумажныхъ денегъ и безпрестанные выпуски новыхъ партій кредитныхъ билетовъ, сопровождаемые паденіемъ курса этихъ послѣднихъ [2]).

---

1) Наибольшаго вниманія нашего въ этомъ отношеніи заслуживаютъ безспорно статьи П. Шванебаха въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1899 г., кн. I—III: „Денежное преобразованіе и народное хозяйство“.

2) Впервые на весьма значительную сумму наши кредитные билеты заграницей появились во время Русско-Турецкой войны. Не обладая достаточнымъ золотымъ фондомъ, русское правительство расчитывалось съ поставщиками въ Румыніи и Болгаріи бумажными деньгами. Послѣ войны эти бумажныя деньги собрались большею частью на германскомъ денежномъ рынкѣ и, присоединившись къ тѣмъ, которыя поступали изъ Россіи за покупаемое заграницей золото для расчетовъ нашихъ импортеровъ съ казною по золотой таможенной пошлинѣ, образовали весьма солидный — въ много десятковъ милліоновъ рублей — фондъ для спекуляцій и даже затяжной игры на повышеніе и пониженіе русскаго бумажнаго рубля. Эти операціи съ русскими бумажными деньгами продолжались съ конца 70-хъ до начала 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, можно сказать, безпрепятственно со стороны русскаго правительства и при самомъ благосклонномъ отношеніи къ нимъ со стороны нашего передового сельскаго хозяйства. Установился такой порядокъ въ игрѣ съ русскимъ рублемъ. Онъ аккуратно понижался въ цѣнѣ въ ту именно часть года, на которую падали массовыя закупки русскаго хлѣба нѣмецкими купцами и повышался въ остальную часть года. Не смотря на то, что пониженіе курса русскаго бумажнаго рубля означало безосновательное умаленіе русскаго народнаго кредита, оно,

Нельзя сказать, чтобы у правительства не было желанія упорядочить наше денежное обращеніе. Такъ въ 1861 году былъ открытъ даже безпрепятственный размѣнъ бумажекъ на золото. Но такъ какъ въ то время торговый балансъ Россіи былъ невыгоденъ для нея, вызывая необходимость въ пересылкѣ золота заграницу, то поэтому въ слѣдующемъ же году начатый было размѣнъ бумажекъ пришлось прекратить изъ боязни окончательно лишиться всего размѣннаго фонда [1]).

При Императорѣ Александрѣ III приступлено было къ коренному преобразованію самыхъ основъ нашей заграничной торговли на началахъ покровительственной системы, что и привело въ настоящее царствованіе къ окончательному упорядоченію нашего денежнаго обращенія, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго. Какъ смотрѣло при этомъ правительство на цѣль предстоявшаго ему преобразованія денежнаго обращенія, это можно видѣть изъ всеподданнѣйшаго доклада Министра Финан-

---

тѣмъ не менѣе, привѣтствовалось нашими частными землевладѣльцами, такъ какъ обѣщало имъ обильный спросъ изъ заграницы на ихъ хлѣбъ и тѣмъ болѣе обильный, чѣмъ болѣе обезцѣненной оказывалась отечественная валюта. Первоначально, по мѣрѣ пониженія курса кредитнаго рубля, замѣчалось даже увеличеніе цѣнности пуда экспортируемаго хлѣба. Однако современемъ, когда наступили неблагопріятныя обстоятельства на міровомъ хлѣбномъ рынкѣ, цѣна на него, не смотря на новое пониженіе курса рубля, пала безповоротно. Наглядное доказательство этому мы можемъ видѣть изъ слѣдующей за симъ таблицы, заимствуемой нами изъ офиціальнаго изданія: „Сельское и Лѣсное Хозяйство Россіи“, 1893 г., стр. 157.

Въ среднемъ за годъ по пятилѣтіямъ.	Вывозъ хлѣба милл. п.	Цѣнность въ милл. рубл. Кред. мет.		Движеніе размѣра вывоза.	Движеніе цѣнностей. Кредитн. мет.		Цѣна 1 п. хлѣбовъ. Кр. к. мет. к.		Курсъ кр. коп. за золот. руб.
1871—75 гг.	193,2	175.8	148.0	100%	100%	100%	88	74	119
1876—80	279.8	285.1	191.0	145	162	129	102	68	149
1881—85	294.0	300.6	190.2	152	171	128	102	65	158
1886—90	412.1	334.5	209.8	214	190	142	81	51	160

1) А. Красильникова: „Объясненіе причинъ успѣха Америки и неуспѣха Россіи въ возстановленіи металическаго обращенія“. 1882 г.

совъ о государственной росписи на 1896 годъ, гдѣ, между прочимъ, говорится слѣдующее: „непосредственно отъ преобразованія (денежной системы) никто не долженъ обогатиться, никто не долженъ обѣднѣть; оно должно лишь подъ всякую оцѣнку, подъ всякое имущество, подъ всякій доходъ и заработокъ подвести уже пріуготовленный, прочный, устойчивый фундаментъ, на которомъ все стояло-бы твердо, не боясь потрясеній, не опасаясь неожиданностей".

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, на сколько удался этотъ „фундаментъ", укажемъ вкратцѣ на рядъ мѣръ, принятыхъ правительствами двухъ послѣднихъ царствованій для приведенія въ исполненіе указанныхъ сейчасъ намѣреній. Въ центрѣ этихъ мѣропріятій стояли: накопленіе къ 1899 году очень солиднаго золотого фонда и улучшеніе нашего торговаго баланса, въ смыслѣ возможнаго повышенія той положительной разности, которая ежегодно причиталась Россіи по заключеніи ея внѣшняго товарообмѣна.

Накопленіе Государственнымъ Банкомъ золотого запаса произошло до 1891 года главнымъ образомъ посредствомъ покупки товарныхъ векселей, по которымъ наше правительство уплачивало бумажками, получая заграницей черезъ своихъ банкировъ золотомъ. Такимъ образомъ удалось накопить золота на сумму 300 мил. руб., пользуясь для этой цѣли свободной наличностью Государственнаго Казначейства [1]).

Послѣ 1891 года, когда активная разница въ нашу пользу въ торговомъ балансѣ сильно сократилась, для собиранія золотого запаса пришлось прибѣгать къ разнаго рода займамъ (напр.: конверсіоннымъ, желѣзнодорожнымъ), продажѣ заграницу фондовъ внутренняго займа, привлеченію въ Россію частныхъ капиталовъ, увеличенію таможенныхъ сборовъ и т. п. Кромѣ сего, значительные запасы золота достались Государ-

---

1) Подъ свободной наличностью Государственнаго Казначейства разумѣется излишекъ поступленій въ государственную казну, противъ утвержденной смѣты и произведенныхъ расходовъ.

ственному Банку: изъ прежняго размѣннаго фонда (ок. 300 мил. руб.), изъ сибирскихъ рудниковъ (до 300 мил. руб.), таможенными сборами и пр.

Упорядоченіе, соотвѣтственно интересамъ Россіи, торговаго баланса было достигнуто весьма значительнымъ усиленіемъ вывоза заграницу нашихъ произведеній, а также и мѣрами сокращенія ввоза къ намъ товаровъ изъ заграницы. Для усиленія нашего вывоза были предприняты главнымъ образомъ слѣдующія мѣры: сильное развитіе нашей желѣзнодорожной сѣти и измѣненіе желѣзнодорожнаго тарифа въ направленіи исключительно поощренія вывоза нашихъ произведеній съ дальнихъ окраинъ отечества, введеніемъ въ 1893 г. т. н. дифференціальнаго тарифа.

Чтобы сократить ввозъ къ намъ изъ заграницы фабрично-заводскихъ издѣлій, правительствомъ были принесены (за счетъ Россіи, конечно) огромныя матеріальныя жертвы на развитіе нашей собственной фабрично-заводской промышленности, причемъ особымъ покровительствомъ и поощреніемъ пользовалась наша желѣзнодѣлательная промышленность, направленная на удовлетвореніе нуждъ расширявшагося тогда у насъ желѣзнодорожнаго строительства.

Нѣкоторое время означенная финансовая и экономическая политика Россіи, руководимая Вышнеградскимъ и Витте, дѣйствительно отвѣчала намѣченнымъ ея правительствомъ цѣлямъ. Такъ, металическій запасъ Государственнаго Банка непрерывно возрасталъ; торговый балансъ Россіи сдѣлался на долгое время активнымъ; отечественная фабрично-заводская промышленность быстро росла и совершенствовалась, какъ воочію показала это Нижегородская выставка; желѣзнодорожное хозяйство приносило нѣкоторый чистый доходъ государству; иностранные капиталы непрерывно къ намъ приливали, облегчая основаніе все новыхъ и новыхъ промышленныхъ предпріятій. Это было время — въ особенности съ половины 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія до самаго конца его, — когда банки Европы ломились подъ тяжестью наполнявшаго ихъ золота и оно не находило нигдѣ болѣе выгоднаго помѣщенія,

чѣмъ въ Россіи. Такъ, за громадныя переходныя суммы въ заграничныхъ банкахъ не взималось никакого процента, дисконтъ же векселей въ Лондонѣ стоилъ всего 1 % [1]). Даже у насъ этотъ дисконтъ былъ невысокъ и наше финансовое вѣдомство очень охотно снабжало кредитомъ солидныя фабрично-заводскія предпріятія и было уже готово открыть возможно болѣе широкій краткосрочный кредитъ нашему сельскому хозяйству, крупному и особенно мелкому — крестьянскому.

Въ виду этого, чтобы еще болѣе упрочить и даже развить принятую имъ политику расширенія нашей промышленности на иностранные капиталы, правительство рѣшилось преобразовать на новыхъ началахъ Государственный Банкъ, сдѣлавъ его (съ 1894 года) главнымъ образомъ учрежденіемъ для снабженія дешовымъ кредитомъ нашей промышленности. Хотя при этомъ учетно-вексельная операція Государственнаго Банка и подверглась чувствительному сокращенію, а денежное обращеніе — нѣкоторому стѣсненію, однако наше финансовое вѣдомство надѣялось современемъ сгладить эту неравномѣрность въ снабженіи кредитомъ столь одинаково важныхъ отраслей народнаго хозяйства. Этого, ему казалось, легко будетъ достигнуть при господствовавшей тогда дешевизнѣ денегъ.

Наконецъ, чтобы увѣнчать, такъ сказать, воздвигнутое имъ въ Нижнемъ-Новгородѣ колоссальное зданіе русской промышленности, открывъ для нея непосредственное и безпрепятственное сообщеніе съ иностранными финансовыми сферами и денежными рынками, правительство приняло послѣдовательно рядъ мѣръ для открытія у насъ металическаго, именно золотого обращенія, вмѣсто обращенія бумажнаго, которое издавна образовало плотину между нашими и иностранными его каналами. Эта реформа денежнаго обращенія начавшись у насъ, въ 1892 году фиксаціей курса бумажнаго рубля, на уровнѣ 66,66 копѣекъ, золотомъ равныхъ 1/15 части имперіала, за-

1) Въ настоящее время (начало Января 1907 г.) дисконтъ въ Лондонѣ составляетъ 6 %, а въ Берлинѣ — 7 %.

кончилась эмиссіоннымъ закономъ 29 Августа 1897 г., регулирующимъ выпускъ кредитныхъ билетовъ, обезпеченныхъ извѣстнымъ золотымъ фондомъ. На основаніи этого закона, правительство можетъ выпустить лишь на 300 мил. рублей кредитныхъ билетовъ, не покрытыхъ золотомъ рубль за рубль. Въ тотъ же промежутокъ времени два раза производилась перечеканка золотой монеты, примѣнительно къ новому курсу бумажнаго рубля [1]).

Кромѣ означенныхъ мѣръ введенія золотого обращенія, правительствомъ были приняты обширныя мѣры сохраненія золота отъ вывоза его заграницу. Прежде всего этой цѣли должно было служить, разумѣется, то самое упорядоченіе нашего торговаго баланса, которое и способствовало накопленію золотого фонда. Кромѣ того, для удержанія золотого запаса въ Россіи, правительство стало хранить огромныя суммы у иностранныхъ банкировъ. Ими оно не только поддерживало на должной высотѣ нашъ кредитъ у иностранцевъ (охраняя, напр., отъ вредныхъ колебаній курсъ бумажныхъ денегъ), но и предохраняло отъ эмиграціи иностранные капиталы, помѣщенные въ наши фонды. Наконецъ, не малую заботу правительства составляло и послѣдовательно проводимое уменьшеніе до необходимаго минимума всевозможныхъ тратъ золота, вслѣдствіе вывоза его заграницу, главнымъ образомъ, казною. Такъ, были приняты мѣры къ уменьшенію платежей по заграничнымъ займамъ, къ сокращенію нашихъ заграничныхъ заказовъ и даже къ привлеченію русскихъ людей въ отечественные курорты, вмѣсто заграничныхъ, чѣмъ въ особенности существенно сокращались обычныя траты золота русскими путешественниками заграницей [2]).

---

1) Въ настоящее время золотой рубль, равный $^1/_{15}$ имперіала, содержитъ 17,424 доли чистаго золота.

2) Нашими путешественниками заграницей ежегодно расходуется до 95 мил. рублей. Заграничныхъ заказовъ казною производится въ среднемъ на 16 мил. рублей. Процентовъ и погашеній по нашимъ займамъ уплачивается заграницу свыше 130 мил. рублей.

Всѣ эти мѣры, равно какъ и вышеприведенныя, имѣли надлежащій успѣхъ. Нѣсколько всеподданнѣйшихъ докладовъ Министра Финансовъ (Витте), слѣдовавшихъ за окончательнымъ открытіемъ золотого денежнаго обращенія, публично констатировали: либо полное равновѣсіе въ приходѣ и расходѣ золота по внѣшнему обороту, или, лучше сказать, полную цѣлость его у насъ, либо небольшой отливъ золота заграницу (25—110 мил. рублей), либо обратный притокъ золота, ранѣе выбывшаго заграницу. Словомъ, изъ этихъ докладовъ для всѣхъ было очевидно, что какъ моментъ, такъ и способы, избранные у насъ для скопленія золотого фонда, для девальваціи, конверсій и открытія золотого обращенія, были весьма цѣлесообразны и вполнѣ соотвѣтствовали состоянію европейскаго денежнаго рынка. Къ сожалѣнію, столь счастливое стеченіе обстоятельствъ въ финансовомъ мірѣ продолжалось недолго. Англо-Бурская и Китайская войны, а главное, причины и поводы ихъ возбудившіе, вызвали массовый отливъ денежныхъ средствъ изъ европейскихъ банковъ. Вслѣдствіе этого, въ Зап. Европѣ наступили серьезные промышленные кризисы въ началѣ текущаго столѣтія и затѣмъ наступило крайнее стѣсненіе мірового денежнаго рынка.

Все изложенное, какъ увидимъ дальше, не могло не отразиться и на судьбѣ нашего отечества, только что, можно сказать, перешедшаго къ золотому международному расчету и золотому внутреннему обращенію. Скопивъ съ огромными усиліями весьма значительный золотой запасъ, свыше 1500 мил. рублей, русское правительство выпустило въ обращеніе лишь сравнительно небольшую часть его — до 445 мил. рублей [1]); остальное-же золото, за исключеніемъ „золота Государственнаго Банка заграницей“, продолжало покоиться, безъ пользы для промышленности страны, даже въ слиткахъ, въ кладовыхъ Государственнаго Банка. Храня подъ замкомъ это золото, вмѣсто того, чтобы развивать отечественное сельское хозяйство

1) Всеподданнѣйшій докладъ Министра Финансовъ 1-го Января 1899 года.

въ направленіи наибольшой интенсивности, наше правительство еще больше стѣсняло и безъ того несвободный европейскій денежный рынокъ и безъ пользы для себя разжигало подозрительность къ намъ другихъ странъ. Результатомъ этой подозрительности, оправдывавшейся нашей аггрессивной политикой на Дальнемъ Востокѣ, и была, столь несчастная по своимъ послѣдствіямъ, наша война съ Японіей.

Заключимъ наши общія замѣчанія о денежномъ обращеніи въ Россіи указаніемъ на нѣкоторыя техническія особенности его. Въ качествѣ постояннаго, непосредственнаго регулятора нашего денежнаго обращенія является Государственный Банкъ. Онъ, между прочимъ, и имѣетъ назначеніе, по мѣрѣ надобности, снабжать нашъ денежный рынокъ достаточнымъ количествомъ денежныхъ знаковъ, предупреждая этимъ, какъ стѣсненіе, такъ и излишнее расширеніе его объема. Высшее-же руководство этимъ дѣломъ издавна принадлежитъ Комитету Финансовъ, особому законосовѣщательному учрежденію по техническимъ вопросамъ нашей финансовой политики и въ частности — денежнаго обращенія.

Затѣмъ, слѣдуетъ отмѣтить, что у насъ весь годъ раздѣляется на два періода въ отношеніи денежнаго обращенія. Время съ Іюля по Январь характеризуется наибольшимъ спросомъ на деньги со стороны торговли. Періодъ этотъ совпадаетъ, какъ извѣстно, съ горячимъ временемъ сбыта многихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. На него же падаетъ время старѣйшаго и важнѣйшаго всероссійскаго торга въ Нижнемъ-Новгородѣ. Остальная часть года отличается у насъ затишьемъ въ торговлѣ. Наибольшаго напряженія, въ отношеніи предъявляемыхъ къ ней требованій, касса Государственнаго Банка достигаетъ въ концѣ Ноября мѣсяца каждаго года. Имѣя это въ виду, Государственный Банкъ и расширяетъ въ это время свою учетно-ссудную операцію, чтобы утолить этотъ осенне-зимній денежный голодъ. Съ другой стороны, Государственный Банкъ, замѣтивъ уменьшеніе потребности въ деньгахъ, о чемъ можно судить по возрастанію наличности въ

его кассахъ и въ особенности по сильному притоку туда кредитныхъ билетовъ, заботится своевременно о сокращеніи учетно-ссудной операціи, для чего ему стоитъ только повысить свой дисконтъ [1]).

Съ половины прошлаго столѣтія объемъ нашего денежнаго обращенія значительно сократился, благодаря сокращенію потребности въ деньгахъ. Первоначально этой послѣдней цѣли служилъ на Руси лишь повсемѣстно распространенный ярмарочный торгъ, во время котораго, какъ извѣстно, всегда происходилъ у купцовъ взаимный зачетъ долговыхъ обязательствъ, которымъ истекъ срокъ. Что касается расчета по остающимся обязательствамъ, то и онъ всегда происходилъ только отчасти на наличныя деньги, а въ значительной степени — векселями. По мѣрѣ развитія новыхъ средствъ сообщенія, въ особенности расширенія телеграфной сѣти, повсемѣстнаго устройства биржъ, банковъ и т. д., потребность въ денежныхъ знакахъ для реализаціи торговыхъ сдѣлокъ все болѣе и болѣе сокращалась. Такъ, въ 1857 году при 75 милліонномъ населеніи Россіи, въ ней находилось въ обращеніи денежныхъ знаковъ на 1835 мил. рублей, между тѣмъ какъ въ 1898 г., при 129-милліонномъ населеніи, денежныхъ знаковъ въ обращеніи было всего на 1317 мил. рублей [2]), въ 1903 г. — на 1443 мил. рублей [3]) и въ началѣ 1904 года — на 1484 мил. рублей [4]).

Въ послѣдніе годы, для уменьшенія потребности торговли въ денежныхъ знакахъ въ самое оживленное для нея время, Государственный Банкъ устроилъ въ столицахъ и крупнѣй-

---

1) Объ оцѣнкѣ политики Государственнаго Банка см. И. Озеровъ: „Экономическая Россія“, 1905 г., стр. 128 и др.

2) Вѣстникъ Финансовъ 1899 г., № 1.

3) Въ этомъ году, правда, говорилось о стѣсненіи денежнаго обращенія. Оно было таково, что, за недостаткомъ законныхъ денежныхъ знаковъ, въ обращеніи находились даже досрочные купоны (Торг.-Пр. Газ. за 16 Янв. 1907 г.).

4) Только къ 1 Января 1907 г. количество денежныхъ знаковъ возросло до 1959 мил. рублей, причемъ Торг.-Пр. Газ. (отъ 16 Янв. с. г.), приводя эту цифру, признало расширеніе объема денежнаго обращенія.

шихъ торговыхъ центрахъ (Кіевѣ, Одессѣ, Варшавѣ) въ своихъ конторахъ такъ называемыя расчетныя отдѣленія для взаимнаго зачета денежныхъ обязательствъ всѣхъ желающихъ участвовать въ обмѣнѣ ими [1]).

Для облегченія внѣшняго денежнаго оборота Государственный Банкъ, а равно и другіе банки ведутъ постоянно операцію покупки и продажи такъ называемыхъ траттъ и, въ общемъ, едва-ли часто случалось, со времени введенія у насъ золотого обращенія, чтобы изъ Россіи приходилось пересылать золото въ уплату за покупаемые ею заграницей товары. Иначе говоря, расчетъ по нашей заграничной торговлѣ производился большею частью векселями, причемъ иностранныхъ векселей у насъ всегда имѣлось достаточное количество и курсъ на нихъ колебался, можно сказать, незначительно. Наконецъ, если и можетъ быть теперь рѣчь о пересылкѣ золота изъ страны въ страну, то скорѣе можно говорить о пересылкѣ его изъ заграницы къ намъ, какъ это явствуетъ изъ изученія нашихъ торговыхъ и расчетныхъ балансовъ [2]).

При введеніи у насъ золотого денежнаго обращенія, населеніе пришлось пріучать къ золоту постепенно. Первоначально были допущены добровольныя сдѣлки частныхъ лицъ на золото, и только когда населеніе нѣсколько привыкло къ мысли о предстоящемъ открытіи золотого обращенія, было приступлено къ размѣну по фиксированному курсу бумажныхъ денегъ на золото и неограниченные пріемъ и выдача изъ Государственнаго Банка золотой монеты. Однако и послѣ открытія размѣна, золото вливали лишь тонкой струей въ народное обращеніе, боясь вывоза его заграницу, хотя-бы въ обмѣнъ на наши фонды. Такъ въ 1897 году всего золота въ народномъ обращеніи было 25 мил. рублей; въ 1898 году его было уже 449 мил.

---

1) Особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Сводъ трудовъ Мѣстныхъ Комитетовъ по 49 губерніямъ Европейской Россіи. Денежное обращеніе. 1903 года, стр. 11 (составилъ Д. Никифоровъ).

2) И. Озеровъ, l. c. стр. 165.

рублей; въ 1903 году — 760 мил. рублей; въ 1904 году — 775 мил. рублей. Эти постепенные выпуски золота въ обращеніе происходили по мѣрѣ поступленія въ кассы Государственнаго Банка кредитныхъ билетовъ, при чемъ послѣдніе предавались уничтоженію. Такъ въ 1896 году кредитныхъ билетовъ въ обращеніи было на сумму 1100 мил. рублей, а въ началѣ 1903 года ихъ оставалось только на 550 мил. рублей.

Весь составъ нашего денежнаго обращенія къ концу Января 1904 года, т. е. передъ самымъ открытіемъ войны съ Японіей былъ слѣдующій:

Золота на	766	милліоновъ рублей.
Кредитныхъ билетовъ на	598	„ „
Серебра и размѣнной монеты на .	133	„ „

Кромѣ того, въ обращеніи было на 100 мил. руб. серій Государственнаго Казначейства.

Прежде чѣмъ перейти къ измѣненіямъ въ составѣ нашего денежнаго обращенія, имѣвшимъ мѣсто въ минувшую войну, скажемъ два слова о нѣкоторыхъ послѣдствіяхъ введенія у насъ золотого обращенія. Какъ и всюду введеніе исключительно золотого обращенія съ упраздненіемъ изъ него значительной части серебра, сопровождалось у насъ вздорожаніемъ денегъ, стѣсненіемъ оборота, вздорожаніемъ кредита, въ особенности въ деревнѣ, а главное, сильнымъ паденіемъ цѣнъ на с.-х. продукты. Шванебахъ утверждаетъ, что вся совокупность мѣръ правительства, направленныхъ на преобразованіе нашей денежной системы, включая сюда и мѣры усиленія нашего вывоза с.-х. продуктовъ заграницу, привела къ упадку сельскаго хозяйства какъ въ центрѣ Россіи такъ и въ восточныхъ ея областяхъ [1]). Кромѣ того, со времени усиленія нашего хлѣбнаго вывоза (1893—1897 г.), государству уже 4-ый разъ пришлось кормить свое голодающее населеніе, между тѣмъ собрать хлѣбъ для этой цѣли становилось съ теченіемъ времени все болѣе

1) Шванебахъ. Ibidem, кн. III.

и болѣе затруднительно, какъ вслѣдствіе неудержимаго вывоза его заграницу, такъ и вслѣдствіе полнаго разстройства нашей внутренней хлѣбной торговли. Позднѣе дѣло народнаго продовольствія нѣсколько улучшилось въ отношеніи снабженія населенія голодающихъ мѣстъ сравнительно недорогимъ хлѣбомъ. Однако, Русь всегда находилась подъ опасеніемъ крайняго возрастанія хлѣбныхъ цѣнъ въ годы неурожаевъ, вслѣдствіе усиленныхъ вывозовъ хлѣбовъ заграницу. Настоящій же неурожайный годъ далъ намъ въ этомъ отношеніи особенно чувствительный урокъ, такъ какъ вздорожанію, вслѣдствіе усиленнаго экспорта, подвергся не одинъ хлѣбъ.

Къ сказанному, относительно послѣдствій введенія у насъ золотого обращенія, необходимо добавить еще слѣдующее. Переходя къ международному расчету на золото, намъ, равно какъ и другимъ, пришлось переписать на золотую валюту даже тѣ наши долговыя обязательства, кои нами заключены въ бумажной или серебрянной валютѣ. И если съ введеніемъ у насъ золотой валюты намъ не пришлось платить заграницу бо̀льшую ежегодную золотую дань, чѣмъ прежде, то это благодаря конверсіоннымъ займамъ, заключеннымъ въ министерство Витте съ надлежащимъ расчетомъ и въ подходящее въ финансовомъ отношеніи время. Благодаря этимъ конверсіоннымъ займамъ, наши старые долги оказались переписанными на болѣе долгіе сроки и проценты по нимъ значительно понижены. Даже новые займы заключались въ правленіе Министерствомъ Финансовъ Витте изъ меньшаго противъ прежняго процента. Здѣсь будетъ умѣстно слѣдующее сравненіе. Въ промежутокъ времени съ 1893—1903 г. государственный долгъ нашъ увеличился на 1800 мил. руб., а платежъ процентовъ и погашенія возросъ на 40 мил. руб. За послѣдніе 3 года (1904—1906) нашъ долгъ возросъ еще на 1900 мил. руб., между тѣмъ однихъ процентовъ по нему приходится платить 90 милліоновъ рублей.

Изъ приведеннаго сравненія видно, что въ настоящее время намъ приходится не только заключать новые займы въ

золотой валютѣ, но и платить заграницу возрастающую ежегодную золотую дань. Это обстоятельство указываетъ, какъ кажется, на излишнее возрастаніе нашей матеріальной зависимости отъ банкировъ Западной Европы.

III.

Обратимся теперь къ особенностямъ нашего денежнаго обращенія въ послѣдніе три года, а именно, въ промежутокъ времени съ 1904 г. по 1906 г. Все это время наше денежное обращеніе, равно какъ и нѣсколько лѣтъ ранѣе, было въ общемъ въ исправности, оставаясь, по обыкновенію, золотымъ обращеніемъ. За послѣднее время однако необходимо отмѣтить постепенное уменьшеніе золота въ народномъ обращеніи, сопровождавшееся увеличеніемъ золотой наличности, принадлежащей Государственному Банку и Государственному Казначейству. Это движеніе золотой наличности въ казнѣ совпадало, обыкновенно, по времени съ увеличеніемъ количества кредитныхъ билетовъ въ народномъ обращеніи, всегда безпрепятственно обмѣнивавшихся за золото. Тѣмъ не менѣе, нельзя сказать, чтобы количество вновь выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ соотвѣтствовало суммѣ прироста золотого фонда, принадлежащаго Государственному Банку. Равнымъ образомъ, нельзя утверждать и того, что постепенное исчезновеніе золота изъ народнаго обращенія слѣдуетъ приписать исключительно выпуску бумажныхъ денегъ. Операцію изъятія золота изъ обращенія могли производить, наравнѣ съ бумажками, и обильные внутренніе займы, производившіеся въ теченіе послѣднихъ лѣтъ.

Кромѣ вышеприведеннаго, въ теченіе указаннаго времени, необходимо отмѣтить еще слѣдующія особенности въ нашемъ денежномъ обращеніи: постепенное стѣсненіе кредита повышеніемъ учетнаго процента по краткосрочнымъ векселямъ до $9^1/_2\%$ годовыхъ; довольно быстрое паденіе русскихъ фондовъ во главѣ съ Государственной 4% рентой и даже частью застой въ торговлѣ — особенно хлѣбной, — сопровождавшійся от-

ливомъ золотого фонда заграницу и даже привозомъ хлѣбовъ изъ заграницы въ наши балтійскіе порта. . . . Самымъ важнымъ однако обстоятельствомъ въ этой финансовой эволюціи слѣдуетъ считать то, что отмѣченные отрицательные факты имѣли мѣсто не столько во время нашей войны съ Японіей — во время войны, напротивъ, наши кредитъ и денежное обращеніе довольно стойко выдерживали назначенное имъ испытаніе, — сколько именно послѣ означенной войны, во время наибольшаго напряженія внутренней смуты, съ Октября 1905 года по Январь 1906 года, равно какъ и въ Іюлѣ, и Августѣ 1906 года. Для иллюстраціи можно привести хоть слѣдующій примѣръ. Тогда какъ во время войны съ Японіей золотое покрытіе выпускаемыхъ въ обращеніе бумажекъ было строго сообразовано съ закономъ 1897 года, напротивъ, въ первые мѣсяцы 1906 года оно бывало и ниже законной нормы. Въ дальнѣйшемъ мы попытаемся однако детальнѣе показать весь ходъ развитія нашего денежнаго обращенія какъ во время войны съ Японіей, такъ и послѣ нея.

Изъ всеподданнѣйшаго доклада Министра Финансовъ 1 Января 1905 г., равно какъ и изъ Вѣстника Финансовъ и Торгово-Промышленной Газеты за 1904 годъ видно, что война Россіи съ Японіей, въ первый годъ, по крайней мѣрѣ, не вызвала никакихъ серьезныхъ потрясеній въ экономической жизни Россіи и, въ частности, въ ея денежномъ обращеніи. Война вызвала значительное сокращеніе расходовъ (на сумму свыше 100 мил. руб.), по сравненію съ смѣтными предположеніями на 1904. Далѣе, война вызвала необходимость заключенія займовъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшныхъ, на пополненіе золотой наличности въ казнѣ и умѣренный выпускъ кредитныхъ билетовъ для цѣлей, главнымъ образомъ, торговыхъ и для платежей въ Манджуріи. Кромѣ того, война вызвала застой въ движеніи грузовъ, вслѣдствіе образованія ихъ залежей на желѣзныхъ дорогахъ. Комерческій кредитъ Государственнаго Банка сократился не существенно. Наши государственные фонды упали въ цѣнѣ лишь въ умѣренной степени и во

всякомъ случаѣ они стояли сначала много выше японскихъ. Излишнее паденіе нашихъ фондовъ было сдержано особымъ, своевременно имѣвшимъ мѣсто, по иниціативѣ правительства, соглашеніемъ банкировъ. Государственныя сберегательныя кассы, послѣ недолговременной паники, сопровождавшейся незначительнымъ отливомъ изъ нихъ народныхъ сбереженій, наполнились въ большей противъ прежняго степени и къ 1 Маю 1904 года заключали 1028 мил. руб. Значительное сокращеніе операцій въ 1904 году коснулось Государственнаго Крестьянскаго Банка. Такъ, напр., выдача ссудъ сокращена до 60 % оцѣнки; сокращены покупки имѣній Крестьянскимъ Банкомъ за собственный его счетъ и т. п.

Приведемъ здѣсь нѣкоторыя данныя о движеніи нашего золотого фонда, въ связи съ выпусками кредитныхъ билетовъ за время войны.

Къ 1-му Январю 1904 года золота, принадлежавшаго Государственному Банку, было на сумму около 900 мил. руб.; кредитныхъ билетовъ въ народномъ обращеніи состояло около 550 мил. руб.[1]). Къ 1-му Іюлю того-же года количество золота у Государственнаго Банка повысилось до 937 мил. руб., количество же кредитныхъ билетовъ въ обращеніи дошло до 691,9 мил. руб.; слѣдовательно, на 1 рубль кредитный въ народномъ обращеніи имѣлось не менѣе 1 руб. 36 коп. металической наличности въ Государственномъ Банкѣ. Изъ приведеннаго сопоставленія данныхъ видно еще, что только небольшая часть золота къ 1 Іюля изъ народнаго обращенія перешла въ кассу Государственнаго Банка.

По заключенію П. Леруа-Болье, золотой запасъ Россіи въ началѣ Сентября 1904 года вполнѣ гарантировалъ непоколе-

1) Къ 23 Январю 1904 года, т. е. къ началу нашей войны съ Японіей, золота, принадлежащаго Государственному Банку, было на сумму до 920 мил. руб.; золота Государственнаго Казначейства — 142 мил. руб.; золота въ обращеніи — 766 мил. руб.; серебра и размѣнной монеты въ обращеніи находилось на 133 мил. рублей и кредитныхъ билетовъ въ обращеніи на 598 мил. рублей.

бимость ея кредита и правильность денежнаго обращенія на все время войны.

Въ началѣ Ноября 1904 года золотое покрытіе кредитныхъ билетовъ упало до 110%; количество ихъ возросло до 900 мил. руб., а количество золота у Государственнаго Банка поднялось до 1010 мил. руб. Такимъ образомъ, можно сказать, что въ общемъ въ 1904 году выпущено въ обращеніе всего до 350 мил. руб. кредитныхъ билетовъ. Золота за это время прибыло въ Государственномъ Банкѣ всего около 111 мил. рублей. Не зная въ точности наличности золота, принадлежащаго Государственному Казначейству въ Россіи и заграницей — изъ публикуемыхъ балансовъ Государственнаго Банка этого не видно —, нельзя знать, сколько въ него прибыло золота, сравнительно съ началомъ 1904 года (23 Января). Возможно однако, что излишній выпускъ бумажныхъ денегъ въ большей своей части (на 220—240 мил. руб.) пошелъ на обороты русскаго правительства на театрѣ войны въ Манджуріи. Для этой же цѣли нашимъ монетнымъ дворомъ были изготовлены на значительную сумму серебряные кирпичи. Въ виду сказаннаго, покрытіе потребностей нашей войны съ Японіей нисколько не стѣсняло оборотовъ внутри нашего отечества. Напротивъ, скорѣе слѣдуетъ предположить, что взамѣнъ пущенныхъ нами въ Манджуріи въ обращеніе бумажекъ и серебра, оттуда къ намъ прибывало постепенно золото.

Въ срединѣ Марта 1905 года золота, принадлежащаго Государственному Банку, было 1050 мил. руб.; золота въ народномъ обращеніи оставалось еще до 700 мил. руб.; кредитныхъ билетовъ въ народномъ обращеніи состояло около 970 мил. руб.

Въ Августѣ 1905 года кредитныхъ билетовъ въ народномъ обращеніи было на 1100 мил. руб., причемъ въ финансовыхъ сферахъ справедливо считали, что у нихъ имѣется возможность выпустить въ обращеніе кредитныхъ билетовъ еще на сумму въ 330 мил. рублей. При этомъ золотое покрытіе кредитныхъ билетовъ составляло бы 79%. Золота у Государственнаго Банка скопилось на сумму 1130 мил. рублей.

Такимъ образомъ оказывается, что съ 1-го Января 1904 г. по Сентябрь 1905 г. Государственный Банкъ выпустилъ кредитныхъ билетовъ на сумму около 527 мил. руб., получивъ отъ этой операціи, а равно и отъ многихъ внутреннихъ займовъ, прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, сокращенія коммерческаго учета и т. п., въ концѣ концовъ на свои счета такую-же сумму золотомъ. Но такъ какъ золотой запасъ самого Государственнаго Банка за это время увеличился лишь на сумму около 233 мил. руб., то слѣдовательно остальныя 300 мил. руб. (круглымъ счетомъ) поступили на счета Государственнаго Казначейства. Позднѣе, къ половинѣ Октября 1905 года, кредитныхъ билетовъ оказалось выпущено еще больше, а именно — до 700 мил. руб., и слѣдовательно, за нихъ получено еще больше золота въ Гос. Банкѣ и Гос. Казначействѣ. Тѣмъ не менѣе, въ новый внутренній оборотъ эти сотни милліоновъ рублей изъ Государственнаго Казначейства не пошли, такъ какъ въ концѣ 1905 года, какъ всякій это можетъ подтвердить, золотая монета почти исчезла изъ народнаго обращенія внутри Россіи и публикѣ не навязывалась. Съ другой стороны, въ крупныхъ центрахъ не было и такого случая, чтобы публикѣ отказывали въ размѣнѣ бумажекъ на полноцѣнную звонкую монету. Въ Сентябрѣ 1905 года въ газеты проникло впрочемъ и болѣе или менѣе положительное извѣстіе о выходѣ золотой монеты изъ народнаго обращенія. Сообщалось именно, что въ этомъ мѣсяцѣ въ Государственномъ Казначействѣ получился такой наплывъ золотой монеты, что для помѣщенія ея не хватало мѣста. Она заняла и Монетный Дворъ и кладовыя Государственнаго Банка. Трудно допустить, чтобы тутъ шло дѣло о суммѣ въ 209 мил. руб., реализованной изъ $4^1/_2\,^0/_0$ внѣшняго займа 1905 года (на основаніи указа 15 Декабря 1904 года).

Съ приведенными соображеніями не согласуется заявленіе, сдѣланное Министромъ Финансовъ Шиповымъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ 1-го Января 1906 года о томъ, что къ 1 Сентября 1905 года въ народномъ обращеніи находилось

676 мил. руб. золотомъ, и что, слѣдовательно, за время войны изъ обращенія его выбыло всего около 90 мил. рублей. Это несогласіе, какъ намъ кажется, возможно было бы разрѣшить, принявъ, что наше финансовое вѣдомство, изъявъ въ дѣйствительности изъ народнаго обращенія все заключавшееся въ немъ золото, оставило его, однако, на своихъ счетахъ въ банкахъ Имперіи и держало его тамъ въ сохранности и наготовѣ, на случай массовыхъ требованій со стороны публики или краткосрочнаго торговаго кредита. Такимъ образомъ выходило бы, что золото, хоть и номинально, но тѣмъ не менѣе находилось въ обращеніи, а не покоилось въ кладовыхъ Государственнаго Банка[1]).

1) Изъ всеподданнѣйшаго доклада Министра Финансовъ 1 Января 1906 года можно заключить, что къ этому дню весь составъ нашего денежнаго обращенія былъ слѣдующій. Кредитныхъ билетовъ въ обращеніи находилось на 1290 мил. руб., серебра и размѣнной монеты на 134 мил. руб., золота до 676 мил. руб., а всего денежныхъ знаковъ на 2100 мил. рублей. Если сравнить съ приведеннымъ объемомъ денежнаго обращенія тотъ, который былъ при началѣ войны, то придется признать, что во время войны, а равно и послѣ нея, объемъ денежнаго обращенія у насъ сильно расширился, а именно — на 500—600 мил. рублей. Впослѣдствіи финансовое вѣдомство, давая общее разъясненіе по вопросу о нашемъ денежномъ обращеніи (№ 12 Торг.-Пр. Газ. за 1907 г.), упоминаетъ и про означенное сильное расширеніе его, находя это расширеніе своевременнымъ и полезнымъ для нашихъ торговыхъ дѣлъ, въ особенности, начиная со 2-ой половины 1905 года, такъ какъ съ этого именно времени нашъ денежный оборотъ сталъ испытывать страшное замедленіе въ зависимости отъ внезапно постигшаго Россію экономическаго кризиса. При этомъ наше финансовое вѣдомство обращаетъ вниманіе на то, что вслѣдствіе замедленія въ доставкѣ грузовъ, по причинѣ залежей, а также и остановокъ въ желѣзнодорожномъ сообщеніи, всякія торговыя сдѣлки въ кредитъ и на срокъ прекратились, платежи же замедлились и увеличились требованія на расчетъ наличными деньгами. Отсюда и проистекало повышенное требованіе на деньги, а слѣдовательно и на расширеніе объема денежнаго обращенія. Приводя все вышеизложенное для выясненія всѣхъ особенностей нашего денежнаго обращенія, мы тѣмъ не менѣе продолжаемъ полагать, что, начиная съ конца 1905 года, золотая монета исчезла изъ обращенія и что, слѣдовательно, съ этого времени у насъ въ предѣлахъ Россіи можетъ быть рѣчь не о расширеніи, а скорѣе о съуженіи объема денежнаго обращенія, что и находится въ согласіи съ критическимъ состояніемъ нашихъ промышленности и торговли.

Въ заключеніе этого перваго періода развитія нашего денежнаго обращенія за послѣдніе 3 года, слѣдуетъ отмѣтить, что во всеподданнѣйшемъ докладѣ Министра Финансовъ 1-го Января 1906 г. высказана была увѣренность въ томъ, что на окончаніе расчетовъ по минувшей войнѣ потребуется чрезвычайное ассигнованіе въ 1906 году лишь въ размѣрѣ 480 мил. руб.; каковую сумму, какъ недостающую въ бюджетѣ на предстоящій финансовый годъ, и придется добыть заимообразно. Хотя на самомъ дѣлѣ теперь, какъ оказывается, не хватаетъ значительно большей суммы для окончанія расчетовъ по минувшей войнѣ (около 700 мил. рублей), однако и она не могло бы представляться чрезмѣрной для нашего бюджета и кредита, и ее можно было надѣяться достать безъ труда, если бы событія, слѣдовавшія за окончаніемъ войны, не поставили наше финансовое вѣдомство въ столь безвыходное положеніе, что одно время у него было даже предположеніе о выпускѣ въ обращеніе неразмѣнныхъ кредитныхъ билетовъ. Къ разсмотрѣнію особенностей этого тревожнаго времени въ нашемъ денежномъ обращеніи мы сейчасъ и перейдемъ.

Въ началѣ Октября 1905 года, несмотря на обезпеченіе кредитныхъ билетовъ золотомъ въ размѣрѣ 110%, нашъ кредитъ заграницей настолько поколебался, что иностранные кредиторы потребовали трехгодичнаго обезпеченія уплаты процентовъ по новымъ займамъ. Въ виду этого, суммы заграницей нашего финансоваго вѣдомства были увеличены почти до 300 мил. рублей. Несмотря на это, наши фонды вдругъ стали сильно падать. 18-го же Ноября 1905 г. на Петербургской Биржѣ произошла настоящая паника, вызвавшая необходимость въ охранѣ порядка при помощи войскъ. Произошло это по слѣдующему поводу. Финансовое вѣдомство послало въ этотъ день на Биржу своихъ чиновниковъ, чтобы слѣдить за правильностью котировокъ нашихъ государственныхъ бумагъ, въ особенности же — Государственной ренты. Это сочтено было публикой за насильственное воздѣйствіе финансоваго вѣдомства на свободу биржевыхъ собраній и вызвало

небывалую смуту. 4 % рента упала въ этотъ день до 79 %.

Главнѣйшей причиной этихъ, а равно и послѣдующихъ потрясеній нашего кредита и нормальнаго хода денежнаго обращенія считаются тѣ волненія политическаго характера въ обществѣ и низшихъ слояхъ населенія, которыя происходили въ концѣ прошлаго 1905 года, а именно, въ Октябрѣ и Декабрѣ мѣсяцахъ. Ожидая политическихъ и экономическихъ потрясеній въ Россіи и въ особенности изданія къ 1 Январю 1906 года Высочайшаго Манифеста о принудительномъ отчужденіи земель частныхъ владѣльцевъ для дополнительнаго надѣленія ею крестьянъ, многія лица стали спѣшно реализовать свои состоянія. Превращая ихъ въ звонкую монету и иностранныя цѣнности, они спѣшно же уѣзжали заграницу. Русскія процентныя бумаги и имѣнія продавались частными лицами за полцѣны и деньги переводились заграницу, главнымъ образомъ — въ Германію [1]). Иностранные и отечественные банкиры тоже переводили свои капиталы заграницу. Размѣнъ бумажекъ на золото, въ особенности во время желѣзнодорожныхъ и телеграфныхъ забастовокъ, производился съ большимъ трудомъ, напр. у частныхъ лицъ — по 70 рублей золотомъ за 100 руб. бумажками. Въ казенныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ размѣнъ на золото бумажекъ производился сначала безпрепятственно, но вскорѣ и онъ прекратился, за полнымъ истощеніемъ запаса денежныхъ знаковъ, о новомъ подвозѣ которыхъ нельзя было и думать. Иностранные купцы перестали заключать какія-бы то ни было сдѣлки въ кредитъ съ нашею промышленностью. Изъ сберегательныхъ кассъ вновь стали требоваться вклады; причемъ вкладчиковъ подстерегали на

1) Вліяніе означенныхъ переселеній изъ Россіи въ Германію русскихъ капиталовъ продолжаетъ сказываться до самаго послѣдняго времени. Такъ изъ Берлина теперь сообщаютъ, что при Главномъ Нѣмецкомъ Банкѣ открыто особое „Русское Отдѣленіе“ съ чиновниками говорящими по-русски. Это нововведеніе, какъ утверждаютъ, сдѣлано для облегченія русскимъ людямъ помѣщенія своихъ капиталовъ въ Германіи.

улицахъ разныя личности, съ цѣлью склонить ихъ къ помѣщенію вынутыхъ капиталовъ въ несуществующія выгодныя предпріятія. Прямые налоги перестали поступать въ казну. Касса Государственнаго Банка къ концу Ноября понизилась до 15 съ небольшимъ мил. рублей. Земскія кассы опустѣли, причемъ земства начали ликвидировать свои учрежденія. Помѣщичьи имѣнія жглись и разрушались взбунтовавшимися крестьянами. Насталъ застой торговли, и въ особенности — хлѣбной; векселя не протестовались; золото быстро отливало заграницу [1]), учетный процентъ все повышался и повышался. Начавшись въ Октябрѣ 1905 года, это продолжалось и весь Ноябрь и весь Декабрь. Дѣло грозило покончиться давно невиданнымъ крушеніемъ колоссальныхъ состояній частныхъ лицъ, а, можетъ быть, и государственнымъ банкротствомъ. Правительству нашему, поэтому, пришлось лично обратиться къ банкирамъ, прося ихъ содѣйствія къ уменьшенію наступавшей повсюду у насъ паники. И къ счастью русскіе банки во время вошли между собою въ соглашеніе и прекратили на время, какъ продажу, такъ и покупку процентныхъ бумагъ, въ особенности же — выигрышныхъ займовъ.

Къ Январю 1906 года, послѣ подавленія острыхъ декабрскихъ волненій въ Москвѣ, изъ заграницы стали получаться нѣсколько болѣе успокоительныя извѣстія объ улучшеніи нашего кредита. Тѣмъ не менѣе, положеніе нашего финансоваго вѣдомства и тогда не измѣнилось къ лучшему, такъ какъ предположенный иностранный заемъ на покрытіе почти 500 милліоннаго дефицита государственнаго бюджета на 1906 г. не налаживался. Между тѣмъ, на громадные текущіе расходы по подавленію разраставшейся, въ общемъ, внутренней смуты; на уплаты по казеннымъ заказамъ и на расчеты по войнѣ; на кредитныя операціи внутри страны, равно какъ и на заграничные платежи частныхъ лицъ по товарнымъ сдѣлкамъ и переводамъ заграницу

1) См. всеподданнѣйшій докладъ Министра Финансовъ 1 Января 1906 года.

большихъ капиталовъ и т. п., на все это требовались экстрено громадныя средства, въ то время какъ подати и другіе доходы все еще медлили поступленіемъ. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что, на удовлетвореніе всѣхъ этихъ нуждъ государства, пришлось усиливать выпускъ кредитныхъ билетовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшать золотую наличность Государственнаго Банка, замедляя быстрый отливъ ея лишь кратковременными позаимствованіями золота у иностранныхъ банкировъ посредствомъ выпуска боннъ Государственнаго Казначейства, учитываемыхъ въ Берлинѣ и Парижѣ. Однако настало время, когда и учащенный выпускъ кредитныхъ билетовъ пересталъ помогать дѣлу усиленія внутренняго оборота, а излишніе кредитные билеты, по минованіи надобности въ нихъ, какъ обычно, стали возвращаться въ кассы Государственнаго Банка, кредитъ постепенно стѣснялся, суммы, употреблявшіся на это Государственнымъ Банкомъ, уменьшались быстро; учетный процентъ росъ.

Вотъ нѣсколько цифръ. Быстро возрастая съ осени 1905 года, количество кредитныхъ билетовъ въ народномъ обращеніи въ первые 4 мѣсяца текущаго года замѣтно переступило законные предѣлы. Такъ, къ 1 Января 1906 г. кредитныхъ билетовъ въ обращеніи было 1290 мил. руб., золота же оказалось въ Государственномъ Банкѣ на 919,5 мил. руб. Еще хуже, можетъ быть, было дѣло въ началѣ Апрѣля текущаго года. Количество кредитныхъ билетовъ уменьшилось до 1215 мил. рублей, но и количество золота упало до 857 мил. рублей. Въ половинѣ Мая золотое покрытіе бумажныхъ денегъ равнялось всего 78 %. Достигнувъ столь низкаго уровня, количество золота, принадлежащаго Государственному Банку, стало замѣтно подниматься въ Маѣ и Іюнѣ текущаго года, дойдя, послѣ колебаній, въ концѣ Октября этого года до уровня 1128 мил. рублей. Количество кредитныхъ билетовъ, начавъ было понижаться съ Мая 1906 г., черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а именно въ концѣ Августа с. г., пришло опять къ уровню въ началѣ 1906 года. Однако все это время, т. е. съ поло-

вины до конца 1906 г., количество кредитныхъ билетовъ не только оставалось законнымъ, но и имѣлся даже нѣкоторый запасъ золота въ 100—150 мил. рублей для новаго выпуска ихъ.

Истинный, свѣтлый лучъ надежды у нашего финансоваго вѣдомства блеснулъ лишь въ Январѣ 1906 года, когда стало извѣстно, что Коковцеву удалось добыть небольшую сумму, въ 100 мил. руб., на покрытіе предположеннаго въ 1906 года дефицита. Тѣмъ не менѣе, желанному внѣшнему займу на крупную сумму довольно долго еще не суждено было осуществиться, такъ какъ противъ его осуществленія возставало какъ внутри такъ и внѣ Россіи все, что только имѣло малѣйшую возможность вредить ему прямо или косвенно. Утверждаютъ, что впослѣдствіи, въ самый разгаръ избирательной борьбы, въ ожиданіи открытія Государственной Думы, были сдѣланы серьезныя попытки повліять на французское правительство и даже на самого Президента Французкой Республики въ неблагопріятномъ для просимаго нами внѣшняго займа смыслѣ. Указывали также и на внезапный отказъ Германіи принять участіе въ реализаціяхъ этого займа, который тоже, конечно, замедлилъ его осуществленіе. Истинной причиной этого отказа слѣдуетъ, какъ кажется, считать стремленіе германскаго финансоваго вѣдомства заключить въ благопріятную минуту заемъ для нуждъ самой Германіи. По крайней мѣрѣ отказъ участвовать въ нашемъ займѣ сопровождался очень скоро заключеніемъ германскимъ правительствомъ своего $3^1/_2\,\%$ займа на 300 милліоновъ марокъ.

Кромѣ агитаціи, направленной въ подлежащихъ сферахъ прямо противъ ожидавшагося займа въ нашу пользу, была и другая, быть можетъ, болѣе важная, даже основная причина, заставлявшая финансистовъ Зап. Европы придерживать свой карманъ: это — страхъ иностранцевъ передъ призракомъ наступавшаго, какъ казалось, полнаго разложенія экономической жизни Россіи, вслѣдствіе разраставшихся аграрныхъ волненій и другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, вредно вліявшихъ,

въ особенности въ первые мѣсяцы текущаго года, на нашъ торговый обмѣнъ.

Однако, повидимому, эта смута къ половинѣ Января 1906 года успокоилась. Населеніе перестало вынимать свои вклады изъ сберегательныхъ кассъ и обращать свои бумажныя цѣнности въ золотую монету, съ цѣлью удерживать послѣднюю отъ обращенія [1]). Количество кредитныхъ билетовъ было уменьшено до 1265 мил. рублей. Кредитъ подъ учетъ торговыхъ векселей нѣсколько расширился, чтобы потомъ, впрочемъ, съузиться весьма чувствительно [2]). Русскія цѣнности поднялись на биржѣ.

Только 3-го Апрѣля 1906 г., т. е. наканунѣ, можно сказать, открытія Государственной Думы, неожиданно для многихъ былъ наконецъ заключенъ столь долго желанный внѣшній заемъ на номинальную сумму 841 мил. рублей изъ 5 % годовыхъ и по курсу только въ 90 % [3]). Заключеніе столь большого займа вызвало взрывъ досады и негодованіе въ средѣ нѣкоторыхъ партій, собиравшихся принять въ свои руки управленіе общественной и государственной жизнью Россіи. Ко дню же открытія засѣданій Государственной Думы эта до-

---

1) По свидѣтельству очевидцевъ, многія лица размѣнивали на золото десятки тысячъ кредитныхъ билетовъ и хранили это золото у себя дома. Нѣкоторые же доходили то того, что, не зная куда дѣвать свое золото, носили его при себѣ. Можно представить себѣ, до какой степени такой образъ дѣйствія стѣснялъ весь гражданскій оборотъ.

2) Въ первую половину 1906 года Государственный Банкъ, повысивъ учетный процентъ, настолько сократилъ свою учетную операцію, что этимъ способомъ было извлечено изъ обращенія до 255 милліоновъ рублей (см. „Разъясненіе по вопросу о нашемъ денежномъ обращеніи“, Торг.-Пром. Газ. 1907 г., № 12).

3) Другія условія этого займа требовали, чтобы правительство въ теченіе 10 лѣтъ не приступало ни къ выкупу, ни къ конверсіи его, а въ теченіе двухъ лѣтъ не заключало никакихъ новыхъ займовъ. Въ первую половину 1906 года нашъ новый заемъ доставилъ около 670 мил. руб., а къ 1 Январю 1907 г. — свыше 700 мил. рублей. Съ другой стороны, еслибы названный заемъ не былъ заключенъ, то къ 1 Январю 1907 года нашъ золотой запасъ въ Государственномъ Банкѣ и Казначействѣ составлялъ бы всего около 250 мил. рублей.

сада передъ неожиданной удачей правительства обратилась въ неудержимый потокъ ненависти къ нему, выразившійся однажды въ единодушномъ, полномъ негодованія крикѣ первыхъ депутатовъ Думы: „долой правительство! въ отставку министерство! не желаемъ работать съ такими министрами!...“ Ближайшимъ поводомъ для выраженія въ такой формѣ негодованія Государственной Думы по адресу правительства былъ отказъ послѣдняго въ аграрномъ вопросѣ пойти по пути принудительной экспропріаціи земель частныхъ владѣльцевъ въ пользу крестьянъ. Это первое столкновеніе Государственной Думы съ правящими сферами перешло впослѣдствіи въ длинный рядъ самыхъ острыхъ пререканій между собою противниковъ по различнымъ раздражающимъ поводамъ. Въ этихъ пререканіяхъ прошло у Думы не мало дней, въ продолженіе которыхъ ею былъ разсмотрѣнъ, кажется, всего одинъ несложный законопроектъ о помощи населенію мѣстъ, постигнутыхъ неурожаемъ, да приступлено, по собственной иниціативѣ Думы, къ разрѣшенію аграрнаго вопроса, исключительно на началахъ принудительнаго отчужденія помѣщичьей земли

Такое направленіе занятій Государственной Думы, къ сожалѣнію, было принято на мѣстахъ, въ глухой провинціи за поощреніе къ самоуправству надъ помѣщиками, а именно — къ насильственному выдворенію ихъ изъ усадебъ и уничтоженію послѣднихъ. Этимъ способомъ крестьяне надѣялись пріобрѣсти частновладѣльческія земли въ свою пользу на болѣе сходныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, которыя имъ предлагали помѣщики, побуждаемые въ концѣ 1905 года управленіемъ Крестьянскаго Банка къ „добровольной“ продажѣ своихъ земель крестьянамъ. Понятное дѣло, что такой ходъ работъ перваго русскаго парламента, начавшихся, съ мѣста въ карьеръ, съ бурнаго столкновенія между депутатами и правительствомъ, не могъ не вызывать заграницей разочарованія, а впослѣдствіи и безпокойства у иностранныхъ капиталистовъ за помѣщенные въ русскія цѣнности капиталы, равно какъ и за самую судьбу первой сессіи Государственной Думы, а съ нею и за судьбу Россіи...

Такимъ образомъ, когда эта Дума въ началѣ Іюля текущаго года была распущена Высочайшимъ указомъ, а многіе члены ея собрались въ городѣ Выборгѣ писать извѣстное Выборгское Воззваніе, причемъ Россія наполнилась слухами о новыхъ забастовкахъ, о новомъ кровавомъ возстаніи и новыхъ аграрныхъ бунтахъ, — на иностранныхъ и русскихъ биржахъ произошло новое смятеніе, худшее чѣмъ 18-го Ноября 1905 года, такъ что наши процентныя бумаги упали до небывалаго даже во время войны уровня, причемъ рента упала до 67 %. Одно мгновеніе казалось, что Россія находится на краю гибели... Къ счастью это мрачное предчувствіе продолжалось недолго; зловѣщія угрозы не оправдались.

Извѣстный всѣмъ поворотъ къ лучшему нашихъ кредита и денежнаго обращенія, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго, слѣдуетъ приписать, главнымъ образомъ, весьма благопріятному ходу нашего товарообмѣна съ иностранными государствами, а также весьма исправному взысканію податей, а особенно — косвенныхъ налоговъ. Наконецъ, тому же самому способствовали старанія правительства соблюдать закономѣрное соотношеніе между обращающимися кредитными билетами и запасомъ золота, принадлежащаго Государственному Банку. Приведемъ нѣкоторыя фактическія данныя по поводу сказаннаго.

Несмотря на всѣ неправильности въ нашихъ внѣшнихъ торговыхъ сношеніяхъ, по балансу внѣшней торговли по европейской границѣ, съ 1 Января по 10 Октября текущаго года, имѣлся весьма значительный перевѣсъ нашего вывоза передъ привозомъ. Такъ отпущено товаровъ изъ Россіи на 734.961 тыс. рублей, привезено же всего на сумму 412.083 тыс. руб., слѣдовательно по торговому балансу въ пользу Россіи получилась сумма въ 322.878 тыс. руб. Надо замѣтить, однако, что въ 1905 году за тотъ же періодъ торговыхъ сношеній Россія получила въ свою пользу на 32 милліона рублей больше, чѣмъ въ 1906 году [1]). За-то въ этомъ году впервые мы

1) Торг.-Пром. Газ. 1907 г., № 11.

достигли перевѣса цѣнности вывоза надъ цѣнностью привоза по азіатской границѣ болѣе чѣмъ на 15 милліоновъ рублей.

Далѣе, опубликованныя въ Октябрѣ 1906 года предварительныя кассовыя свѣдѣнія о доходахъ и расходахъ въ 1906 году указываютъ на значительное превышеніе обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами [1]).

Наконецъ, если обратиться собственно къ условіямъ нашего денежнаго обращенія во второй половинѣ 1906 года, необходимо отмѣтить слѣдующее. Съ Мая 1906 г. золотой фондъ Государственнаго Банка началъ постепенно возрастать и достигъ къ 8 Ноября 1906 г. уровня 1151 мил. рублей, увеличившись, по сравненію съ Апрѣлемъ мѣсяцемъ, на сумму около 300 милліоновъ рублей. Количество кредитныхъ билетовъ за тотъ же срокъ возросло съ 1215 мил. рублей до 1280 мил. рублей, т. е. всего на 65 мил. рублей. Учетная операція Государственнаго Банка во вторую половину 1906 года, хотя и медленно, но постепенно возрастала подъ вліяніемъ уменьшенія учетнаго процента. Такимъ образомъ, эта операція, подобно незначительному выпуску кредитныхъ билетовъ, ни въ какомъ случаѣ не могла увеличить золотого фонда Государственнаго Банка, и этотъ послѣдній возросъ, по всей вѣроятности, благодаря реализаціи послѣдняго нашего 5 % займа.

Всѣ приведенные сейчасъ факты не могли, конечно, остаться неоцѣненными въ должной мѣрѣ на иностранномъ денежномъ рынкѣ и эта оцѣнка выразилась въ концѣ Октября 1906 года поразительнымъ поднятіемъ нашей 4% ренты до 78%.

1) Впослѣдствіи оказалось даже, что въ 1906 году обыкновенныхъ доходовъ поступило болѣе, чѣмъ въ 1905 году на 247 милліоновъ рублей.

С. Богушевскій.

Замѣтки о преподаваніи исторіи въ реальныхъ училищахъ.

Предлагаемыя нами замѣтки о преподаваніи исторіи въ реальныхъ училищахъ носятъ чисто практическій характеръ и выработались у насъ постепенно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ при занятіяхъ этимъ предметомъ въ разныхъ классахъ реальнаго училища. Зная по собственному опыту, какъ нелегко дается правильная постановка преподаванія исторіи, особенно молодымъ преподавателямъ, мы посвящаемъ свои замѣтки нашимъ товарищамъ, преподавателямъ исторіи, въ надеждѣ, что и эти скромныя замѣтки имъ сколько-нибудь пригодятся. За всякаго рода поправки, сообщенія и дополненія буду коллегамъ весьма признателенъ.

Преподаваніе исторіи имѣетъ цѣлью сообщить ученикамъ опредѣленную программой сумму свѣдѣній, при чемъ эти свѣдѣнія сообщаются не только ради той прямой практической пользы, какую можно будетъ извлечь для себя изъ знанія историческихъ фактовъ, но и ради проистекающаго изъ осмысленнаго изученія исторіи умственнаго и нравственнаго развитія. Гармоническое развитіе юнаго духа есть высшая цѣль всякой школы, а поэтому и преподаваніе исторіи должно подчиняться основному идеалу ученія — содѣйствовать образованію ума и сердца учащихся. Но чтобы быть плодотворнымъ и разсчитывать на вѣрный успѣхъ, преподаваніе необходимо нужно приспособлять къ степени постигающей и воспринимающей способности учащихся, которая бываетъ весьма раз-

лична, соотвѣтственно возрасту. Понятно, что ученикъ 8-ми лѣтъ совсѣмъ иначе относится къ ученію, и совсѣмъ иными вещами интересуется, нежели ученикъ 15-ти лѣтъ; очевидно, что къ работоспособности 17-ти лѣтняго воспитанника требованія должны быть предъявляемы не тѣ, что къ ученику 10 лѣтъ. Способность къ разсужденію при переходѣ въ юношескій возрастъ, разумѣется, отъ природы уже сильнѣе, чѣмъ въ пору дѣтства; подростокъ 13—14 лѣтъ въ силахъ болѣе напрягать свою память и преодолѣвать трудности ученія, нежели малый ребенокъ. Сообразно этому различію силъ и способностей въ зависимости отъ возраста ученика, необходимо долженъ мѣняться характеръ и тонъ преподаванія. Въ реальномъ училищѣ воспитываются и обучаются ученики различныхъ возрастовъ, отъ 10—20 лѣтъ. Конечно, въ различныхъ классахъ преподаваніе исторіи будетъ различаться не только своимъ объемомъ и программою, но также и своимъ характеромъ; такъ, одинъ и тотъ же предметъ, отечественная исторія, напр., проходится въ реальномъ училищѣ дважды. Преподаваніе исторіи въ одномъ классѣ будетъ отличаться отъ преподаванія въ другомъ классѣ не только большею или меньшею полнотою, но и своимъ тономъ. Преподаваніе исторіи въ младшихъ классахъ (I и II-мъ) отнюдь не должно носить принудительнаго характера, не должно требовать отъ памяти усвоенія многихъ именъ, названій и чиселъ, но соотвѣтственно болѣе нѣжной природѣ воспитанника, должно завлекать, заманивать къ изученію исторіи, заинтересовывать, поражая воображеніе мальчика привлекательнымъ разсказомъ о великихъ людяхъ и замѣчательныхъ событіяхъ родной старины. Преподаваніе на средней ступени можетъ уже предъявлять болѣе серьезныя требованія къ памяти и самодѣятельности учениковъ-подростковъ; въ эти годы ученикъ можетъ не только давать себя заинтересовывать картиннымъ разсказомъ, но и съ своей уже стороны долженъ усвоить напряженіемъ воли и памяти въ систематическомъ и постоянномъ трудѣ *скелетъ* исторіи, т. е. хронологію, географическую основу, детали и

подробности событій. Наконецъ, когда уже будетъ накопленъ достаточный запасъ фактовъ, и когда, въ силу естественнаго развитія физическаго организма, будетъ приближаться пора зрѣлости, когда пробудится въ полномъ размѣрѣ способность логическаго анализа и разсужденія, можно приступать и къ высшей ступени историческаго преподаванія, на которой ученикъ, не ограничиваясь простымъ усвоеніемъ фактовъ, сдѣлаетъ попытки историческіе факты связывать и систематизировать подъ руководствомъ преподавателя и въ живой бесѣдѣ съ нимъ.

Обрисованные мною три метода преподаванія исторіи соотвѣтствуютъ тремъ главнымъ ступенямъ развитія, какія пережила въ своемъ развитіи историческая наука. На первой, младенческой своей ступени, у народовъ некультурныхъ знаніе прошлаго выражается въ рядѣ художественныхъ разсказовъ поэтическаго характера, и обыкновенно въ стихахъ, передаваемыхъ устнымъ путемъ отъ предковъ къ потомкамъ, хранящихся въ народной памяти, какъ національное достояніе, связывающее между собою различныя поколѣнія, и одушевляющее ихъ одинаково въ общей любви къ своему народу и родной землѣ. На второй ступени — у народовъ, переходящихъ къ культурѣ, знаніе прошлаго осуществляется въ прозаическомъ разсказѣ, возстанавливающемъ прошлое по возможности критически-точно и полно въ его хронологической послѣдовательности. У народовъ высококультурныхъ — на третьей ступени знаніе прошлаго выражается уже въ построеніи науки исторіи, не ограничивающейся возстановленіемъ старины, но и стремящейся къ пониманію прошлаго, устанавливающей между событіями не только послѣдовательность во времени, но и связь логическую, связь причинъ и слѣдствій, располагающей факты въ системѣ и во взаимной зависимости. Послѣ этихъ вводныхъ общихъ мыслей представляю частныя замѣчанія о постановкѣ преподаванія исторіи въ различныхъ классахъ реальныхъ училищъ.

I и II классы.

Въ I-мъ и II-мъ классахъ реальныхъ училищъ преподается элементарный курсъ русской исторіи. По смыслу министерской образцовой программы курсъ долженъ быть эпизодическимъ, вниманіе учениковъ нужно останавливать на выдающихся событіяхъ отечественной исторіи и при томъ только на свѣтлыхъ ея сторонахъ. Преподаватель съ помощью образнаго разсказа долженъ развивать въ ученикахъ чувство любви и преданности къ своему отечеству. Отсюда ясно, 1) что цѣль этого курса — изложеніе историческихъ явленій не въ ихъ внутренней зависимости другъ отъ друга, а лишь въ ихъ наглядныхъ, рельефныхъ, но общихъ чертахъ, 2) что элементарный курсъ исторіи, излагая лишь крупные и главные факты исторіи, долженъ имѣть болѣе воспитательно-нравственное вліяніе, чѣмъ образовательное значеніе.

Однимъ изъ важныхъ элементовъ этого курса могутъ служить народныя эпическія сказанія, а именно былины (напр. о времени Владимира Св.). Созданныя фантазіей народа, былины представляютъ живые образы и какъ нельзя лучше дѣйствуютъ на воображеніе дѣтей; привлекая ихъ вниманіе, пробуждая въ нихъ сознательный интересъ къ исторіи, онѣ невольно вызываютъ въ умѣ учениковъ представленіе о прошломъ и о связи его съ настоящимъ. Кромѣ народной поэзіи, полезно было бы, разсказывая объ историческихъ дѣятеляхъ и событіяхъ, прибѣгать къ поэтическимъ произведеніямъ нашихъ отечественныхъ классиковъ, изображавшихъ ту или другую историческую личность, то или другое историческое событіе.

Въ біографіяхъ историческихъ дѣятелей слѣдуетъ болѣе обращать вниманіе учениковъ на ихъ нравственныя личныя черты и на этическій характеръ ихъ дѣятельности. Заинтересовавшимся тѣмъ или инымъ историческимъ лицомъ, либо событіемъ ученикамъ должно указывать составленныя сообразно

ихъ возрасту историческія популярныя книжки. Поэтому преподаватель исторіи въ этихъ классахъ обязанъ имѣть точное представленіе о наличности историческихъ пособій въ ученической библіотекѣ и долженъ позаботиться о немедленной выпискѣ недостающихъ, но подходящихъ книжекъ.

Какъ скоро ученики I-го класса получатъ болѣе или менѣе точное представленіе о географической картѣ вообще, преподаватель исторіи долженъ показывать имъ на картѣ всѣ историко-географическія данныя и потомъ заставлять указывать учениковъ.

Относительно хронологіи должно замѣтить, что память учениковъ I и II классовъ не слѣдуетъ чрезмѣрно отягчать большимъ количествомъ числовыхъ данныхъ; можно заставлять запоминать года только важнѣйшихъ событій отечественной исторіи, какъ напр., годъ начала русскаго государства, крещенія Руси, нашествія татаръ и т. д. На этой ступени преподаванія исторіи весьма важно въ цѣляхъ большей наглядности и болѣе легкаго запоминанія обставлять разсказъ возможно большимъ числомъ учебныхъ пособій, къ числу которыхъ нужно, кромѣ хорошей и подробной карты, отнести еще картины, изображающія историческія событія, портреты и бюсты великихъ дѣятелей, а также и различный археологическій матеріалъ, если таковой имѣется подъ рукой, какъ-то: монеты, старинное оружіе, одежды. Если въ самомъ городѣ или его окраинахъ имѣются старинныя зданія, монастыри, церкви и т. д., или мѣстности, площади, поля, служившія театромъ историческихъ дѣяній, то необходимо устраивать подъ руководствомъ преподавателя экскурсіи, напр., во время воскресеній или праздниковъ, при чемъ осмотръ древностей надо сопровождать подробнымъ объясненіемъ преподавателя.

Единственной внѣшней формой изложенія историческаго матеріала для I и II-го классовъ можетъ быть разсказъ самого преподавателя. Такое значеніе историческаго разсказа на этой ступени обученія вытекаетъ изъ духовной природы ребенка

въ этомъ возрастѣ; воображеніе его наиболѣе податливо къ живому словесному разсказу, въ которомъ рельефно выражаются не только самые факты и мысли разсказывающаго, но и его личное отношеніе къ нимъ то въ тонѣ разсказа, то въ живости изложенія. Недаромъ дѣти и всѣ младенчествующіе народы любятъ устные разсказы. Въ грамматическомъ отношеніи разсказъ преподавателя долженъ отличаться чистымъ произношеніемъ, правильностью удареній и яснымъ выговоромъ. Въ стилистическомъ отношеніи разсказъ долженъ отличаться плавностью, пластичностью изображенія и долженъ быть изложенъ простыми и короткими фразами; можно не бояться вдаваться въ детали.

Часть урока необходимо посвящать на усвоеніе учениками историческаго матеріала тутъ же въ классѣ, такъ чтобы дома ученикамъ не приходилось долго трудиться надъ приготовленіемъ урока по исторіи. Для этого преподаватель послѣ собственнаго разсказа долженъ предлагать всему классу вопросы изъ разсказаннаго имъ, а затѣмъ заставлять одного ученика, и притомъ именно изъ числа малоуспѣвающихъ, передать своими словами весь разсказъ или часть его, если разсказъ сложный. При спрашиваніи учениковъ нужно, не ограничиваясь новымъ урокомъ, предлагать имъ также и вопросы изъ усвоеннаго ими ранѣе, причемъ при воспроизведеніи пройденнаго слѣдуетъ избѣгать подробностей. Вообще нужно пріучать учениковъ къ тому, чтобы у нихъ не было „стараго“ урока, т. е. такого, содержаніе котораго извинительно и запамятовать.

III-ій классъ.

Въ III-мъ классѣ проходится древняя исторія Востока и Греціи — и не въ видѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, а въ видѣ полнаго и связнаго, хотя и сжатаго, элементарнаго курса. Въ этомъ возрастѣ историческій матеріалъ преподается уже не въ видѣ заманчивыхъ и завлекательныхъ разсказовъ, имѣющихъ цѣлью заохотить учениковъ къ древней исторіи. На долю этого

класса выпадаетъ уже не одна пріятная сторона дѣла, а также трудъ усвоенія и запоминанія многихъ хронологическихъ чиселъ, историко-географическихъ данныхъ, именъ и событій. Весь этотъ матеріалъ, всетаки довольно обширный, приходится усваивать памятью и при томъ неоднократнымъ ея напряженіемъ путемъ повторенія. Въ прежнее время и все изученіе исторіи сводилось только къ усвоенію на память чиселъ и именъ путемъ „зубрежки“, въ результатѣ чего появлялось у воспитанниковъ полнѣйшее отвращеніе ко всякой исторіи на всю жизнь. Во избѣжаніе такого печальнаго результата необходимо принимать нѣкоторыя предупредительныя мѣры, о которыхъ скажемъ ниже.

Что касается способа преподаванія, то и въ этомъ классѣ разсказъ преподавателя удерживается, хотя ему не придается значенія исключительной формы сообщенія историческихъ знаній, какъ въ I и II классахъ.

Въ пособіе и облегченіе памяти учащихся долженъ прійти толковый и хорошо, понятно составленный учебникъ.

Въ своемъ разсказѣ преподаватель долженъ избѣгать излишнихъ подробностей, и если можно, излагая событіе или біографію, разлагать ихъ въ видахъ лучшаго усвоенія на моменты и элементы, при чемъ уже на этой ступени, на частныхъ и отдѣльныхъ примѣрахъ можно проводить идею о закономѣрности историческихъ явленій и о существованіи между фактами исторіи причинной зависимости. Разсказанное, какъ и въ I и II классахъ, слѣдуетъ еще разъ воспроизводить тутъ же, по возможности, въ тѣхъ же схемахъ, но, разумѣется, въ собственномъ пересказѣ учениковъ.

Всѣ географическія данныя преподаватель долженъ показывать самъ на картѣ, а года, равно имена, особенно трудныя по произношенію, выписывать на доскѣ, снабжая слова удареніемъ. При воспроизведеніи необходимо слѣдить за правильнымъ произношеніемъ именъ личныхъ и географическихъ.

Но одного класснаго разсказа и воспроизведенія мало.

Чтобы окончательно и прочно усвоить себѣ года, имена, факты, ученикъ долженъ повторить сообщенное — еще у себя на дому по учебнику путемъ неоднократнаго чтенія его. То, что̀ ученикъ, быть можетъ, изъ объясненій помнитъ обрывочно, при повторномъ чтеніи укрѣпится и при томъ въ порядкѣ, въ системѣ, а то, что̀ онъ упустилъ или позабылъ, онъ вспомнитъ, читая по книгѣ. Преподаватель, указывая руководство, непремѣнно долженъ самъ хорошо усвоить его себѣ и постоянно имѣть его въ виду при своихъ объясненіяхъ. Очень полезнымъ надобно признать послѣ разсказа преподавателя и его повторенія учениками чтеніе самого текста учебника въ классѣ съ учениками передъ задаваніемъ урока на домъ, при чемъ тщательно объясняются всѣ непонятныя мѣста и слова, а излишній матеріалъ во избѣжаніе отягощенія памяти вычеркивается. Особенное значеніе такое разъясненіе учебника имѣетъ въ училищахъ съ контингентомъ инородцевъ. Учебникъ долженъ быть усвоенъ учениками въ указанныхъ размѣрахъ толково и сознательно. Если при спросѣ окажется, что кое-что позабыто или не усвоено, преподаватель долженъ немедленно указывать это мѣсто въ учебникѣ. При спросѣ и разсказѣ преподавателя всѣ учебники должны быть спрятаны въ ящикъ; вынимать ихъ въ классѣ надобно по приглашенію преподавателя при задаваніи, для совмѣстнаго чтенія и размѣтки. Показываемое на картѣ ученики должны отмѣчать у себя въ атласѣ.

Чтобы поддерживать интересъ учениковъ къ исторіи, необходимо указывать желающимъ книги и разсказы историческаго содержанія, приспособленные къ возрасту и пониманію учениковъ III-го класса. Кромѣ того, въ удобныхъ мѣстахъ курса полезно читать отрывки изъ классическихъ писателей въ русскомъ переводѣ, очистивъ ихъ ad usum Delphini, а также давать эти переводы ученикамъ для домашняго чтенія (напримѣръ, Ксенофонта, Плутарха, Геродота и пр.). Полезно при разсказѣ показывать рисунки изъ древней исторіи.

Чтобы не запугать и не отбить отъ исторіи учениковъ, изъ числа коихъ найдутся нѣкоторые, обладающіе слабою памятью, отнюдь не слѣдуетъ придавать главенствующаго и рѣшающаго при постановкѣ балловъ значенія хронологіи и именамъ, подчеркивая, что дѣло въ пониманіи, а не въ механическомъ усвоеніи, и что счастливая память вовсе еще не образуетъ историка.

Числа и имена усваиваются опять-таки только самыя необходимыя и неизбѣжныя. Для болѣе твердаго и легкаго ихъ усвоенія прилагаются нѣкоторые вспомогательные пріемы, какъ то: ученики, напр., ведутъ тетрадки, гдѣ сами отмѣчаютъ важнѣйшія событія, дѣйствующихъ лицъ, года и мѣстности — нѣчто вродѣ конспекта, при чемъ отмѣчаются аналогическія и параллельныя событія взаимными упоминаніями другъ при другѣ; можно также давать письменныя работы на классной доскѣ, какъ то: перечислить рядъ правителей, составить генеалогическія таблицы и т. д.

Спрашиваніе надо вести такъ, чтобы оно было не діалогомъ между преподавателемъ и однимъ изъ учениковъ, а собесѣдованіемъ съ цѣлымъ классомъ. Въ случаѣ, если не даетъ отвѣта вызванный ученикъ, слѣдуетъ обращаться съ частными вопросами къ другимъ ученикамъ, пока мы не добьемся правильнаго отвѣта. При спрашиваніи для приданія интереса можно прибавлять новыя, но общеинтересныя данныя, характерныя для разбираемаго лица или событія. Подсказываніе и всякаго рода попытка къ обману, какъ то: считываніе съ книги должны быть строго караемы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда отвѣтъ требуетъ смекалки или касается давно пройденнаго, можно допустить и хоровые или массовые отвѣты, которые необходимо отличать отъ злостнаго подсказыванія въ цѣляхъ обмана преподавателя и постановки товарищу незаслуженнаго имъ по своимъ познаніямъ балла. Ученики въ своихъ отвѣтахъ обязательно должны говорить полными и связными предложеніями и правильно произносить русскія и иностранныя собственныя имена и названія мѣстностей съ

вѣрнымъ удареніемъ на нихъ. Остальныя замѣчанія относительно преподаванія всеобщей исторіи вообще изложены въ рубрикѣ IV и V классовъ.

IV и V классы.

Въ IV и V классахъ положено по программѣ проходить курсъ исторіи Рима и Среднихъ вѣковъ приблизительно въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ въ III-мъ классѣ ранѣе проходилась древняя. Что касается общихъ методическихъ пріемовъ преподавателя, то и здѣсь могутъ найти себѣ примѣненіе всѣ способы, какіе указаны для III-го класса. Но нельзя не замѣтить, что успѣшное преподаваніе въ этихъ классахъ много труднѣе, чѣмъ въ предыдущихъ классахъ, и по обширности программы, и по краткости времени (здѣсь такъ же, какъ и въ III-мъ классѣ, все приходится проходить за-ново). Цифровыхъ хронологическихъ данныхъ надобно здѣсь усваивать еще болѣе; равнымъ образомъ ученикамъ необходимо запомнить несравненно больше собственныхъ именъ и географическихъ названій, и вдобавокъ послѣднія уже не русскаго происхожденія, а принадлежатъ разнымъ языкамъ, восточнымъ, греческому, латинскому, германскимъ, французскому, англійскому, которыхъ звуки подчасъ совершенно чужды русскому уху, и усвоеніе представляетъ бо̀льшія трудности. Поэтому преподаватель обязанъ иностранныя слова выписывать на классной доскѣ въ русской транскрипціи и съ вѣрнымъ удареніемъ.

Значительная величина подлежащаго усвоенію матеріала и его сравнительно бо̀льшая трудность заставляютъ въ этихъ классахъ предъявлять къ активной работоспособности и къ самодѣятельности учащихся на дому еще бо̀льшія требованія, чѣмъ въ предыдущихъ классахъ. Впрочемъ, зато ученики въ этихъ классахъ старше возрастомъ, обладаютъ бо̀льшими физическими силами и умственно зрѣлѣе.

Разсказъ преподавателя и воспроизведеніе разсказаннаго

въ классѣ остаются и здѣсь въ качествѣ главныхъ пріемовъ къ усвоенію. Но и на дому ученики должны аккуратно готовиться по учебнику, не ограничиваясь сообщеніями преподавателя; они, какъ болѣе взрослые, должны отъ себя, своими личными усиліями содѣйствовать классной работѣ преподавателя. Для домашняго чтенія должны быть выдаваемы въ пополненіе учебниковъ книги, трактующія тѣ же событія подробнѣе и на основаніи первоисточниковъ, о чемъ см. ниже.

На урокахъ всеобщей исторіи весьма важны въ возможномъ обиліи различнаго рода наглядныя пособія — карты, картины, портреты, модели и т. д. Дѣло касается культуръ, совершенно чуждыхъ русскимъ ученикамъ. Вдобавокъ въ реальномъ училищѣ преподаватель исторіи совершенно лишенъ и того содѣйствія, какое въ классической гимназіи оказываетъ изученіе древнихъ языковъ, по крайней мѣрѣ, при прохожденіи одного отдѣла исторіи, исторіи древняго міра. Чтобы хоть сколько-нибудь перенести воображеніе и мысль ученика-подростка въ Элладу или въ Римъ и во времена до Рождества Христова было бы желательно располагать запасомъ иллюстрацій, точныхъ снимковъ съ уцѣлѣвшихъ памятниковъ древняго міра, моделей зданій, статуй, бюстовъ и т. д. То же самое относится и къ усвоенію чуждой для современнаго русскаго эпохѣ среднихъ вѣковъ въ Западной Европѣ и т. д.

Въ дополненіе къ своимъ объясненіямъ преподаватель долженъ указать ученикамъ и источники, черпая изъ которыхъ, они могли бы утолить свою любознательность. Въ этомъ возрастѣ ученики могутъ съ пользою для себя читать уже не популярныя книжки, а кое-что изъ первоисточниковъ и ученыхъ статей. Такъ при изученіи древняго міра необходимо указать, что въ русскомъ переводѣ имѣются сочиненія Плутарха, Геродота, Ѳукидида, Ксенофонта, Полибія, Тита Ливія, Цезаря, Тацита, Саллюстія, Непота. Для ознакомленія съ классической культурой можно порекомендовать читать русскіе переводы

поэтовъ Гомера, Эсхила, Софокла, Вергилія, Горація, Овидія. По средней и новой исторіи можно рекомендовать изданіе Стасюлевича, хрестоматіи Гуревича, Виноградова и другіе подобные труды. Придавая особенно важное значеніе повторенію, слѣдуетъ при спрашиваніи новаго урока касаться и прежде пройденнаго матеріала, вызывая въ памяти учащихся событія, либо аналогическія, либо послужившія разбираемому причиною, либо происшедшія около того же времени въ другой странѣ. Нѣкоторую пользу при этомъ могутъ оказать такъ называемыя синхронистическія таблицы. Спрашиваніе и въ этихъ классахъ должно быть общимъ дѣломъ всего класса, а не занятіемъ отдѣльнаго лица.

Изъ хронологіи берется только безусловно-необходимое, ограничиваясь минимумомъ требованій. Зато надо добиваться осмысливанія хронологическихъ данныхъ, такъ чтобы онѣ были не только дѣломъ памяти, но и соображенія. Необходимо стремиться достигнуть того, чтобы ученикъ относилъ событіе къ тому или другому вѣку или эпохѣ сознательно, а не механически, не наобумъ. Годъ долженъ представляться воображенію не голою цифрою, а какъ значекъ того или иного событія, онъ долженъ вызывать вмѣстѣ съ собою всѣ тѣ событія, а вмѣстѣ съ событіями должны всплывать сами собою и соотвѣтствующіе года. Объемъ хронологическихъ данныхъ можно расширять постепенно, напр., при повтореніи. Весьма полезно заставлять учениковъ самихъ составлять себѣ синхронистическія таблицы въ особыхъ тетрадяхъ на дому, или на классной доскѣ подъ наблюденіемъ преподавателя. Всѣ упоминаемыя мѣстности ученикъ долженъ умѣть показывать на картѣ.

При прохожденіи курса всеобщей исторіи необходимо связывать его съ имѣющимися уже знаніями по русской исторіи. Это лучше закрѣпитъ получаемыя свѣдѣнія по всеобщей исторіи, а вновь образующіяся ассоціаціи послужатъ къ повторенію русской исторіи и вселятъ убѣжденіе въ томъ

немаломъ значеніи, какое имѣетъ наше отечество среди другихъ европейскихъ государствъ. При общей характеристикѣ большихъ періодовъ европейской исторіи необходимо оглядываться на то, что̀ въ то же время происходило въ Россіи. Эти историческія параллели можно въ цѣляхъ развитія историческаго мышленія приглашать дѣлать и самихъ учениковъ при повтореніи разсказаннаго преподавателемъ.

Отвѣты учениковъ должны быть краткіе, точные, опредѣленные; особенное вниманіе надо прилагать къ тому, чтобы слѣдить за правильнымъ произношеніемъ иностранныхъ наименованій и за постановкою въ нихъ вѣрныхъ ударѐній, избѣгая такихъ ошибокъ, какъ напр., Регу̀лъ и т. п. Не надо поощрять пустыхъ фразъ и краснобайства, принимаемаго нѣкоторыми за умѣнье хорошо разсказывать. Отъ разсказа ученика надо требовать прежде всего не художественности, а дѣловитости, логичности въ связываніи фактовъ и точности въ передачѣ событій. Къ сожалѣнію нѣкоторые преподаватели исторіи легко поддаются искушенію замѣнять преподаваніе исторіи чтеніемъ лекцій по этому предмету, при чемъ за лекціями слѣдитъ нерѣдко меньшинство учениковъ, а большинство либо занимается во время лекціи посторонними дѣлами, либо скучаетъ и думаетъ о другомъ. Подражая лекціи учителя, и ученики пускаются въ долгіе разсказы вмѣсто краткихъ логическихъ отвѣтовъ. Вообще ошибочно считать идеаломъ ученическаго отвѣта по исторіи р а з с к а з ъ, граничащій съ художественностію, тогда какъ хорошимъ отвѣтомъ на самомъ дѣлѣ является по исторіи краткій и логическій отчетъ или изложеніе фактовъ въ хронологической послѣдовательности, синхроническомъ совпаденіи и причинной зависимости.

Концентрація же вниманія учениковъ въ классѣ вообще представляетъ собою самую трудную задачу преподавателя, и въ среднихъ классахъ эта задача ничуть не облегчается, если еще не усложняется. Главнѣйшими средствами къ поддержанію вниманія ученика служитъ, кромѣ качества сообщеній самого преподавателя, введеніе новыхъ деталей при повтореніи

и спросѣ учениковъ, а такъ же постоянные частные вопросы, направляемые не къ одному, а къ разнымъ ученикамъ. Важнѣйшіе факты, имена и года всѣ ученики должны пріучиться отвѣчать во всякое время и при самыхъ неожиданныхъ комбинаціяхъ.

VI классъ.

Въ этомъ классѣ полагается проходить систематическій курсъ русской исторіи. Нѣкоторыя свѣдѣнія, по крайней мѣрѣ, о главнѣйшихъ лицахъ и событіяхъ русской исторіи должны быть извѣстны еще изъ перваго, эпизодическаго курса. Синхронистическія сопоставленія съ событіями всемірной исторіи, если таковыя дѣлались въ предыдущихъ классахъ, уже опредѣлили и укрѣпили въ представленіи учениковъ хронологическую канву русской исторіи. Эту канву предстоитъ теперь наполнять новыми важными годами, вставляемыми въ нее уже болѣе или менѣе сознательно (памятуя всетаки, что хронологія сама по себѣ не есть еще исторія). Въ VI классѣ предстоитъ заполнить пустые пока еще интервалы между извѣстными уже эпизодами и вообще расширить и углубить познаніе русской исторіи, пріобрѣтенное еще ранѣе.

Главная трудность преподаванія въ этомъ классѣ лежитъ не столько въ обиліи матеріала, сколько въ необходимости постоянной заботы о правильной оцѣнкѣ событій, въ виду той особенной важности, какимъ обладаетъ знаніе прошлаго своей родины для каждаго гражданина русскаго государства. Преподаваніе отечественной исторіи въ культурныхъ странахъ всего міра считается дѣломъ высшей важности и большой трудности, потому что именно въ преподаваніи отечественной исторіи и закладывается фундаментъ того отношенія къ отечеству, въ какое поставитъ себя по выходѣ изъ школы воспитанникъ: только при правильномъ пониманіи судебъ прошлыхъ можно вѣрно оцѣнить значеніе настоящаго момента, и только зная исторію своей родины, можно любить ее с о з н а т е л ь -

ною любовью, можно ясно представить себѣ культурную миссію своей страны и свои передъ нею обязанности.

Общій характеръ преподаванія остается отчасти тѣмъ же, что̀ и въ предшествующихъ классахъ, т. е. ученики ознакомляются съ историческими лицами и фактами въ ихъ хронологической послѣдовательности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая во вниманіе бо̀льшую зрѣлость учениковъ этого класса — при хорошемъ составѣ — можно придавать преподаванію до нѣкоторой степени характеръ научный, что̀ требуется и высокимъ воспитательнымъ значеніемъ курса отечественной исторіи. При необходимости нравственной оцѣнки событій и явленій этой исторіи нельзя ограничиваться одною связью внѣшнею или хронологической; надобно связывать событія въ ряды (Thatsachenreihen, какъ выражаются нѣмецкія методики исторіи) по ихъ взаимной зависимости причинной, надобно устанавливать порядки явленій похожихъ и аналогичныхъ. При разборѣ изучаемаго матеріала надо обрабатывать его логически съ различныхъ точекъ зрѣнія, по категоріямъ подобія, причины и слѣдствія, нравственнаго добра и зла, идеямъ самобытности, заимствованности, національности, цѣлесообразности, согласія съ завѣтами религіи и т. д.

При изученіи исторіи въ этомъ классѣ, разумѣется, нельзя ограничиваться однимъ учебникомъ. Матеріалъ, заключающійся въ нашихъ школьныхъ учебникахъ по русской исторіи, далеко не охватываетъ собою всѣхъ проявленій народной жизни и души: мы встрѣчаемся въ учебникахъ, преимущественно, лишь съ исторіей военной, дипломатической, административной, дворцовой, отчасти съ генеалогіей, да и эти стороны не разсматриваются въ полнотѣ. Не достаетъ обыкновенно обстоятельнаго разсмотрѣнія культурныхъ данныхъ, исторіи частнаго и общественнаго быта, умственнаго развитія массъ, религіозныхъ теченій, исторіи права и экономической жизни. Нѣкоторое содѣйствіе въ этомъ случаѣ преподавателю исторіи оказываетъ преподаваніе исторіи литературы. Преподаватель русской исторіи при случаѣ долженъ

приводить ученикамъ на память уже извѣстныя имъ данныя изъ исторіи родной литературы. Экономическая сторона русской культуры только теперь еще начата разработкою въ нѣкоторыхъ монографіяхъ, главныя данныя которыхъ могутъ быть приняты учениками къ свѣдѣнію съ интересомъ. Пособіемъ въ этомъ случаѣ является новый курсъ Ключевскаго. Гораздо болѣе разработана исторія русскаго права, быть можетъ, болѣе важная для учениковъ. Обратившись къ одному изъ курсовъ этой науки, напр., къ большому учебнику Владимирскаго-Буданова, преподаватель можетъ почерпнуть отсюда и сообщить своимъ ученикамъ главнѣйшія свѣдѣнія по исторіи русскаго уголовнаго и гражданскаго права, — и что̀ еще важнѣе, русскаго государственнаго права, — какъ то о различіи власти удѣльнаго князя отъ московскаго царя и т. п. Кромѣ того, въ нашихъ учебникахъ обыкновенно мало удѣляется мѣста попыткѣ собиранія Руси въ литовско-русскомъ государствѣ. Далеко небезполезными для преподавателя въ смыслѣ свода старыхъ и новыхъ научныхъ теорій по русской исторіи являются извѣстныя лекціи Платонова.

Вообще, при преподаваніи въ этомъ классѣ учебникъ можетъ являться не основаніемъ, а только канвою для обученія. Разсказъ преподавателя не долженъ быть повтореніемъ словъ учебника, но является расширеніемъ и обогащеніемъ его массою новыхъ данныхъ, возстанавливающихъ прошлую жизнь въ возможной полнотѣ. При спросѣ данныя учебника являются лишь допустительнымъ минимумомъ, но хорошіе успѣхи обнаружитъ лишь тотъ, кто докажетъ своею передачею, что не напрасно онъ сидѣлъ въ классѣ при разсказѣ учителя и что онъ пріобрѣлъ ясное и полное представленіе о событіяхъ, служащихъ въ данномъ случаѣ урокомъ. При хорошемъ составѣ класса можно задавать ученикамъ подчитываться по учебнику впередъ, читать еще не разсказанное. Тогда, предполагая данныя учебника уже извѣстными, разсказъ преподавателя можетъ стать еще болѣе подробнымъ и синтетическимъ.

Проходя русскую исторію въ VI классѣ, преподаватель долженъ прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы пробудить любовь и интересъ учениковъ къ исторіи родного государства и русскаго народа. Идеаломъ являются въ этомъ отношеніи такія занятія учениковъ, которыя не ограничиваются усвоеніемъ учебника и записываніемъ важнѣйшихъ мѣстъ разсказа преподавателя, но и распространяются съ помощью домашняго прилежанія на чтеніе указанныхъ преподавателемъ сочиненій и монографій по русской исторіи, либо отдѣльныхъ томовъ большихъ курсовъ Карамзина, Соловьева, Павлова, Иловайскаго и т. д. Особо даровитые и интересующіеся исторіею ученики могутъ быть даже допущены къ чтенію въ классѣ рефератовъ о прочитанныхъ ими трудахъ по русской исторіи, при чемъ, однако, слѣдуетъ воздерживать учениковъ отъ самостоятельнаго разглагольствованія и критиканства, но заставлять ихъ держаться въ предѣлахъ толковаго воспроизведенія оригинала. Слѣдуетъ также рекомендовать ученикамъ чтеніе солидныхъ историческихъ журналовъ, какъ то „Русская Старина“, особенно за прошлые годы. Человѣкъ, начавшій съ этихъ лѣтъ находить удовольствіе въ чтеніи подобныхъ журналовъ, вѣроятно, сохранитъ интересъ къ русской исторіи и до конца дней.

Несомнѣнно, пріохачиваетъ къ изученію русской исторіи и ознакомленіе съ подлинными памятниками, отрывки изъ которыхъ — наиболѣе близкіе и понятные для современнаго читателя можно читать на урокахъ, оживляя этимъ чтеніемъ монологическую свою рѣчь. Избранныя мѣста изъ первоисточниковъ, разумѣется, въ случаѣ надобности, надо сопровождать объясненіями лексикографическими, грамматическими, реальнымъ и историческимъ комментаріемъ и т. п.

VII классъ.

Въ этомъ классѣ проходится спеціальный курсъ русской и всеобщей исторіи за два послѣднія столѣтія, XVIII и XIX вѣка. За эти вѣка сложился нынѣшній политическій міръ и

произошло множество перемѣнъ, имѣвшихъ самое рѣшительное значеніе не только для своего и для нашего времени, но, несомнѣнно, и для предстоящаго намъ будущаго, — вступленіе Россіи въ кругъ европейскихъ государствъ, революція во Франціи, нарожденіе Сѣверо-Американскаго государства, возвеличеніе и объединеніе Германіи, объединеніе Италіи, возрожденіе Японіи, разложеніе и упадокъ Австріи и Турціи и т. д. Народилось за это время много новыхъ ученій и направленій, неизвѣстныхъ ранѣе и могущихъ вліять на положеніе вещей въ будущемъ. За указанные два вѣка велись великія войны, совершено множество величайшихъ изобрѣтеній въ области науки, техники и промышленности, совершенно пересоздавшихъ нашу внѣшнюю культурную обстановку. Знаніе исторіи этихъ двухъ столѣтій имѣетъ наиболѣе важное практическое значеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ много матеріала для размышленія и научнаго развитія.

Внѣшняя канва, факты и событія, главные, а частію и второстепенные, уже извѣстны ученикамъ при нормальномъ прохожденіи курсовъ предшествовавшихъ классовъ. Вторичное прохожденіе должно укрѣпить знанія, уже имѣющіяся, и расширить историческій горизонтъ учащихся введеніемъ новыхъ матеріаловъ. Спеціальное изученіе XVIII и XIX вѣковъ должно, по возможности, широко охватывать всѣ проявленія культурнаго человѣчества за это время. Группированіе фактовъ съ разнообразныхъ точекъ зрѣнія можетъ дать общую синтетическую картину жизни наиболѣе близкаго намъ періода и привести насъ къ полному и основательному пониманію нашего настоящаго, корни котораго скрыты въ прошломъ.

Трудныя задачи, возлагаемыя этимъ спеціальнымъ преподаваніемъ, предъявляютъ большія требованія къ преподавателю исторіи въ VII классѣ реальнаго училища. Здѣсь требуются отъ преподавателя знанія не только обще-историческія; ему приходится до извѣстной степени быть и словесникомъ, и философомъ, и техникомъ, и экономистомъ, и юристомъ и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, трактуя о XVIII вѣкѣ, нельзя не разъяснить

философскихъ теченій того времени, сыгравшихъ такую рѣшительную роль при сверженіи стараго режима, нельзя не коснуться энциклопедистовъ, Руссо; говоря объ Екатеринѣ II, нельзя обойти вопроса объ ея литературной дѣятельности и ея взглядахъ, объясняющихъ многое въ ея мѣропріятіяхъ; при спеціальномъ изученіи французской революціи приходится разобрать вопросы о различіяхъ монархіи абсолютной, конституціонной, и республики. Излагая англійскую исторію, приходится касаться значенія парламентаризма, теорій свободной торговли и охранительной системы, а такъ же значенія машинъ; при революціонныхъ теченіяхъ 1848 г. нельзя не касаться соціализма, пролетаріата и т. д. Всѣ эти вопросы имѣютъ притомъ не одно только чисто историческое значеніе, но и представляютъ собою моменты животрепещущей дѣйствительности, и потому требуютъ не только одного изложенія, но и критики, и надлежащаго освѣщенія. Для удовлетворенія такимъ потребностямъ программы, разумѣется, преподавателю нельзя оставаться при рутинѣ учебниковъ, но приходится много и энергически работать, ища себѣ знанія въ обширныхъ курсахъ исторіи этого періода и въ разныхъ спеціальныхъ сочиненіяхъ.

Постановка самаго преподаванія исторіи въ этомъ классѣ много зависитъ отъ состава учениковъ, ихъ способностей, интересовъ, прежней успѣшности въ занятіяхъ исторіею и т. д. Конечно, живое слово учителя, его разсказъ никогда не теряютъ своего значенія, но для взрослыхъ юношей обыкновенно уже въ болѣе или менѣе зрѣломъ возрастѣ недостаточно одного того, что̀ преподается въ классѣ и имѣется въ учебникѣ. Необходимы и самостоятельныя занятія, чтеніе книгъ, указываемыхъ преподавателемъ; очень полезными въ этомъ классѣ оказываются рефераты о прочтенныхъ книгахъ, если рефераты удается устроить и если находятся ученики, располагающіе временемъ и охотою читать книги, излагать ихъ содержаніе и передавать его въ присутствіи преподавателя своимъ товарищамъ въ классѣ. Полезно и обсужденіе прочитанныхъ

рефератовъ другими учениками, особенно, если то же сочиненіе или та же глава того же сочиненія прочитана не однимъ лишь составителемъ реферата, но и нѣкоторыми изъ его товарищей. Вообще въ этомъ выпускномъ классѣ, изъ котораго многимъ приходится поступить прямо въ жизнь въ качествѣ практическихъ дѣятелей, надо уже пріучать учениковъ къ болѣе или менѣе самостоятельному разсматриванію историческихъ событій, для этого снабдивъ ихъ, конечно, нѣкоторыми общими точками зрѣнія. Вообще же все преподаваніе исторіи въ этомъ классѣ должно носить научный характеръ, поскольку вообще научность преподаванія допустима въ средней школѣ. При обсужденіи каждаго факта нельзя ограничиваться однимъ только констатированіемъ его и изложеніемъ, т. е. л ѣ т о п и с н ы м ъ методомъ, но необходимо указывать причины, вызвавшія его, и слѣдствія, произведенныя имъ. Но нельзя при этомъ упускать изъ виду и синхронизма событій, а такъ же необходимо установить тѣсную связь между событіями исторіи русской и общеевропейской. Суть научнаго анализа, идея законообразности и причинной зависимости должна быть установлена въ умѣ учениковъ и иллюстрирована на конкретныхъ примѣрахъ, какъ приведенныхъ преподавателемъ, такъ и подысканныхъ самими учащимися.

Спросъ учениковъ этого класса не можетъ ограничиваться однимъ лишь отвѣтомъ на вопросы учителя. Здѣсь необходимо уже требовать отъ учениковъ болѣе или менѣе обстоятельнаго разсказа, но опять таки не художественнаго, а логическаго. Каждый отвѣтъ ученика долженъ представлять собою обдуманную обработку темы, данной преподавателемъ, въ видѣ ли характеристики, біографіи или историческаго разсужденія. Поэтому въ этомъ классѣ необходимо, вызывая ученика, дать ему время обдумать, собрать въ умѣ относящіеся къ темѣ факты, выработать логическую схему или планъ отвѣта. Всего лучше въ началѣ пріучать учениковъ составлять такую схему въ краткомъ видѣ на классной доскѣ. Ученики способные и интересующіеся дѣломъ скоро при-

выкнутъ вырабатывать требуемую схему умственно, безъ доски. Отвѣтъ долженъ быть строго-логическій, и факты приводиться въ качествѣ доказательства того или другого вывода ученика. Только такимъ образомъ можно пріучить воспитанника къ исторической наукѣ, къ историческому мышленію и сознательному пониманію прошлаго.

Но въ заключеніи нашихъ замѣтокъ напомнимъ опять, что многое изъ указаннаго нами остается при преподаваніи только дезидератами, не всегда достижимыми, и не все удается провести — въ силу разныхъ причинъ и притомъ не всегда по винѣ самого преподавателя исторіи, какими бы лучшими намѣреніями онъ ни былъ одушевленъ. Многое не удается иногда изъ-за состава класса, потому что классъ на классъ не приходится: то ученики малоспособны, то они распущены и не интересуются преподаваніемъ, то они не обладаютъ достаточною подготовкой и т. д. Многое зависитъ и отъ установившейся рутины въ преподаваніи исторіи, а руководители, зачастую не компетентные, подчасъ спеціалисты другихъ факультетовъ, иногда даже не позволяютъ преподавателю ввести въ дѣло новые методы преподаванія, требуютъ по старинкѣ одного лишь чисто хронологическаго и наивнаго разсказа, лѣтописной передачи и отъ учителя, и отъ ученика, — да побольше годовъ и фактовъ. Но самою главною виною того, что не всѣ требованія методики исторіи можно осуществить при преподаваніи на дѣлѣ, является все таки недостаточное число часовъ и учебнаго времени, опредѣленнаго на преподаваніе столь важнаго предмета, концентрирующаго значительную часть всего школьнаго обученія, какъ исторія. Времени для преподаванія исторіи не только не бываетъ достаточно, но прямо не хватаетъ, — или иногда и хватаетъ лишь на столько, да и то въ обрѣзъ, чтобы исполнить формальность, успѣть пройти программу, переспросить учениковъ и проставить всѣмъ баллы; прибавимъ къ этому громадные классы, доходящіе до 50 учениковъ и болѣе, не допускающіе при какихъ-либо двухъ или трехъ часахъ въ недѣлю индивидуальнаго ознакомленія съ учени-

ками и приспособленія учащаго къ индивидуальнымъ потребностямъ каждаго. Этимъ и объясняется, что преподаваніе исторіи далеко не приноситъ всей той пользы, какую оно могло бы приносить при нормальной постановкѣ всего учебнаго дѣла въ средней школѣ и преподаванія исторіи въ реальныхъ училищахъ — въ частности.

Владимиръ Бобровъ.

I. Ф. Гербартъ и его педагогическая система [1]).

„Дѣйствительной завершительницей воспитанія служитъ философія, но предотвратить опасности философіи есть обязанность математики. Гербартъ [2]).

Философія подобна гигантскимъ вьющимся растеніямъ тропическихъ странъ, о которыхъ намъ разсказываютъ путешественники. Они вьются своими отпрысками вокругъ стволовъ и вѣтвей дѣвственнаго лѣса, ползутъ съ дерева на дерево ... Точно также и философскія мысли своими отпрысками пронизываютъ всѣ части нашей культуры: всѣ искусства, всѣ государственныя и общественныя учрежденія, также и тихое жилье у домашняго очага.

Штрюмпель [3]).

... при помощи математическихъ наукъ, съ одной стороны, складывается самымъ лучшимъ образомъ удовлетвореніе матеріальныхъ нуждъ общества, съ другой — вносится гармонія и порядокъ въ міросозерцаніе.

Бугаевъ (Мат. Сборн. т. XXI).

Едва ли возможно указать среди всѣхъ дѣятелей въ различныхъ сферахъ теперь объединенной Германской имперіи на протяженіи всего XIX столѣтія такое лицо, вліяніе котораго на складъ семейной, общественной и государственной жизни нѣмецкой націи могло бы равняться съ вліяніемъ Гербарта на весь строй и все современное культурное развитіе Германской имперіи. Это вліяніе Гербарта проявилось не вдругъ, не въ видѣ кратковременной блестящей вспышки въ культур-

---

1) Эта статья представляетъ переработку статьи, помѣщенной въ книгѣ 7-й Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1906 г.

2) Pestalozzi's Idee eines ABC der Anschauung. IV, n° 15.

3) Abhandlungen aus dem Gebiete der Ethik, der Staatswissenschaft, der Aesthetik und der Theologie. Leipzig. 1895. Heft 5. I.

номъ развитіи народа; нѣтъ, оно дѣйствовало медленно, постепенно, но проникло во всѣ самые потаенные уголки соціальной жизни нѣмецкаго народа и способствовало быстрому матеріальному и духовному обогащенію послѣдняго, совершившемуся почти на нашихъ глазахъ [1]).

Научная система воспитательнаго обученія есть названіе великаго творенія Гербарта, столь много способствовавшаго преобразованію при посредствѣ школы всего соціальнаго строя жизни германскаго народа.

И по сіе время въ школахъ Германіи процвѣтаетъ система Гербарта, если не по формѣ, то по духу [2]). Хотя въ настоящее время имѣются уже попытки измѣнить эту систему, но онѣ дали пока возможность преобразовать лишь нѣкоторыя ея детали и не получили еще законченной формы [3]). Изъ этихъ попытокъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ не измѣненіе, а скорѣе развитіе системы Гербарта въ трудахъ одного изъ наиболѣе выдающихся его послѣдователей — его

---

1) См. мое сочиненіе: „Плоды воспитательнаго обученія въ духѣ Коменскаго, Песталоцци и Гербарта (Гольдене Ауэ и Кифф-гойзеръ). Юрьевъ. 1906. (Сборн. т. X)

2) Послѣдователи Гербарта нѣсколько утрировали форму его системы, что создало много враговъ гербартовскаго направленія. Такъ, напримѣръ, школьные инспекторы, приходя на урокъ, требовали, чтобы матеріалъ урока былъ по минутамъ распредѣленъ по формальнымъ ступенямъ Гербарта. Это чрезмѣрное усердіе и формалистика „ортодоксальныхъ гербартіанцевъ“ теперь отжили свое время, и для школьнаго дѣла въ настоящее время имѣетъ значеніе болѣе глубокое пониманіе идей Гербарта.

3) Нѣкоторые изъ современныхъ педагоговъ особенно увлекаются новыми данными экспериментальной психологіи лейпцигскаго профессора Вундта и его теоріей волюнтаризма. Они разсчитываютъ преобразовать систему Гербарта на этихъ новыхъ началахъ. Самъ Вундтъ не раздѣляетъ пока увлеченій своихъ пылкихъ приверженцевъ и говорилъ мнѣ лично, что „педагогическая система Гербарта остается до настоящаго времени самою совершенною и законченною“. Профессоръ Бартъ, извѣстный издатель журнала „Vierteljahrsschrift für wissenschaftl. Philos. und Sociologie“, только-что выпустилъ въ свѣтъ свое сочиненіе „Die Elemente der Erziehungs- und Unterrichtslehre auf Grund der Psycho-

ученика Л. Штрюмпеля, создавшаго новую область педагогическихъ изслѣдованій — Педагогическую Патологію, которая выдвинула, съ одной стороны, вопросы о ненормальностяхъ дѣтей въ педагогическомъ отношеніи, а съ другой — пролила много свѣта и на примѣненіе системы Гербарта въ дѣлѣ обученія-воспитанія дѣтей нормальныхъ.

На изслѣдованіяхъ Штрюмпеля возникло или, лучше сказать, вполнѣ оформилось, новое теченіе въ педагогикѣ, имѣющее названіе „Kinderforschung“, журналъ котораго „Kinderfehler. Zeitschrift für Kinderforschung mit besonderer Berücksichtigung der pädagogischen Pathologie“ былъ основанъ при непосредственномъ содѣйствіи самого Штрюмпеля и приверженцы котораго составляютъ въ Германіи „Verein für Kinderforschung“, устраивающій отъ времени до времени общія собранія своихъ сочленовъ въ различныхъ городахъ. Предпослѣднее собраніе (по счету шестое) имѣло мѣсто въ Лейпцигѣ съ 14 по 16 октября 1904 года, а въ этомъ году въ началѣ октября имѣлъ мѣсто въ Берлинѣ „Kongress für Kinderforschung und Jugendfürsorge“, на которомъ весьма разносторонне обсуждались способы изслѣдованія духовнаго и физическаго міра ребенка и въ частности указывалось на большое значеніе для этихъ изслѣдованій дѣтскихъ садовъ [1]). На этомъ конгрессѣ, по поводу доклада директора лейпцигской школы ручного

logie der Gegenwart“, которое представляетъ полную систему педагогики, построенную на началахъ психологіи и философіи Вундта, но сохранившую еще много существенныхъ принциповъ педагогики Гербарта. Проф. Мёйманъ, издающій журналъ „Archiv für gesammte Psychologie“ и занявшій въ настоящее время каѳедру философіи и педагогики въ Кёнигсбергѣ, особенно усердно занимается экспериментальной педагогикой; онъ издаетъ журналъ „Die experimentelle Pädagogik“.

1) Въ журналѣ „Kindergarten“ (за 1907 годъ, вып. 1, стр. 1) говорится: „Und dass der Kindergarten, diese „pädagogische Kinderklinik“, wie Rudolf Virchow ihn einst treffend nannte, „heute mehr und mehr geschätzt wird als eine Stätte, in der Eltern, Erzieher und Fachgelehrte wertvolle Studien zu machen Gelegenheit finden, das haben wir jüngst auf dem Kongress für Kinderforschung in Berlin mit Befriedigung erfahren können.“

труда Пабста[1]), обсуждался также весьма важный педагогическій вопросъ о значеніи ручного труда въ школьномъ дѣлѣ.

Позволю себѣ привести здѣсь начало рѣчи предсѣдателя лейпцигскаго собранія, директора Трюпера[2]), прекрасно характеризующее направленіе означеннаго общества: „Мм. г-ни и г-ри! Наши стремленія идутъ отчасти противъ теченія настоящаго времени, когда соціализмъ и соціальныя изслѣдованія стремятся завладѣть и подчинить своему вліянію всю нашу общественную жизнь. Благодаря соціализму, равенство всѣхъ сдѣлалось паролемъ для массы, устройство этого равенства должно дать свободу, братство и величайшее счастье множеству. Его обратная сторона и его заблужденіе заключаются въ томъ, что онъ не допускаетъ каждаго индивидуума съ его особенностями добиться своихъ полныхъ правъ."

„Мы слѣдуемъ по пути, совсѣмъ противоположному. Запросъ на изученіе ребенка произошелъ изъ того убѣжденія, что особенности дѣтей не достаточно учитываются при ихъ воспитаніи и обученіи, и вслѣдствіе этого тысячи дѣтей погибаютъ или, по крайней мѣрѣ, получаютъ тѣлесныя и душевныя поврежденія. Подобно тому какъ соціализмъ въ экономической и политической жизни производитъ числовой разсчетъ средней работоспособности, такъ школа и обученіе нерѣдко продѣлываютъ то же самое съ среднею душою, съ нормальною душою, у которой все выдающееся и все ограниченное отсутствуютъ почти сполна и т. д. (Bericht über VI. Versammlung des Vereins für Kinderforschung. Langesalza. 1905).

Въ Лейпцигѣ ученики и послѣдователи Штрюмпеля группируются около научнаго общества „Vereinigung zur Pflege exakter Pädagogik im Leipziger Lehrerverein". При этомъ обществѣ въ 1906 г. уже основанъ „Институтъ

1) См. „Deutsche Schule". X, 11. 1906. A. Pabst. Die psychologische und pädagogische Begründung des praktischen Unterrichts.

2) Директоръ образцово устроеннаго воспитательнаго заведенія въ Іенѣ: „Erziehungsheim und Kindersanatorium auf der Sophienhöhe bei Jena".

для экспериментальной психологіи и педагогики [1]“, который несомнѣнно будетъ способствовать развитію нашихъ свѣдѣній о разнообразіи какъ нормальныхъ способностей, такъ и недостатковъ дѣтей. Этимъ вопросомъ Штрюмпель сталъ заниматься почти съ самаго начала своей научно-педагогической дѣятельности и уже въ 1844 году обнародовалъ статью „Die Verschiedenheit der Kindernaturen“, послѣднее изданіе которой появилось въ 1894 году. Первыя идеи его работъ по этому вопросу, — по словамъ его ученика д-ра А. Шпитцнера [2]), — находятся даже въ неопубликованномъ сочиненіи „Ueber den Begriff des Individuums“, относящемуся къ 1837 году.

Классическое сочиненіе по изученію недостатковъ дѣтей въ педагогическомъ отношеніи — „Pädagogische Pathologie“ написано Штрюмпелемъ на восьмидесятомъ году жизни, и въ настоящее время готовится д-ромъ А. Шпитцнеромъ его четвертое изданіе. Громадное значеніе этого труда Штрюмпеля было неоднократно выясняемо на педагогическихъ съѣздахъ. Такъ, напримѣръ, на съѣздѣ въ Бреславлѣ (Pfingsten 1898) д-ромъ Каалемъ было установлено, что „высокое филантропическое, педагогическое и соціалэкономическое значеніе педагогической патологіи признано теперь всѣми“. Точно также на вышеупомянутомъ лейпцигскомъ съѣздѣ предсѣдательствующимъ Трюперомъ въ его рѣчи было сказано: „Здѣсь проявлялъ свою дѣятельность профессоръ Л. Штрюмпель,

---

1) Занятія въ этомъ институтѣ открыты съ апрѣля 1906 года подъ руководствомъ приватъ-доцента Браана.

2) Д-ръ Шпитцнеръ занимается въ настоящее время изслѣдованіями, совмѣстно съ профессоромъ Лампрехтомъ, по весьма важному вопросу „психологіи народовъ“ (Völkerpsychologie) — о параллелизмѣ въ развитіи народовъ и въ развитіи отдѣльныхъ индивидуумовъ, который даетъ много фактическаго матеріала при осуществленіи идеи Гербарта о культурныхъ ступеняхъ обученія, подробно развитой Циллеромъ (см. дальше въ концѣ гл. II). Между прочимъ, при означенныхъ изслѣдованіяхъ сравниваются развитія способности воспроизводить предметы на рисункахъ (см. Levinstein, Kinderzeichnungen bis 14 Jahren. Leipzig).

который въ своихъ практическихъ занятіяхъ по научной педагогикѣ съ многочисленными учениками вводилъ послѣднихъ въ изученіе дѣтской души, который въ своей „психологической“ педагогикѣ указалъ означенному дѣлу новыя точки зрѣнія и который, имѣя уже почтенный 80-ти лѣтній возрастъ, написалъ классическое сочиненіе для изученія недостатковъ дѣтей. Его „Педагогическая Патологія“, вновь изданная нашимъ сочленомъ д-ромъ Шпитцнеромъ, сдѣлалась прокладывательницею новыхъ путей въ этомъ направленіи“.

Однако, признаваемое въ настоящее время многими педагогами важное значеніе идей Штрюмпеля сначала не было понято даже великимъ учителемъ послѣдняго — Гербартомъ. Когда 22-хъ-лѣтній Штрюмпель, послѣ двухгодичныхъ занятій въ Кёнигсбергѣ у Гербарта, слушалъ лекціи профессора математики въ Лейпцигскомъ университетѣ Дробиша — по математической психологіи и продолжалъ вести оживленную переписку съ Гербартомъ, у него зародились впервые его идеи по усовершенствованію гербартовской психологіи. Штрюмпель былъ убѣжденъ, что эти его идеи не идутъ въ разрѣзъ съ основными принципами психологіи Гербарта, а лишь служатъ необходимыми дополненіями къ послѣднимъ. Но другого мнѣнія былъ его учитель. Когда появилась въ печати въ 1834 г. первая часть обширно задуманнаго сочиненія Штрюмпеля: „Erläuterungen zu Herbart's Philosophie, mit Rücksicht auf die Berichte, Einwürfe und Missverständnisse ihrer Gegner“, Гербартъ осыпалъ упреками своего до того времени любимаго ученика въ томъ, что послѣдній „забылъ“ его психологію, что послѣдній „пошелъ изъ его психологическаго сада по ложному пути“ (aus seinem psychologischen Garten verirrt) и, наконецъ, послѣ нѣкотораго обмѣна письмами прервалъ окончательно сношенія со Штрюмпелемъ.

Такъ какъ въ то время вліяніе Гербарта во всей Германіи было чрезвычайно большое и вездѣ въ педагогиче-

скомъ мірѣ царило „ортодоксальное гербартіанство“, не отступавшее ни на іоту отъ формъ созданныхъ Гербартомъ, то Штрюмпелю пришлось отказаться отъ всякихъ надеждъ на научно-педагогическую карьеру въ предѣлахъ Германіи, и онъ принужденъ былъ переселиться, уже въ слѣдующемъ 1835 г., въ Курляндію, сначала въ качествѣ домашняго учителя у графа Медема. Лишь черезъ десять лѣтъ — въ 1845 г. Штрюмпель получилъ профессору въ Дерптскомъ университетѣ, которую занималъ въ теченіе 25 лѣтъ, и затѣмъ возвратился въ Лейпцигъ, гдѣ жилъ до конца своихъ дней, занимая должность профессора педагогики.

Разрывъ съ Гербартомъ былъ особенно тяжелъ для Штрюмпеля, потому что послѣдній все время до конца своей жизни оставался преданнѣйшимъ почитателемъ генія своего учителя. И по возвращеніи Штрюмпеля въ Лейпцигъ, послѣ его дватцатипятилѣтней плодотворной дѣятельности въ качествѣ профессора Дерптскаго университета, когда имъ было опубликовано много сочиненій объ изслѣдованіяхъ Гербарта, его разрывъ съ Гербартомъ не былъ забытъ многими гарбартіанцами. Тѣмъ не менѣе, въ 1876 г., при открытіи памятника Гербарту въ г. Ольденбургѣ, Штрюмпелю было поручено составленіе и произнесеніе торжественной рѣчи, хотя противъ этого порученія сильно возражалъ ближайшій коллега Штрюмпеля, тоже профессоръ педагогики Лейпцигскаго университета — Циллеръ, припоминая враждебныя отношенія Гербарта къ Штрюмпелю. Въ этой рѣчи Штрюмпель далъ полный просторъ изліяніямъ своего глубокаго уваженія и благодарности къ памяти геніальнаго учителя.

До настоящаго времени вопросъ объ отношеніи педагогической системы Штрюмпеля къ изслѣдованіямъ Гербарта продолжаетъ волновать умы нѣмецкихъ педагоговъ. Такъ, напримѣръ, въ 1904 г. появилась статья О. Флюгеля „Herbart und Strümpell“ [1]) и въ этомъ же году появи-

1) Pädagogisches Magazin. Heft 235. Langesalza. 1904.

лось возраженіе на нее д-ра А. Шпитцнера подъ тѣмъ же заглавіемъ [1]). Особенно рѣзкое сужденіе объ отношеніи изслѣдованій Штрюмпеля къ гербартовскимъ было высказано профессоромъ Цигеномъ: „Штрюмпель", говоритъ Цигенъ, „введеніемъ его: ‚свободно дѣйствующихъ причинностей' — NB. деревянное желѣзо — сдѣлалъ ученіе Гербарта совсѣмъ неузнаваемымъ" [2]).

Въ настоящей статьѣ я имѣю въ виду вполнѣ опредѣленно разрѣшить этотъ вопросъ на основаніи философско-математическихъ изслѣдованій московской математической школы. Я покажу, что разсѣянныя повсюду въ трудахъ Гербарта идеи о прерывныхъ аритмологическихъ закономѣрностяхъ, иногда въ весьма неясныхъ формахъ, составляютъ главное основаніе всѣхъ философскихъ и педагогическихъ изслѣдованій знаменитаго нѣмецкаго философа-педагога. Эти идеи Гербарта удерживали его отъ крайностей матеріализма-детерминизма, съ одной стороны, и трансцендентальнаго идеализма съ другой. Онѣ наложили особый отпечатокъ на научно-философское міровоззрѣніе Гербарта, которому наиболѣе подходящимъ названіемъ можетъ служить реалъ-идеализмъ, пріобрѣтшій довольно законченную форму, въ видѣ аритмологическаго идеализма [3]), въ философскихъ и педагогическихъ трудахъ

1) Allgemeine Deutsche Lehrerzeitung. № 34, 1904.

2) Th. Ziehen. Das Verhältniss der Herbart'schen Psychologie zur physiologisch-experimentellen. S. 71. 1900.

3) Мною изданы на русскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ статьи довольно популярнаго характера объ этихъ изслѣдованіяхъ московской математической школы:

„Математика, какъ основаніе критики научно-философскаго міровоззрѣнія". Юрьевъ. 1903 и 1904. Сборн. т. VII. (Также на нѣмецкомъ языкѣ — Jurjew. 1903.)

„Ueber die Entwickelung des Begriffes der höheren arithmologischen Gesetzmässigkeit in Natur- und Geisteswissenschaften". Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie und Sociologie. 1904.

„Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма московской школы". Юрьевъ. 1905. Сборн. т. IX. (Также на нѣмецкомъ языкѣ въ журналѣ: Vierteljahrsschrift für wissenschaftl. Philosophie und Sociologie. 1905.)

московской математической школы и въ особенности въ трудахъ главы этой школы Н. В. Бугаева.

Именно эту сторону гербартовскихъ изслѣдованій, какъ я выясню это дальше, съ замѣчательнымъ талантомъ сумѣлъ использовать Штрюмпель, можетъ быть, потому, что онъ былъ основательно знакомъ съ высшею математикою, которою занимался еще въ Кёнигсбергѣ, а затѣмъ въ Лейпцигѣ у профессора Дробиша; впрочемъ, надо замѣтить, что въ явной формѣ математическія основанія въ изслѣдованіяхъ Штрюмпеля отсутствуютъ почти сполна.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, что философско-математическія изслѣдованія московской математической школы вообще проливаютъ новый свѣтъ на нѣкоторыя неясныя и необоснованныя идеи въ изслѣдованіяхъ Гербарта и являются до нѣкоторой степени ключемъ къ разгадкѣ неясностей въ трудахъ послѣдняго.

Такимъ образомъ, хотя практика нашего школьнаго дѣла сильно отстала отъ нѣмецкой, хотя у насъ пока нечего и помышлять о высшихъ задачахъ практической педагогики, чтобы ненормальныхъ дѣтей, или малоспособныхъ, путемъ воспитательнаго обученія дѣлать болѣе или менѣе пригодными къ жизни въ семьѣ, обществѣ и государствѣ, осуществленіемъ чего теперь особенно заняты нѣмецкіе педагоги, но для нашего національнаго самосознанія остается, по крайней мѣрѣ, то утѣшеніе, что въ трудахъ московской математической школы имѣется цѣлая сокровищница новыхъ идей, которыя, можетъ быть, дадутъ возможность не только уяснить и вполнѣ обосновать существующія педагогическія системы, но и усовершенствовать ихъ и пробудить интересъ къ нимъ нашихъ педагоговъ-практиковъ. Эту надежду мы можемъ питать тѣмъ болѣе, что и первое слово по воспитательному обученію, и при томъ имѣвшее весьма многія практическія приложенія, было сказано нашимъ собратомъ славяниномъ — Амосомъ Коменскимъ, почти за двѣсти лѣтъ до Гербарта.

Наши педагоги-практики должны въ настоящее время

оставить рутину нашего школьнаго дѣла, которая идетъ въ разрѣзъ съ теоріей и практикой, выработанной въ теченіе вѣковъ нѣмецкой школой; они должны, наконецъ, обратиться къ научнымъ даннымъ современной педагогики.

Тотъ фактъ, который мы имѣемъ налицо въ нашихъ школахъ, что ученики отказываются учиться, прекрасно свидѣтельствуетъ о томъ, что духовная пища предлагается имъ, такъ сказать, въ неудобоваримомъ видѣ. Въ Германіи, по крайней мѣрѣ, распространено мнѣніе (идетъ оно, кажется, отъ Песталоцци), что „душа ребенка также нуждается въ знаніи, какъ его желудокъ въ пищѣ, и если нормальный ученикъ не имѣетъ желанія учиться, то это значитъ, что ему сообщаютъ знанія въ такой формѣ, которая не соотвѣтствуетъ природѣ человѣческой души“.

Не въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ и не исподволь, а сразу и кореннымъ образомъ должна быть преобразована наша современная школа, начиная съ учительскихъ семинарій и институтовъ, подготовляющихъ учителей народныхъ и городскихъ училищъ. У насъ этотъ вопросъ теперь также назрѣлъ, какъ въ Германіи — въ концѣ XVIII в. Тамъ также въ означенную эпоху образовалась рутина школьнаго дѣла, которая подобно нашей настоящей не соотвѣтствовала природѣ человѣческой души и дѣйствительной жизни. Это заставило знаменитаго философа Канта выступить съ воззваніемъ „An das gemeine Wesen“, въ которомъ онъ призываетъ къ быстрой и коренной реорганизаціи школы для блага всего народа: „Однако, напрасно,“ говоритъ онъ въ этомъ воззваніи, „ожидать духовнаго оздоровленія человѣческаго рода отъ медленной реформы школы. . . Не медленная реформа, а быстрая революція можетъ это выполнить. Для этого ничего другого не надо имѣть, какъ только одну школу, которая была бы съ самаго основанія вновь организована по правильнымъ методамъ“.

Воззваніе Канта, однако, не было услышано, и нѣмецкому народу пришлось подвергнуться многимъ ударамъ судьбы, прежде чѣмъ въ немъ зародилось сознаніе о важности

правильной постановки народнаго обученія. Реформѣ нѣмецкой школы много помогло появленіе новаго послѣ Коменскаго, великаго мастера школьнаго дѣла Песталоцци, который создалъ искусство нагляднаго обученія и который изрекъ осужденіе школьной рутины, заявивъ, что „знанія безъ умѣнія составляютъ, можетъ быть, страшнѣйшій даръ, который принесенъ нашему вѣку злѣйшимъ геніемъ“ [1]). Слава Песталоцци достигла своего апогея именно въ то время, когда нѣмецкій народъ, истощенный вслѣдствіе наполеоновскихъ войнъ, впалъ въ ужасную матеріальную и духовную нищету.

Большую услугу реформѣ народнаго просвѣщенія Германіи оказалъ также философъ Фихте, профессоръ Берлинскаго университета: въ своихъ знаменитыхъ „Рѣчахъ къ нѣмецкой націи“, передъ большими собраніями ученыхъ и государственныхъ людей въ Берлинѣ, въ то время, когда наполеоновскія войска были размѣщены по всей Германіи, онъ мужественно и настойчиво доказывалъ, что единственная возможность спасти отечество отъ враговъ заключается въ обученіи народа по способу Песталоцци. Благодаря этимъ рѣчамъ, прусское правительство, съ королемъ Фридрихомъ III и его министрами Альтенштэйномъ и

---

1) Эти слова имѣются въ одномъ изъ самыхъ выдающихся сочиненій Песталоцци: „Какъ Гертруда учитъ своихъ дѣтей.“ Въ этомъ же сочиненіи Песталоцци разражается филиппикою противъ грѣховъ своего вѣка и противъ лишеннаго реальнаго основанія образованія съ его адептами въ привилегированныхъ сословіяхъ. Послѣднихъ онъ называетъ „жалкими людьми слова, а не дѣла“. „Вслѣдствіе своего противоестественнаго образа воспитанія“, — говоритъ Песталоцци, — „они сдѣлались неспособными чувствовать, что стоятъ на ходуляхъ и что должны сойти со своихъ жалкихъ деревянныхъ подставокъ, если только хотятъ стоять на землѣ столь же твердо, какъ стоитъ народъ“.

„Европа, какъ аллегорическій образъ пророка, граничитъ златою главою отдѣльныхъ искусствъ до облаковъ; народное же просвѣщеніе, долженствующее служить фундаментомъ этой златой главы, напротивъ, какъ ноги гигантскаго образа пророка, повсюду представляетъ самый жалкій, хрупкій и недостойнѣйшій мусоръ.“

Штэйномъ во главѣ, рѣшило реформировать школьное дѣло [1]). Къ Песталоцци были посланы молодые люди для изученія его натуральнаго способа наглядnаго обученія, а по ихъ возвращеніи были устроены новыя учительскія семинаріи съ преподаваніемъ въ духѣ Песталоцци. Одинъ изъ учениковъ Песталоцци — Целлеръ былъ приглашенъ въ Кёнигсбергъ. Наконецъ, въ 1817 году, когда такимъ образомъ было подготовлено достаточное количество новыхъ учителей, въ Пруссіи было введено обязательное народное обученіе съ восьмилѣтнимъ курсомъ (съ 6-ти до 14-ти лѣтняго возраста) по способу Песталоцци. Съ того времени въ Германіи стали появляться все новые и новые выдающіеся педагоги-практики, значительно усовершенствовавшіе способъ Песталоцци и распространившіе его въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ. Между ними первое мѣсто принадлежитъ двумъ: Дистервегу и Гарнишу, изъ которыхъ первый развилъ дѣло Песталоцци,

1) Не всѣ правители германскихъ государствъ въ это печальное время сознавали необходимость реорганизаціи народнаго образованія, о чемъ прекрасно свидѣтельствуетъ сохранившееся письмо одного изъ почитателей Песталоцци, Ф. Тюрка отъ 29-го сентября 1807 года, адресованное самому Песталоцци (H. Mort. Einige Blätter aus Pestalozzi's Lebens- und Leidensgeschichte. Langesalza. 1887. S. 24): „Когда я", пишетъ Ф. Тюркъ, „прошлымъ лѣтомъ стоялъ передъ наслѣднымъ принцемъ Веймарскимъ въ его великолѣпномъ замкѣ (стоющемъ 2 милліона талеровъ), ревность къ твоему доброму дѣлу и отраженіе небесныхъ добродѣтелей въ послѣднемъ воспламенили меня говорить съ жаромъ передъ многочисленнымъ дворомъ для тебя и для твоего дѣла. Я просилъ послать одного молодого человѣка, по моему выбору, къ тебѣ на одинъ или два года. — Настоящее положеніе (тогда былъ миръ) не позволяетъ этого — былъ отвѣтъ; теперь надо, по возможности, избѣгать всякихъ расходовъ и пр., и пр. Я спускаюсь, нѣсколько посрамленный, по лѣстницѣ внизъ — она стоила тысячи! — и думаю — для внѣшняго вида возводятся постройки, которыя стоятъ милліоны — для внутренняго!! — Гофмаршалъ провожалъ меня; мопсъ залаялъ на насъ. Всмотритесь пристальнѣе въ это маленькое животное. Не милѣйшая-ли собачка? Собственный курьеръ переносилъ ее. Она стоила великой княгинѣ 300 дукатовъ (3.500 франковъ). Fiat applicatio! То великолѣпное зданіе стоило 2 милліона и война стоила намъ столько же, а для человѣческихъ цѣлей. . . .".

главнымъ образомъ въ школахъ Саксоніи и Тюрингіи[1]), въ направленіи либеральномъ, а второй — въ школахъ Пруссіи, въ духѣ консервативномъ. Наконецъ, послѣдователь Песталоцци — Гербартъ выработалъ научныя основанія дѣла обученія на началахъ созданной имъ математической

---

1) Дистервегъ состоялъ на службѣ въ Пруссіи, но его послѣдователи, вѣроятно подъ давленіемъ консервативнаго направленія въ Пруссіи, развили свою дѣятельность лишь въ школахъ Саксоніи и Тюрингіи. Самъ Дистервегъ былъ уволенъ въ 1847 г. за свой либерализмъ отъ должности директора Берлинской семинаріи.

Еще въ 1833 г. Дистервегъ написалъ первую статью своихъ „Жизненныхъ вопросовъ цивилизаціи", въ которой онъ говоритъ о безусловной необходимости воспитанія и образованія для низшихъ классовъ народа. „При первомъ взглядѣ на низшія сословія", говоритъ онъ, „мы убѣждаемся въ эстетической ихъ грубости, а при ближайшемъ знакомствѣ съ ними — въ умственномъ и нравственномъ ихъ невѣжествѣ. Страсти, а не разумъ управляютъ ими. Страсти эти имъ всегда присущи, хотя и не всегда возбуждены: стоитъ только подать малѣйшій поводъ къ возбужденію ихъ и онѣ обнаружатся во всей своей грубости и губительной наготѣ. Грубая, невѣжественная толпа есть внутренній врагъ государства. Мы должны уничтожить корень зла посредствомъ воспитанія народа и преобразованія его внѣшняго положенія.

Неудовлетворительное исполненіе этой важной задачи грозитъ весьма дурными послѣдствіями всему, что существуетъ: закону и правосудію, жизни и собственности. Можемъ ли мы надѣяться, что могучія волненія и движенія черни будутъ подавлены или сдержаны въ неукротимомъ волненіи своемъ одними декретами и административными мѣрами. Пройдутъ еще лѣтъ 10—15 такимъ образомъ — и мы увидимъ гибельные результаты нашего бездѣйствія. Дѣйствуйте же пока не поздно!" Этими словами знаменитый педагогъ какъ бы предсказывалъ событія 1848 года.

Въ другомъ своемъ сочиненіи „Ueber das Verderben auf deutschen Universitäten (1836)" Дистервегъ доказывалъ, что высшія учебныя заведенія насаждаютъ въ юношествѣ ложную ученость, непримѣнимую въ практической жизни.

Пятнадцать лѣтъ спустя, Дистервегъ снова бичуетъ недостатки своего народа: „Во франкфуртскомъ парламентѣ засѣдали отборнѣйшіе изъ народа, извѣстнѣйшіе историки. Они знали всѣ исторіи міра, но научились ли они изъ нихъ хотя чему-нибудь? Недозрѣлость нашей націи, какъ высшихъ, такъ и низшихъ сословій; сумасбродство и отсутствіе энергіи, особенно же недостатокъ въ сознаніи законности — суть необходимыя послѣдствія превратнаго и лишеннаго всякой серьезности образа воспитанія и образованія въ высшихъ училищахъ и университетахъ."

психологіи и его собственной практической философіи, при чемъ имъ было выдвинуто и научно обосновано воспитательное значеніе обученія. Это составило крупнѣйшую эпоху въ развитіи школьнаго дѣла Германіи. Послѣ Гербарта его направленіе поддерживалось главнымъ образомъ въ Іенѣ, гдѣ профессоръ Стой основалъ въ 1843 году педагогическое общество для разработки идей Гербарта, изъ котораго впослѣдствіи возникла учительская семинарія съ образцовою народною школой. Послѣ Стоя его дѣло, послѣ нѣкотораго перерыва, было возстановлено профессоромъ Рейномъ, бывшимъ раньше довольно продолжительное время директоромъ учительской семинаріи въ Вэйссенфельдѣ. Профессоръ Рейнъ ведетъ по настоящее время теоретическіе курсы по педагогикѣ Гербарта, а также и практическія занятія въ образцовой народной школѣ, организованной имъ при педагогической семинаріи Іенскаго университета. Много способствуютъ распространенію идей Гербарта педагогическіе курсы профессора Рейна во время лѣтнихъ вакацій, на которые обыкновенно пріѣзжаютъ до 200 народныхъ учителей и другихъ педагоговъ со всѣхъ концовъ свѣта. При одномъ изъ англійскихъ университетовъ — въ Манчестерѣ, профессоромъ Файндлэемъ (Findlay) организовано особое педагогическое отдѣленіе, по образцу педагогической семинаріи профессора Рейна, называемое (неофиціально) „Іенскимъ отдѣленіемъ“ [1]). Въ Оксфордѣ имѣется также образцовая школа при женской учительской семи-

1) Передаю это со словъ проф. Рейна. Подробныхъ свѣдѣній объ этомъ отдѣленіи я еще не имѣю, но надѣюсь вскорѣ ближе познакомиться съ практикою системы Гербарта на англійской почвѣ. Для практикантовъ профессора Файндлэя при его педагогической семинаріи имѣется дѣтскій садъ и девятиклассное народное училище. Проф. Файндлей сообщилъ мнѣ, что онъ пользуется педагогикой Гербарта въ связи съ идеями американскаго педагога, профессора Джона Дьюи (John Dewey), ставящаго въ центръ обученія-воспитанія ручной трудъ, около котораго концентрируется преподаваніе другихъ предметовъ: все культурное развитіе народа ставится въ связь съ

наріи — для практики системы Гербарта, этою школою завѣдуетъ миссъ Доддъ. Особенно характерную черту теоретическихъ курсовъ и практики профессора Рейна составляетъ демократическое направленіе его обработки системы Гербарта, а образцовая народная школа при его педагогической семинаріи, вслѣдствіе исключенія изъ преподаванія Закона Божія его догматической части, приближается къ типу школы, безразличной къ вѣроисповѣданіямъ (Konfessionslose), и были случаи, что католики также опредѣляли въ нее своихъ дѣтей. Главнымъ предметомъ въ этой школѣ, служащимъ для концентраціи по системѣ Гербарта знаній, сообщаемыхъ ученику различными предметами преподаванія, является родиновѣдѣніе (Heimatskunde [1]), тогда

развитіемъ его ручного труда и вообще промышленности. Ручной трудъ высоко цѣнится также послѣдователями Гербарта: у проф. Рейна въ его образцовой школѣ имѣются особыя помѣщенія для ручного труда воспитанниковъ, и отводится достаточно учебнаго времени на эти занятія; въ Лейпцигѣ ученикъ Стойя — директоръ Пабстъ (См. его статью: „Die Knabenhandarbeit in der heutigen Erziehung. Leipzig. 1907) завѣдуетъ двумя школами ручного труда (Handfertigkeitsschulen), предназначенными главнымъ образомъ для подготовленія учителей народныхъ школъ къ преподаванію ручного труда; основалъ эти школы ученикъ Циллера — директоръ Гётце. Въ директорской комнатѣ одной изъ этихъ школъ, на стѣнѣ, начертаны слова Гербарта: „Рука имѣетъ свое почетное мѣсто на ряду съ языкомъ для того, чтобы превознести человѣка надъ животнымъ состояніемъ.“ Надъ выходными дверями — другое изреченіе: „Развивай глазъ, упражняй руку, твердой станетъ воля и острымъ будетъ умъ“ —

Bilde das Auge, übe die Hand,
Fest wird der Wille, scharf der Verstand.

1) Въ Германіи во всѣхъ школахъ передъ Пасхою происходятъ выпускные и переходные экзамены. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ позволяю себѣ сдѣлать здѣсь описаніе экзамена по родиновѣдѣнію въ VII-мъ классѣ десятиклассной народной школы (предназначенной для дѣтей болѣе состоятельныхъ) въ деревнѣ Лёйтчъ, предмѣстьѣ Лейпцига. Счетъ классовъ идетъ въ обратномъ порядкѣ — съ X-го по I-й, такъ что въ VII-мъ классѣ находятся дѣти съ 9-ти до 10-ти лѣтняго возраста. Учениковъ въ этомъ классѣ 23 — вмѣстѣ дѣвочки и мальчики. Экзаменъ происходитъ въ актовомъ залѣ въ присутствіи ректора училища и всего учительскаго персонала (въ Лёйтчѣ всего 36 учителей); кромѣ того, допускается публика — главнымъ образомъ родственники учениковъ.

какъ обыкновенно по Гербарту для этой цѣли служатъ предметы Закона Божія, что особенно ясно видно изъ новыхъ

Ученики размѣщаются на скамейкахъ въ такомъ же положеніи, какъ въ ихъ классной комнатѣ. Учитель стоитъ на довольно высокой каѳедрѣ передъ классомъ. Экзаменъ начинается пѣніемъ хоромъ — всѣмъ классомъ одной изъ утреннихъ молитвъ (Morgenlied). Затѣмъ, учитель переходитъ къ экзамену, состоящему въ его бесѣдѣ со всѣмъ классомъ на тему: почему Саксонію можно назвать Богомъ благословенной страной? Бѣглыми вопросами учитель спрашиваетъ всѣхъ учениковъ по нѣсколько разъ. Отвѣты на эту тему были таковы: потому можно назвать Саксонію Богомъ благословенной страной, что въ ней, во-первыхъ, много плодоносныхъ равнинъ (кромѣ Лейпцигской равнины, еще равнина по рѣкѣ Эльбѣ, называемая въ одной изъ своихъ частей, отъ Дрездена до Мэйссена, Саксонскимъ раемъ), на которыхъ произрастаютъ хлѣбные злаки — пшеница, рожь, ячмень, овесъ, а также овощи — картофель, морковь, сельдерей, брюква и т. д.; во-вторыхъ, въ Саксоніи много лѣсныхъ мѣстностей (мѣстность Рудныхъ горъ, Фогтланда, Саксонской Швейцаріи и др.); въ-третьихъ, въ Саксоніи имѣются залежи различныхъ каменныхъ породъ — песчаника, графита и др.; въ-четвертыхъ, залежи угольныхъ породъ — бураго угля, каменнаго угля; въ-пятыхъ, залежи различныхъ рудъ — желѣзной, мѣдной, цинковой и др. (Рудныя горы и особенно окрестности городовъ Цвикау, Гримичау, Вердау и др.); наконецъ, минеральныя воды и мѣстности съ естественными красотами (Naturschönheiten), служащія курортами (Вармбадъ у Волькенштэйна, курортъ Эльстеръ, Саксонская Швейцарія и др.). Каждый изъ продуктовъ добыванія въ этой „Богомъ благословенной странѣ“ подлежалъ также детальному обсужденію въ экзаменной бесѣдѣ учителя съ классомъ. Обыкновенныя классныя занятія имѣютъ совершенно такой же характеръ, только учитель среди бѣглыхъ вопросовъ о предметахъ, извѣстныхъ ученикамъ, исподволь сообщаетъ имъ новыя свѣдѣнія, которыя сейчасъ же новыми вопросами онъ перерабатываетъ съ классомъ въ связи со старыми знаніями учениковъ, при чемъ всѣ новые предметы показываются или въ натурѣ, или на рисункахъ, а резюме наиболѣе главныхъ разсужденій повторяются членораздѣльно хоромъ — всѣмъ классомъ, для лучшаго закрѣпленія въ памяти учениковъ. Въ заключеніе экзамена, ученики продекламировали по очереди отдѣльныя строфы стихотворенія „Сосѣдъ Гельмъ и его липа“, патріотическаго содержанія, и стихотворенія „Нѣмецкій совѣтъ“, въ которомъ „нѣмецкому дитяти“ преподается совѣтъ быть всегда „мужественнымъ, вѣрнымъ и правдивымъ“ (Du deutsches Kind, sei tapfer, treu und wahr!), затѣмъ ученики пропѣли хоромъ: „Вотъ цвѣтетъ прекрасный цвѣточекъ на нашемъ зеленомъ лугу . . . .“ (Es blüht ein schönes Blümchen auf unserer grünen Aue), и наконецъ, экзаменъ закончился благодарственною молитвою, тоже пропѣтою всѣмъ классомъ.

плановъ берлинскихъ школъ [1]). Въ этомъ отношеніи профессоръ Рейнъ отдаетъ, конечно, дань духу времени, тѣмъ болѣе, что Іена послѣднее время стала значительнымъ центромъ демократическихъ движеній, имѣющихъ здѣсь большую поддержку въ различныхъ учрежденіяхъ покойнаго профессора Аббе, бывшаго владѣльца знаменитой фабрики Цейсса для оптическихъ приборовъ, пожертвовавшаго все свое громадное состояніе на разныя народныя учрежденія въ городѣ Іенѣ, изъ которыхъ главное — громадное, роскошно отдѣланное зданіе „Народнаго дома“. Часть пожертвованій профессора Аббе, именно 80,000 марокъ, идетъ на улучшеніе содержанія профессоровъ университета, но подъ условіемъ выдавать ее лишь до тѣхъ поръ, пока будетъ сохраняться въ университетѣ свобода слушанія и свобода преподаванія.

Затѣмъ, другимъ центромъ распространенія идей Гербарта служилъ Лейпцигъ, гдѣ тоже была основана педагогическая семинарія съ образцовой школой послѣдователемъ Гербарта — профессоромъ Циллеромъ, а нѣсколько позже здѣсь же была основана другая педагогическая семинарія, но безъ образцовой школы, вернувшимся изъ Дерпта — профессоромъ Штрюмпелемъ.

Наконецъ, множество педагоговъ-практиковъ распространили педагогическія идеи Гербарта не только по всей Германіи, но и въ Австріи, Венгріи, Чехіи и Богеміи. Изъ этихъ педагоговъ-практиковъ особенно выдающимся былъ Дёрпфельдъ.

Не только своею практическою дѣятельностью въ школахъ, но также при помощи многочисленныхъ научно-педагогическихъ ферэйновъ, носящихъ обыкновенно имя Гербарта, приверженцы Гербарта распространяютъ его идеи. Наконецъ, для этой же цѣли не малую услугу оказываютъ и спеціально-гербартовскіе журналы: „Zeitschrift für Philosophie und Pädagogik“, издающійся въ городѣ Лангезальцѣ подъ ре-

1) Grundlehrplan der Berliner Gemeindeschulen. Dritte Auflage. (См. въ § 3 — „Das Lehrverfahren“). Breslau. 1903.

дакціей Флюгеля, Юста и Рейна; „Pädagogische Studien“ — журналъ, основанный Рейномъ и издаваемый Шиллингомъ; „Jahrbuch des Vereins für wissenschaftliche Pädagogik“; „Praxis der Erziehungsschule“, издаваемый Юстомъ; „Deutsche Blätter für erziehenden Unterricht“, издаваемый Манномъ и „Evangelisches Schulblatt“, основанный Дёрпфельдомъ.

Прежде чѣмъ перейти къ главной темѣ моей настоящей статьи, я позволю себѣ здѣсь кстати упомянуть еще объ одномъ выдающемся нѣмецкомъ дѣятелѣ въ дѣлѣ народнаго образованія, на которомъ осуществились слова знаменитаго нѣмецкаго пѣвца свободы — Шиллера: „Было бы необходимо великому уму въ то же время стать ребенкомъ, чтобы реформировать дѣтскія игры“. Это былъ Фридрихъ Фрёбель, которому принадлежитъ идея „Дѣтскаго Сада“, служащаго для дѣтей до-школьнаго возраста — съ 3-хъ до 6-ти лѣтъ.

Фрёбель положилъ въ основу дѣтскихъ игръ и занятій, во-первыхъ, идеи наглядиаго обученія въ духѣ Песталоцци для отчетливаго усвоенія слова, формы, числа и краски, соотвѣтствующихъ данному предмету; во-вторыхъ, къ знанію словъ, формъ, чиселъ и красокъ, соотвѣтствующихъ даннымъ предметамъ, Фрёбель, опять слѣдуя Песталоцци, присоединилъ умѣніе прилагать эти знанія съ цѣлью получать новыя комбинаціи предметовъ, имѣющія въ общемъ какое-нибудь практическое значеніе въ обыденной жизни или представляющія гармоническое сочетаніе формъ и красокъ; въ-третьихъ, что и есть самое оригинальное у Фрёбеля, онъ, съ цѣлью использовать замѣчательную особенность дѣтей въ младшихъ возрастахъ — потребность ихъ въ движеніи и дѣятельности, ввелъ подвижныя игры и занятія, ритмъ которыхъ соотвѣтствуетъ тѣмъ или другимъ формамъ дѣйствительной жизни и которыя, такимъ образомъ, исподволь подготовляютъ ребенка къ дѣятельности, обычаямъ, от-

ношеніямъ, такту того общества и того народа, куда онъ современемъ вступитъ, какъ самостоятельный дѣятель.

Первый дѣтскій садъ былъ основанъ Фрёбелемъ въ 1840 г. въ городѣ Бланкенбургѣ (въ Тюрингіи), недалеко отъ деревни Обервейсбахъ, гдѣ родился Фрёбель. Въ 1851 г. послѣдовало со стороны прусскаго правительства (въ министерство Ф. Раумера) запрещеніе Фрёбелевскихъ дѣтскихъ садовъ въ провинціяхъ Пруссіи, мотивированное тѣмъ, что они способствуютъ развитію атеизма и коммунизма. Впрочемъ, слѣдующій 1852 г. принесъ Фрёбелю вполнѣ заслуженный тріумфъ на общемъ съѣздѣ нѣмецкихъ учителей въ городѣ Готѣ, привѣтствовавшемъ Фрёбеля, какъ своего гостя, съ большимъ энтузіазмомъ. Въ этомъ же 1852 году, 17-го іюля, борецъ за улучшеніе человѣчества путемъ воспитанія молодого поколѣнія испустилъ свой духъ со словами: „Я христіанинъ“. На его могилѣ въ деревнѣ Швайна былъ водруженъ каменный памятникъ, который представляетъ кубъ, цилиндръ и шаръ — геометрическія формы, составляющія содержанія главныхъ игръ Фрёбеля (Fröbelsche Spielgaben).

Дистервегъ былъ однимъ изъ первыхъ педагоговъ, поднявшихъ авторитетъ Фрёбеля въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія дѣтей. Онъ лично познакомился съ послѣднимъ въ Либенштейнѣ и наблюдалъ занятія Фрёбеля съ дѣтьми. „Нужно было видѣть восторгъ старика“, разсказываетъ Дистервегъ, „чтобы убѣдиться, какою глубокою любовью къ дѣтямъ и къ человѣчеству былъ онъ проникнутъ. Нужно было видѣть всю обстановку, чтобы понять, какъ счастлива была эта многочисленная семья. Описать подобную картину счастія не возможно; да при томъ же она и не для тѣхъ, кто почиталъ Фрёбеля глупцомъ или выжившимъ изъ ума старикомъ. Да, онъ былъ глупецъ, если хотите, но одинъ изъ тѣхъ глупцовъ, къ числу которыхъ принадлежалъ Сократъ. Если хотите онъ былъ сумасшедшій, потому что помѣшался на мысли содѣйствовать счастью людей, осчастливить человѣчество, а

такая сумасбродная мысль никому не проходитъ даромъ. Вѣдь за эту же мысль пострадалъ и Тотъ, чье Имя мы всѣ носимъ".

И послѣ смерти Фрёбеля его дѣло не находитъ должной поддержки со стороны правительствъ нѣмецкихъ государствъ и составляетъ въ нихъ пока принадлежность предпріятія частнаго коммерческаго характера. Но зато это дѣло нашло сочувствіе въ правительственныхъ сферахъ Англіи и Америки, гдѣ Фрёбелевскіе дѣтскіе сады устраиваются при народныхъ школахъ въ видѣ приготовительныхъ классовъ [1]).

1) Однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ Фрёбелевскомъ направленіи въ Германіи является предсѣдательница Лейпцигскаго Фрёбелевскаго ферэйна г-жа д-ръ Гольдшмидтъ, организовавшая въ Лейпцигѣ не только учительскую семинарію для подготовленія учительницъ для дѣтскихъ садовъ, но также и высшую Фрёбелевскую школу „Lyceum für Damen". По ея словамъ въ Германіи такъ мало женщинъ, серьезно занимающихся дѣломъ Фрёбеля, что она принуждена, не смотря на свой 80-тилѣтній возрастъ, лично продолжать вести курсы своихъ лекцій, потому что нѣтъ преемницы, которая достаточно понимала бы духъ фрёбелевскихъ методовъ. Г-жа Гольдшмидтъ состоитъ также свыше 25 лѣтъ предсѣдательницей мѣстнаго „общества равноправности женщинъ", и въ этомъ направленіи она постоянно — въ частныхъ бесѣдахъ, на засѣданіяхъ обществъ, на своихъ публичныхъ лекціяхъ, доказываетъ, что только Фрёбелевское рѣшеніе женскаго вопроса, предоставляющее женщинѣ воспитаніе дѣтей до школьнаго возраста съ серьезнымъ изученіемъ всѣхъ относящихся сюда предметовъ, является безспорно правильнымъ рѣшеніемъ этого вопроса. Дополненіемъ къ этому рѣшенію служитъ еще высшая педагогическая дѣятельность женщины по приготовленію учительницъ для Фрёбелевскаго дѣла, которая требуетъ весьма солидныхъ знаній по избранной спеціальности изъ цикла предметовъ: математика, естествознаніе, антропологія, гигіена, психологія и педагогика, исторія культуры и искусства; наконецъ, рисованіе, моделированіе, пѣніе и гимнастика. Болѣе подробныя свѣдѣнія о взглядахъ почтенной труженицы на проприщѣ начальнаго воспитанія дѣтей можно найти въ ея шести рѣчахъ, изданныхъ подъ заглавіемъ: „Ideen über weibliche Erziehung im Zusammenhange mit dem System Friedrich Fröbel's". Leipzig (C. Reissner). 1882.

Въ Лейпцигѣ имѣется еще школа для подготовленія учительницъ дѣтскихъ садовъ „Städtische Schule für Frauenberufe", завѣдуемая ректоромъ Яномъ, послѣдователемъ педагогики Штрюмпеля.

Лица, способствующія распространенію Фрёбелевскаго дѣла въ Германіи, образуютъ „Der deutsche Fröbel-Verband", имѣющій отдѣленія во многихъ городахъ Германіи и издающій журналъ: „Kindergarten" (Berlin).

Послѣ этихъ краткихъ указаній на характеръ безсмертныхъ идей Фрёбеля, въ основаніи которыхъ лежитъ глубокое пониманіе реформаторомъ дѣтскихъ игръ понятій и принциповъ математики, я перейду къ главной темѣ моей настоящей статьи и покажу, что понятія и принципы математическихъ знаній лежатъ также въ основѣ педагогической системы Гербарта, имѣющей столь громадное значеніе для практики воспитательнаго обученія дѣтей школьнаго возраста, а въ другой статьѣ я постараюсь обнаружить это же обстоятельство и въ педагогическихъ изысканіяхъ Штрюмпеля, въ особенности же въ его педагогической патологіи.

ГЛАВА I.

Гербартъ и его научно-педагогическая дѣятельность.

Одиссеѣ обязанъ я однимъ изъ пріятнѣйшихъ переживаній въ моей жизни, а также наибольшею частью моей любви къ воспитанію.
Гербартъ.

Іоаннъ Фридрихъ Гербартъ родился 4-го мая 1776 г. въ городѣ Ольденбургѣ, гдѣ его дѣдъ былъ въ теченіи 34 л. ректоромъ гимназіи, а отецъ юстицъ-совѣтникомъ герцога Ольденбургскаго. Мать Гербарта, имѣвшая громадное вліяніе на воспитаніе послѣдняго, была женщиной весьма умной, но нѣсколько эксцентричной: съ пылкой фантазіей она соединяла въ себѣ быстрый умъ, рѣшительность и довольно сильную волю.

Своего единственнаго сына, имѣвшаго слабое здоровье, она пріучила съ малыхъ лѣтъ къ легкой одеждѣ, твердой постели и холоднымъ ваннамъ, дабы предохранить его отъ изнѣженности.

Вслѣдствіе слабаго здоровья Гербарта, ему было дано сначала домашнее обученіе подъ руководствомъ Уэльцена. Послѣдній былъ приверженцемъ философіи Вольфа и имѣлъ большую склонность къ философскимъ бесѣдамъ, что, конечно, повліяло на характеръ обученія Гербарта.

За всѣми занятіями Гербарта неустанно слѣдила его мать; она продолжала живо интересоваться занятіями сына и впослѣдствіи, когда Гербартъ учился въ гимназіи и даже въ университетѣ.

Въ 1788 г. Гербартъ поступилъ въ такъ-называемую латинскую школу, т. е. гимназію въ городѣ Ольденбургѣ, гдѣ съ особенною любовью занялся физикой и философіей. Имѣя 14 лѣтъ отъ роду, онъ написалъ сочиненіе, въ которомъ высказалъ основную мысль всѣхъ своихъ послѣдующихъ философскихъ и педагогическихъ изысканій: „Свободою называется неограниченность воли. Ученіе о человѣческой свободѣ опредѣляетъ степень, въ какой человѣческая свобода ограничена или неограничена. Нѣкоторые философы считаютъ ее вполнѣ ограниченной и зависимой во всѣхъ ея дѣйствіяхъ. Я знаю доводы за и противъ человѣческой свободы". Кромѣ того, Гербартъ проявлялъ замѣчательныя музыкальныя способности; онъ еще до поступленія въ гимназію научился игрѣ на скрипкѣ, віолончели, арфѣ и роялѣ, въ гимназіи же занимался даже композиціей небольшихъ музыкальныхъ пьесъ.

Въ 1794 г. Гербартъ окончилъ гимназію и, слѣдуя желанію отца, поступилъ въ Іенскій университетъ для изученія юридическихъ наукъ, къ которымъ онъ лично чувствовалъ непреодолимое отвращеніе.

Въ университетѣ Гербартъ вскорѣ же бросилъ занятія юридическими науками и увлекся философіей. Послѣдняя была представлена въ Іенѣ очень хорошими профессорами: сначала — горячимъ поклонникомъ Канта — Рейнгольдомъ, лекціи котораго возбуждали всеобщій энтузіазмъ, даже въ неуниверситетскихъ кругахъ, а послѣ Рейнгольда — знаменитымъ философомъ Фихте.

Еще до прибытія Фихте въ Іену, 12 студентовъ, преимущественно уроженцевъ Сѣверной Германіи и нашихъ прибалтійскихъ губерній, образовали „Литературное Общество", или, какъ его обыкновенно называли въ городѣ — „Общество свободныхъ мужей", потому что въ его члены не допускались

корпоранты, какъ лица, своею принадлежностью къ корпораціи ограниченные въ свободѣ. Это общество наняло небольшой садъ и въ немъ устраивало по средамъ свои засѣданія для докладовъ и совмѣстныхъ бесѣдъ членовъ. Гербартъ былъ принятъ въ это общество и здѣсь имѣлъ возможность ближе сойтись съ Фихте, который по пріѣздѣ въ Іену сталъ часто посѣщать засѣданія общества. Но первое увлеченіе философіей Фихте скоро прошло у Гербарта, и онъ выступилъ съ критикой трансцендентальнаго идеализма въ своихъ двухъ статьяхъ о сочиненіи Шеллинга: „Ueber die Möglichkeit einer Form der Philosophie überhaupt“ и „Ueber Schellings Schrift: Vom Ich oder dem unbedingten im menschlichen Wissen“. Гербартъ энергично доказывалъ, что трансцендентальный идеализмъ не можетъ объяснить всѣхъ явленій внутренняго и внѣшняго міра человѣка. Большого напряженія мысли потребовала эта критика философскаго направленія, созданнаго такими умами какъ Кантъ, Шеллингъ и Фихте, охватившаго всю тогдашнюю интелигенцію Германіи. Это направленіе проникло и въ Россію, главнымъ образомъ, благодаря нѣмецкимъ профессорамъ, призваннымъ на каѳедры въ русскіе университеты. Какъ ни трудился Гербартъ надъ рѣшеніемъ философскихъ вопросовъ, затронутыхъ философами-идеалистами, но еще цѣлая пропасть отдѣляла его отъ рѣшенія основныхъ проблемъ дѣйствительной жизни: какъ примирить антиноміи свободы и закономѣрности, цѣлесообразности и причинности, индивидуальности и универсальности. Подъ бременемъ непосильнаго труда разрѣшить эти великіе вопросы Гербартъ пришелъ въ такое отчаяніе, что едва не кончилъ свою жизнь самоубійствомъ.

Въ одно чудное лѣтнее утро (1796 г.), Гербартъ взошелъ уже на высокій скалистый берегъ рѣки Заале (поднимающійся къ Венигенъ-Іена и дальше къ Софіенъ-Гёге [1]),

1) На Софіенъ-Гёге въ настоящее время расположено образцовоустроенное воспитательное заведеніе, котораго директоръ (г-нъ Трюперъ) и помощникъ директора (г-нъ Ландманъ) оба горя-

чтобы сразу покончить съ мучившими его сомнѣніями. „Zwei Schritte“, думалъ онъ[1]), „nur zwei Schritte bis hinunter. Der Fluss ist trübe wie mein Sinn, der heitre Sonnenstrahl ist nicht mein Element. Wozu in meiner Brust der reinen Menschheit Bild? In nächtliches Dunkel gehüllt steht es da, unbewundert, kaum geahndet, kann nicht der inneren Wahrheit Sonne die Nacht durchbrechen und mit hellem Strahle beleuchten, so zerschelle es an diesem Felsen, so wirble der Fluss die Trümmer mit sich fort, so führe er die grübelnden Fragen, die beklemmenden Zweifel mit ins weite Meer der Vergessenheit und des ewigen Schlafs“. Въ послѣдній мигъ, однако, природа, которую

чіе поборники педагогическихъ идей Гербарта. Когда я въ бесѣдѣ съ г-номъ Трюпером въ шутку замѣтилъ ему, что скоро придется педагогамъ оставить систему Гербарта и перейти къ экспериментальной педагогикѣ, то онъ чуть не со слезами на глазахъ воскликнулъ: „Отнять у насъ, педагоговъ, Гербарта, все равно что отнять у человѣка хлѣбъ!“

Всѣхъ воспитанниковъ въ этомъ учебно-воспитательномъ учрежденіи около 45 и между ними два русскихъ: одинъ — сынъ весьма виднаго дѣятеля нашей первой Государственной Думы г-на М., другой — сынъ рижскаго купца. Воспитаніе и обученіе ведется по строгимъ даннымъ научной педагогики и педагогической патологіи въ отношеніи каждаго воспитанника въ отдѣльности. По классамъ распредѣляются воспитанники не по возрасту, а по своимъ индивидуальнымъ способностямъ. Много времени удѣляется на занятія ручнымъ трудомъ, въ особенности въ саду, въ огородѣ, а въ зимнее время въ тепличныхъ домахъ и оранжереяхъ. Кромѣ обычной гимнастики воспитанники по мѣрѣ надобности пользуются также и лечебной гимнастикой, для которой имѣется особый залъ. Когда я вошелъ въ послѣдній залъ, я былъ пораженъ и почти испуганъ, увидѣвъ двухъ малчиковъ подвѣшенныхъ за голову къ потолку; потомъ мнѣ объяснили, что это дѣлается для выпрямленія позвоночнаго столба въ случаяхъ его искривленія. Наконецъ, въ учрежденіи имѣется довольно обширная ванная комната съ громаднѣйшимъ бассейномъ для плаванія, сдѣланнаго изъ изразцовъ снѣжнобѣлаго цвѣта. Въ общемъ, чистота, опрятность и замѣчательный комфортъ пріятно поражаютъ глазъ наблюдателя, а ко всему этому живописная гористая мѣстность, видъ на рѣку Заале и городъ, Іену — не оставляютъ, кажется, желать ничего лучшаго для полнаго, благодѣтельнаго воздѣйствія на интелектуальныя, эстетическія и этическія качества воспытиваемыхъ дѣтей.

1) Эти слова найдены набросанными на листѣ бумаги среди другихъ бумагъ, найденныхъ послѣ смерти Гербарта.

онъ всегда любилъ, представилась ему столь прекрасной, что удержала его, и онъ рѣшилъ посвятить свою жизнь, какихъ бы это мученій ему не стоило, все тѣмъ же философскимъ вопросамъ, все тому же исканію истины.

Весною 1797 г. Гербартъ внезапно бросаетъ свои университетскія занятія и посвящаетъ себя практической педагогической дѣятельности. Такой рѣзкій переломъ въ жизни Гербарта, по моему мнѣнію, естественнѣе всего объяснить тѣмъ, что онъ, понявъ невозможность правильно разрѣшить означенныя выше проблемы дѣйствительной жизни путемъ отвлеченнаго мышленія, рѣшилъ прислушаться къ ритму дѣйствительной жизни на практикѣ — въ дѣлѣ обученія-воспитанія. Этотъ его шагъ оказался дѣйствительно вполнѣ вѣрнымъ: отъ частныхъ педагогическихъ вопросовъ онъ вскорѣ перешелъ къ правильной постановкѣ вопросовъ психологіи и практической философіи, а затѣмъ и къ построенію своей метафизики и научно-философской системы реаловъ.

Свою педагогическую дѣятельность Гербартъ началъ въ Швейцаріи въ семьѣ г. Штейгера, ландфогта Интерлакена, гдѣ ему было поручено обученіе и воспитаніе трехъ сыновей ландфогта: 8-ми, 10-ти и 14-ти лѣтъ.

Гербартъ съ самаго начала опредѣлилъ планъ своихъ занятій, который въ общихъ чертахъ уже представлялъ его будущую знаменитую систему педагогики. Добродѣтель и нравственность по этому плану должны служить цѣлью обученія-воспитанія. Равномѣрное и всестороннее развитіе естественныхъ задатковъ и силъ воспитанника должны лежать въ основѣ системы обученія-воспитанія при достиженіи означенной его цѣли. Вслѣдствіе всего этого, обученіе надо начинать, познакомившись сначала съ индивидуальными способностями воспитанника; затѣмъ, новыя свѣдѣнія должны сообщаться сообразно индивидуальности воспитанника и примыкать къ его прежнимъ занятіямъ; для поддержанія связи новаго матеріала съ прежде усвоеннымъ необходимо усердное повтореніе, а для того, чтобы

повтореніе не утомило воспитанника и не лишило его интереса, необходимо каждый разъ повторять старое съ новой точки зрѣнія или вносить какой-нибудь новый элементъ.

Учебный планъ Гербарта обнималъ языки греческій и латинскій, математику, химію, географію, музыку, позднѣе французскій языкъ и рисованіе.

Обученіе должно начинаться, по мнѣнію Гербарта, съ греческаго языка и именно съ Одиссеи, которую онъ далъ прежде всего своимъ двумъ младшимъ ученикамъ. Со старшимъ сыномъ Штейгера Гербарту пришлось нѣсколько измѣнить свою общую систему, такъ какъ этотъ сынъ ландфогта готовился уже къ практической дѣятельности, и общеобразовательные предметы ему возможно было преподать лишь въ сокращенномъ видѣ.

Греческій языкъ Гербартъ считалъ самымъ существеннымъ предметомъ для обученія каждаго человѣка, кто только имѣетъ время и возможность получить полное образованіе. Обученіе греческому языку должно начинаться, какъ уже выше было сказано, съ Одиссеи, уже съ 8-ми лѣтняго возраста. Сначала ученикъ долженъ самостоятельно подмѣчать грамматическую закономѣрность формъ, и лишь позже слѣдуетъ сообщить ему грамматическія правила. Именно Одиссея даетъ воспитаннику интересные разсказы изъ эпохи младенчества греческой культуры — разсказы, богатые происшествіями, отношеніями живыхъ лицъ и характерами. Здѣсь, въ герояхъ древней Греціи мальчикъ находитъ удовлетвореніе своихъ фантазій о мужскомъ величіи, онъ находитъ идеалы мужества и храбрости, что его такъ занимаетъ и чего онъ не можетъ найти въ средѣ окружающей. Въ этой естественной сказкѣ воспитанникъ въ занимательной формѣ прислушивается къ ритму элементарной дѣйствительной жизни, научается самостоятельно отличать добро отъ зла, питать симпатіи къ хорошимъ поступкамъ и отвращеніе къ дурнымъ. Такимъ образомъ дитя получаетъ возможность непрерывно упражнять и закрѣплять въ себѣ начатки житейской мудрости.

Послѣ Гомера, Гербартъ совѣтуетъ изучать Геродота, Ксенофонта, Платона, Плутарха, Новый Завѣтъ и только тогда перейти къ „политиканствующимъ и искусственно краснорѣчивымъ римлянамъ“: Ливію, Цицерону и Тациту. Такой ходъ обученія, съ надлежащими поясненіями, имѣлъ цѣлью ввести дѣтей въ общеніе съ дѣйствующими личностями и развить у нихъ сочувствіе къ послѣднимъ (Umgang und Teilnahme, Mitgefühl), дабы современныя, гораздо болѣе сложныя общественныя отношенія могли бы произвести на нихъ впослѣдствіи болѣе разнообразное дѣйствіе и глубже затронуть ихъ чувства.

Такимъ образомъ древніе языки въ рукахъ Гербарта являлись могучимъ орудіемъ воспитанія.

Старшій сынъ ландфогта былъ лишенъ обученія древнимъ языкамъ, а приступилъ къ изученію французскаго языка для закругленія своего образованія. Гербартъ уже потому считалъ неподходящимъ для него изученіе Гомера, что послѣдняго, по мнѣнію Гербарта, могутъ читать „дѣти и мужи, но не изнѣженные подростки“, каковымъ былъ старшій сынъ ландфогта.

Преподаваніе исторіи примыкало къ древнимъ языкамъ и вносило еще больше разнообразія въ общеніе дѣтей съ различными историческими личностями. Все это должно было давать воспитанникамъ матеріалъ для самодѣятельнаго вывода нравственныхъ правилъ, для укрѣпленія характера и подготовить ихъ къ систематическимъ бесѣдамъ о морали и религіи, которыя должны только пояснять и закрѣплять выводы собственнаго наблюденія. „И дѣйствительно“, — говоритъ Гербартъ, — „дабы найти путь образованія характера, что лучшее можемъ мы сдѣлать, какъ не прослѣдить самостоятельно за нравственнымъ развитіемъ всего человѣческаго рода? Войти съ греческою исторіей въ рукахъ въ школу Сократа, помедлить здѣсь нѣкоторое время среди лицъ, которыхъ мы уже знаемъ и любимъ, нравы и характеры которыхъ сложились на нашихъ глазахъ при чтеніи исторіи, а затѣмъ со смиреннымъ сердцемъ и благоговѣйнымъ духомъ вступить въ среду

учениковъ Христа, и послѣ того, какъ нашими глазами и сердцемъ мы прослѣдимъ за Нимъ до неба, обозрѣть возвышеннымъ духомъ дальнѣйшій ходъ всемірной исторіи, узнать слѣды Промысла въ медленномъ, твердомъ, часто мнимо кажущемся регрессомъ, стремленіи всего къ лучшему, и при современныхъ событіяхъ бросить взглядъ на прошлое, сохранить присутствіе духа и предохранить наше сердце отъ разнообразныхъ вредныхъ вліяній нашего времени".

Математика и естественныя науки, также какъ и языки, служили у Гербарта для цѣлей воспитанія. Преподаваніе математики должно было стоять въ тѣсной связи съ опытнымъ изученіемъ наукъ естественныхъ и сообщать послѣднему основы систематизаціи и высшій интересъ. Точностью своихъ понятій и строгостью выводовъ математика обусловливала опредѣленность сужденій воспитанниковъ, пріучала ихъ ко вниманію, сосредоточенности и сообщала имъ твердость характера.

Географія преподавалась въ небольшомъ объемѣ: сообщались, главнымъ образомъ, свѣдѣнія о ближайшихъ окрестностяхъ, о родинѣ, и лишь весьма немногое сообщалось по предмету сравнительной географіи.

Работы по нѣмецкому языку состояли въ изложеніи такого матеріала, который былъ вполнѣ извѣстенъ ученикамъ изъ предметнаго обученія.

Наконецъ, завершеніемъ всего обученія служили бесѣды по систематическому ученію о нравственности, дополняемой религіей. Гербартъ являлся въ отношеніи религіознаго обученія, съ одной стороны, — въ явной оппозиціи съ ортодоксальностью, съ другой — онъ не принадлежалъ къ противникамъ религіознаго обученія. Онъ стремился къ ясности и понятливости, дабы возбудить интересъ у воспитанниковъ, и избѣгалъ принудительнаго заучиванія отдѣльныхъ предложеній, изреченій, такъ какъ они дѣлаютъ воспитанниковъ „слѣпыми, можетъ быть неизлѣчимо слѣпыми". Онъ не хотѣлъ учить словамъ безъ понятій и чувствъ, онъ не хотѣлъ низвести религію и мораль на должность „казенной стражи". Обученіе

должно прежде всего образовать у воспитанника его собственныя нравственныя правила, которыя предупредили бы возможное образованіе и развитіе дурныхъ наклонностей, „такъ какъ естественныя наклонности человѣка сами по себѣ не суть нравственны; не напрасно, не безъ глубокаго значенія говоритъ наша религія о первородномъ грѣхѣ, и именно нравственность своимъ могущественнымъ импульсомъ перемѣщаетъ человѣка изъ его начальной природы въ міръ духовъ“.

Въ концѣ 1799 г. Гербарту пришлось разстаться со своими учениками. Покидая Швейцарію, Гербартъ заѣхалъ въ Бургдорфъ къ великому мастеру школьнаго дѣла Песталоцци, дабы лично ознакомиться съ практикою обученія знаменитаго швейцарца. Песталоцци произвелъ на него сильнѣйшее впечатлѣніе.

Дюжина дѣтей отъ 5-ти до 8-ми лѣтняго возраста были собраны въ необычное для занятій вечернее время. Гербартъ боялся, что они будутъ не въ духѣ, и экспериментъ, для наблюденія котораго онъ пришелъ въ школу, окажется неудачнымъ. Но дѣти явились безъ малѣйшаго признака нежеланія; живая дѣятельность продолжалась равномѣрно до конца. Гербартъ слышалъ „шумъ совмѣстныхъ голосовъ всей школы; нѣтъ, не шумъ, это было созвучіе словъ, также въ высшей степени пріятное, какъ мѣрное пѣніе хора, и также могущественное, какъ хоръ, столь охватывающее и столь приковывающее къ разучиваемому матеріалу“, что Гербарту стоило большихъ усилій, чтобы изъ наблюдателя не превратиться самому въ ученика. Онъ ходилъ позади учениковъ и прислушивался, не молчитъ ли кто-нибудь или не говоритъ ли кто-нибудь небрежно; онъ не нашелъ ни одного. Выговоръ дѣтей былъ весьма пріятенъ его уху, хотя ихъ учитель имѣлъ „непонятнѣйшій во всемъ мірѣ органъ рѣчи“. Такъ какъ швейцарцы тоже не могли научить своихъ дѣтей хорошему произношенію, то Гербартъ слѣдующимъ образомъ объяснилъ наблюденный имъ фактъ: „Совмѣстное произнесеніе словъ въ тактъ само собою приноситъ чистое произношеніе; ни одинъ

слогъ не можетъ быть проглоченъ, каждая буква имѣетъ свое время; и такимъ образомъ дитя, произнося слова постоянно громко — естественною силою голоса, само формируетъ свой выговоръ". О разсѣянности дѣтей при такомъ обученіи не могло быть и рѣчи, такъ какъ всѣ дѣти охвачены общимъ теченіемъ совмѣстной работы. Гербартъ впослѣдствіи, при черченіи геометрическихъ фигуръ на доскѣ, вспоминалъ еще то, какъ умѣло вычерчивали ученики Песталоцци фигуры: „я всякій разъ ругаю свою руку, что она не можетъ такъ твердо проводить прямыя линіи, правильные перпендикуляры, вполнѣ круглыя окружности, какъ это дѣлали шестилѣтнія дѣти".

При этихъ наблюденіяхъ школьной практики великаго мастера Гербартъ выяснилъ себѣ многіе вопросы, чрезвычайно важные въ смыслѣ правильной психологической постановки дѣла обученія, и укрѣпился въ своихъ собственныхъ воззрѣніяхъ. „Чувство яснаго пониманія", говоритъ онъ, „я считалъ уже давно за единственный и естественный корень обученія. И полная, все предусматривающая планомѣрность рядовой послѣдовательности (Regelmässigkeit der Reihenfolge) была для меня величайшимъ идеаломъ, въ чемъ я видѣлъ могущественное орудіе, гарантирующее обученію его правильное дѣйствіе. Какъ разъ правильно отгадать эту рядовую послѣдовательность, этотъ порядокъ и сочетаніе того, что должно быть выучено одновременно и что — одно послѣ другого — все это, по моему мнѣнію, было главнымъ стремленіемъ Песталоцци".

Всѣ эти вопросы, практически рѣшенные геніемъ Песталоцци, Гербартъ сталъ стремиться рѣшить теоретически.

Онъ привелъ ихъ впослѣдствіи въ причинную зависимость съ принципами психологіи и такимъ образомъ возвелъ искусство наглядnаго обученія въ духѣ Песталоцци на степень научной педагогики.

Кромѣ дѣловой стороны въ школѣ Песталоцци, на Гербарта произвела, можетъ быть, еще большее впечатлѣніе ея идейная сторона, о которой Гербартъ позже неоднократно

вспоминалъ съ восторгомъ, не смотря на свой аристократизмъ, именно — стремленіе Песталоцци дать правильное обученіе дѣтямъ людей бѣдныхъ и особенно сиротамъ. „Благо народа“, говоритъ Гербартъ [1]), „есть цѣль всей жизни Песталоцци — благо простого, темнаго люда“.

Изъ Швейцаріи Гербартъ переѣхалъ въ Бременъ, посѣтивъ предварительно Іену и свой родной городъ Ольденбургъ. Въ Бременѣ онъ поселился у своего друга сенатора Шмидта и занялся приготовленіемъ себя къ академической дѣятельности, хотя нѣкоторое время удѣлялъ на подготовку одного молодого человѣка къ университету. Здѣсь онъ сталъ развивать въ частныхъ кружкахъ свои идеи о воспитательномъ обученіи, встрѣчавшія общее сочувствіе, и напечаталъ статью: „Die Ideen zu einem pädagogischen Lehrplan für höhere Studien“ (1801). Здѣсь же онъ написалъ двѣ статьи по поводу сочиненій Песталоцци: Ueber Pestalozzis neueste Schrift: „Wie Gertrud ihre Kinder lehrte“ и „Pestalozzis Idee ABC der Anschauung“.

Послѣднее сочиненіе содержитъ развитіе и дополненіе идей Песталоцци объ основаніяхъ наглядnаго обученія, не только для цѣлей начальной народной школы, но и для высшаго образованія. Гербартъ доказываетъ въ немъ, что способность созерцанія или наглядnаго представленія возможно развивать; онъ опредѣляетъ, далѣе, педагогическое значеніе этой способности и доказываетъ, что ея развитіе есть задача математики. Затѣмъ, онъ весьма пространно развиваетъ свои идеи о громадномъ воспитательномъ значеніи математики не только въ народныхъ школахъ, но и въ гимназіяхъ и даже въ университетахъ.

„Здѣсь (въ матиматикѣ)“, говоритъ Гербартъ, „нѣтъ ничего такого, что не поддается выраженію словами или о чемъ пришлось бы говорить вокругъ да около. . . . Здѣсь, такимъ

1) Эти слова, равно какъ и тексты въ предыдущемъ описаніи посѣщенія Гербартомъ школы Песталоцци, взяты изъ статьи Гербарта: Ueber Pestalozzis Schrift: „Wie Gertrud ihre Kinder lehrte“. Bartolomäi's Ausgabe. Bd. II.

образомъ, слѣдуетъ искать того, чего нельзя нигдѣ найти — именно нити для первоначальнаго обученія дѣтей, которое должно быть въ состояніи, какъ для себя такъ и для всякаго другого обученія, создать авторитетъ, по мановенію котораго разсѣянность исчезала бы, а вниманіе появлялось бы и оставалось постоянно".

Въ этомъ же сочиненіи онъ говоритъ: „Настоящая завершительница воспитанія есть философія, а предотвращать опасности[1]) философіи есть обязанность математики".

Наконецъ, что особенно оригинально въ разсматриваемомъ нами сочиненіи Гербарта, это подробное выясненіе громаднаго значенія ученія о соединеніи предметовъ въ группы (Kombinationslehre), а также значенія другихъ числовыхъ функцій, какъ треугольныхъ, квадратныхъ, пирамидальныхъ и др. чиселъ. Эти числовыя функціи и ихъ связь съ вопросами обученія-воспитанія уже давно приковали вниманіе Гербарта, что видно изъ его письма отъ 28-го октября 1798 г. Мурбеку: „Теперь ищу кругомъ всякія оружія, чтобы поднять тяжелые камни, — анализъ безконечнаго, теорію соединеній, философскую литературу, наблюденіе надъ людьми взрослыми и дѣтьми, и кто знаетъ, что еще многое".

Въ теоріи означенныхъ числовыхъ функцій Гербартъ усматривалъ значительную силу, развивающую дѣтскую фантазію, дающую залогъ элементамъ творчества. Въ этомъ отношеніи теорія числовыхъ функцій прямо противопоставлялась

---

1) Опасности отвлеченнаго философствованія Гербартъ видѣлъ въ дѣйствіи ученія Шеллинга въ „періодъ неспокойныхъ умовъ", о чемъ болѣе подробно говорится въ статьѣ „Ueber die Unangreifbarkeit der Schellingschen Lehre (1813)". Онъ часто повторялъ, что благодаря математикѣ ему удалось достигнуть спокойствія духа, которое нарушалось философскимъ мышленіемъ.

(Это примѣчаніе въ изданіи Бартоломея принадлежитъ Ф. Залльвюрку).

Гербартомъ математическому анализу, который обладаетъ слишкомъ монотоннымъ механизмомъ, правда дающимъ вѣрные результаты, но отнимающимъ всякую возможность охватить умомъ весь процессъ въ его цѣломъ. „Духъ, который желалъ бы самъ углубиться и погрузиться въ сущность (изслѣдованій анализа), отбрасывается въ сторону и гонится по множеству узкихъ и кривыхъ путей; такимъ образомъ теряется чистое, жизнерадостное (heitere) спекулятивное пониманіе, а когда придешь къ цѣли, что выиграешь?“ [1]).

Далѣе, въ противовѣсъ анализу Гербартъ выдвигаетъ новыя изслѣдованія по теоріи соединеній: „Прекраснѣйшимъ примѣромъ улучшенія (математическихъ изслѣдованій), который вполнѣ соотвѣтствуетъ строгимъ систематическимъ требованіямъ, служитъ комбинаторное обоснованіе предложенія о биномныхъ и полиномныхъ выраженіяхъ, которымъ мы обязаны г-ну Гинденбургу“ [2]). Изложенію способовъ этихъ первыхъ элементовъ аритмологіи, впослѣдствіи столь значительно развитой трудами Н. В. Бугаева, Гербартъ посвящаетъ многія страницы какъ въ разсматриваемомъ сочиненіи, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ работахъ. Громадное значеніе, приписываемое Гербартомъ геометрическимъ и комбинаторнымъ упражненіямъ для развитія фантазіи — залога творческихъ способностей воспитанника, особенно ясно изъ словъ Гербарта въ его „Очеркѣ педагогическихъ лекцій“ [3]): „Что способности къ математикѣ наблюдаются не такъ часто, какъ къ другимъ наукамъ, это просто недоразумѣніе, происходящее отъ запоздалаго и небрежнаго обученія началамъ математики. Сверхъ вычисленія пренебрегаютъ обыкновенно комбинаторными и геометрическими началами и пробуютъ де-

1) Bartolomäi'sche Ausgabe. S. 109. Bd. II.

2) Профессоръ математики Лейпцигскаго университета, скончавшійся въ 1808 г. Въ примѣчаніи Бартоломеевскаго изданія Гинденбургъ названъ основателемъ комбинаторнаго метода.

3) Bartholomäi'sche Ausgabe. S. 391. Bd. I.

монстрировать тамъ, гдѣ математическая фантазія еще не разбужена".

Разсматриваемая нами статья Гербарта имѣетъ приложеніе: „Ueber die ästhetische Darstellung der Welt, als das Hauptgeschäft der Erziehung", не имѣющая повидимому причинной связи съ сущностью самой статьи. Но эта связь, однако, существуетъ и имѣетъ громадное научное значеніе: именно гармонія геометрическихъ формъ и комбинаторныхъ операцій служатъ ея основаніемъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще никто изъ многочисленныхъ приверженцевъ Гербарта не обратилъ вниманія на эту важную сторону Гербартовскихъ изслѣдованій, проливающую много свѣта на различные, довольно неожиданные и загадочные выводы геніальнаго философа-педагога. Можетъ быть и самъ Гербартъ не вполнѣ сознавалъ означенную связь и больше чувствовалъ ее наитіемъ своего генія. Изъ послѣдователей Гербарта только Штрюмпель сумѣлъ получить, и то въ неясной формѣ — безъ всякаго видимаго математическаго обоснованія, изъ этихъ важныхъ воззрѣній правильные и значительные выводы, при помощи которыхъ Штрюмпелю удалось установить его знаменитую классификацію педагогическихъ недостатковъ дѣтей.

Мы не будемъ здѣсь подробно развивать аритмологическія основанія весьма смѣлой мысли Гербарта „объ эстетическомъ изображеніи міра, какъ главномъ занятіи воспитанія", нашедшей себѣ блестящее подтвержденіе лишь послѣднее время — въ трудахъ Московской математической школы: объ этомъ вопросѣ мы будемъ подробно говорить въ другой статьѣ — при изученіи педагогическихъ изслѣдованій Штрюмпеля.

Въ маѣ 1802 г. Гербартъ переѣхалъ въ Гёттингенъ съ цѣлію посвятить себя академической дѣятельности. Въ октябрѣ этого же года онъ получилъ степень доктора философіи — именно 22 октября, а 23 октября защитилъ диссертацію „pro venia legendi" на званіе приватъ-доцента, въ которой 11-й тезисъ характеризуетъ все педагогическое направленіе Гербарта:

In liberorum educatione poëseos et matheseos maxima vis est [1]).

Въ зимнемъ семестрѣ 1802—1803 гг. Гербартъ началъ читать свои первыя педагогическія лекціи, начало которыхъ напечатано въ видѣ статьи: „Erste Vorlesungen über Pädagogik“ [2]). Лекціи Гербарта были такъ увлекательны, что аудиторія едва могла вмѣщать всѣхъ его слушателей.

Въ 1805 г. Гербартъ отказался отъ приглашенія на каѳедру въ Гейдельбергскій университетъ и былъ удостоенъ Гёттингенскимъ университетомъ званія экстраординарнаго профессора. Однако вскорѣ послѣ Іенской катастрофы (1807 г.), политическая атмосфера въ центральной части Германіи стала такъ тяжела, что Гербартъ весною 1809 года съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе занять каѳедру Канта въ Кёнигсбергскомъ университетѣ.

Кромѣ лекцій по педагогикѣ, Гербартъ началъ еще въ Гёттингенѣ чтеніе лекцій по нѣкоторымъ отдѣламъ систематической философіи. Здѣсь же — въ Гёттингенѣ онъ началъ впервые излагать свои изслѣдованія по психологіи — въ зимніе семестры 1807—1808 и 1808—1809 гг., хотя въ этихъ изложеніяхъ онъ ограничивался лишь самымъ необходимымъ для пониманія его педагогической системы и притомъ онъ могъ излагать свои психологическія изслѣдованія лишь безъ математическихъ вычисленій, такъ какъ его слушатели по педагогикѣ не были достаточно подготовлены по отдѣламъ математики.

Наконецъ, въ Гёттингенѣ, въ 1805 г., было напечатано Гербартомъ его первое систематическое сочиненіе по педагогикѣ: „Allgemeine Pädagogik aus dem Zweck der Erziehung

---

1) Поэзія и математика составляютъ величайшую силу при воспитаніи дѣтей. Въ своей первой лекціи по педагогикѣ Гербартъ поясняетъ это положеніе тѣмъ, что воспитаніе должно заключаться въ предѣлахъ развитія фантазіи (творчества) ребенка, съ одной стороны, и образованія твердаго характера, — съ другой.

2) Bartolomäi'sche Ausgabe. Bd. II.

abgeleitet“ [1]), въ которомъ его система воспитательнаго обученія изложена уже въ довольно опредѣленной и законченной формѣ.

Въ Кёнигсбергѣ главною обязанностью Гербарта были лекціи философіи. Однако онъ и здѣсь не только не прекратилъ чтенія своихъ лекцій по педагогикѣ, но даже вскорѣ дополнилъ ихъ практическими упражненіями въ основанной имъ педагогической семинаріи съ образцовой школой при ней.

Организаціи педагогической семинаріи при Кёнигсбергскомъ университетѣ много помогло знакомство Гербарта съ управлявшимъ въ то время школьнымъ дѣломъ Пруссіи — Вильгельмомъ ф. Гумбольдтомъ. Послѣдній не только способствовалъ тому, чтобы учебнымъ отдѣломъ министерства были отпущены средства на университетскую педагогическую семинарію, но далъ возможность Гербарту ближе стать вообще къ учебному дѣлу, выхлопотавъ для него назначеніе „членомъ научной депутаціи при учебномъ отдѣлѣ“ и „членомъ испытательной комиссіи въ Кёнигсбергѣ“.

Въ своемъ планѣ педагогической семинаріи Гербартъ излагаетъ свои воззрѣнія на организацію таковой: „Прежде всего необходимо имѣть достаточное число уже подготовленныхъ воспитателей, которые занимались бы съ мальчиками и юношами различныхъ возрастовъ, различныхъ способностей и темпераментовъ, частью замѣчательной безукоризненности (Reinheit), частью съ различными недостатками, частью правильно воспитанныхъ съ самаго ранняго возраста, частью перешедшихъ въ лучшія руки лишь послѣ небрежнаго воспитанія въ раннемъ возрастѣ. . .“.

Въ педагогической семинаріи, организованной Гербартомъ, было два штатныхъ учителя и, кромѣ того, нѣсколько студентовъ, получавшихъ за ихъ занятія съ учениками образцовой школы довольно хорошее вознагражденіе.

Образцовая школа (Uebungsschule) была предназначена для

1) Bartholomäi'sche Ausgabe. Bd. I.

комплекта не свыше 20 учениковъ. Съ 8—10 лѣтними учениками начинали разучивать Одиссею, а затѣмъ Геродота и Ксенофонта. Грамматическія правила ученики подмѣчали сами при чтеніи текста. Послѣ Ксенофонта слѣдовали латинскіе авторы, начиная съ Вергилія и т. д. Самъ Гербартъ преподавалъ естествовѣдѣніе и математику. Преподаваніе математики примыкало къ упражненіямъ наглядnаго представленія (Anschauungsübungen) и послѣдовательно касалось планиметріи, стереометріи, тригонометріи, алгебры до логариѳмовъ, которые излагались при помощи дифференціальнаго исчисленія, затѣмъ — коническихъ сѣченій и нѣкоторыхъ задачъ по механикѣ и астрономіи.

Ученики образцовой школы поступали обыкновенно въ выпускной классъ гимназій, а лучшіе — даже прямо въ университетъ.

Въ Кёнигсбергѣ, въ 1824—1825 гг., Гербартъ издалъ свое знаменитое сочиненіе: „Psychologie als Wissenschaft, neu gegründet auf Erfahrung, Metaphysik und Mathematik, 2 Teile“, положившее начало точнымъ изслѣдованіемъ психологическихъ явленій. Здѣсь же, въ Кёнигсбергѣ, были опубликованы Гербартомъ многія работы по метафизикѣ и практической философіи.

Осенью 1834 г. Гербартъ былъ приглашенъ снова въ Гёттингенскій университетъ и съ удовольствіемъ послѣдовалъ этому приглашенію.

Въ Гёттингенѣ Гербартъ занимался, главнымъ образомъ, своими психологическими изслѣдованіями и опубликовалъ цѣлый рядъ работъ по психологіи, дополнявшихъ его вышеупомянутое главное сочиненіе по этому предмету. Кромѣ того, Гербартъ издалъ здѣсь, въ 1837 г., новое сочиненіе по педагогикѣ: „Umriss pädagogischer Vorlesungen“, въ которомъ онъ изложилъ свою систему воспитательнаго обученія въ еще болѣе законченной формѣ, чѣмъ въ сочиненіи: „Allgemeine Pädagogik aus dem Zweck der Erziehung abgeleitet“. Въ 1841 г. появилось второе изданіе этого выдающагося труда по педагогикѣ.

14-го августа 1841 г. Гербартъ скоропостижно скончался на 66-мъ году своей жизни. Въ 1876 г., ко дню столѣтняго юбилея рожденія Гербарта, ему былъ воздвигнутъ памятникъ въ его родномъ городѣ Ольденбургѣ.

ГЛАВА II.

Педагогическая система Гербарта.

> In liberorum educatione poëseos et matheseos maxima vis est [1]).
>
> И я утверждаю здѣсь, что совершенно не понимаю воспитанія безъ обученія, также какъ и наоборотъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ сочиненіи, не признаю такого обученія, которое не воспитываетъ. Гербартъ [2]).

Добродѣтель (Tugend), говоритъ Гербартъ, есть названіе всей педагогической цѣли сполна. Она состоитъ въ соглашеніи нашей воли съ голосомъ совѣсти. Вслѣдствіе этого педагогика основывается на практической философіи или ученіи о нравственности.

Первичныхъ идей нравственности или основныхъ сужденій совѣсти, по Гербарту, — пять: идея внутренней свободы (die Idee der inneren Freiheit), доставляющая намъ духовное удовлетвореніе и даже удовольствіе при согласіи нашей воли съ нашимъ сужденіемъ о ней; идея совершенства (die Idee der Vollkommenheit), доставляющая намъ духовное удовольствіе при видѣ духовнаго или тѣлеснаго совершенства; идея благоволенія или доброжелательства (die Idee des Wohlwollens), доставляющая намъ духовное удовлетвореніе при соотвѣтствіи нашей воли съ чужою волею; идея права (die Idee des Rechts), побуждающая насъ искать духовное удовлетвореніе въ прекращеніи споровъ и ссоръ; идея возмездія или справедливости (die Idee

1) Поэзія и математика составляютъ величайшую силу при воспитаніи дѣтей. (Тезисъ диссертаціи Гербарта.)

2) Allgemeine Pädagogik, Einleitung.

der Billigkeit), дающая намъ духовное удовлетвореніе, заставляющая насъ мириться съ тѣмъ, что мы получаемъ за наши дѣла, какъ должную плату или какъ должное воздаяніе.

Эти пять первичныхъ нравственныхъ идей находятъ свое конкретное выраженіе въ идеяхъ общественной и государственной жизни, которыя въ обратномъ порядкѣ суть слѣдующія: система возмездія, правовое общество, система управленія, культурная система и, наконецъ, государственная система, согласующая свою власть (внутреннее-свободную волю) съ продуктами своего сужденія о предыдущихъ системахъ.

При школьномъ воспитаніи необходимо осуществлять эти же элементы общественной и государственной жизни, поэтому воспитательное обученіе должно состоять изъ управленія, обученія и воспитанія въ собственномъ смыслѣ (или образованія самостоятельнаго характера).

Управленіе дѣтьми имѣетъ, конечно, большое значеніе для того, чтобы всѣ воспитанники, безъ различія состояній, были подчинены одинаковому порядку и представляли одно живое, но и достаточно дисциплинированное цѣлое.

Сначала управленіе носитъ формальный характеръ и сводится прежде всего къ занятію воспитанниковъ чѣмъ-нибудь, могущимъ ихъ интересовать, а также къ надзору за воспитанниками съ извѣстной системой приказаній, запрещеній, угрозъ наказанія и даже самихъ наказаній. Мѣра наказанія должна быть строго опредѣлена, и самъ виновный долженъ признать ее правильной.

Затѣмъ, управленіе постепенно переходитъ въ начала воспитанія, когда воспитанникъ начинаетъ обсуждать дѣйствія своей воли. При этомъ развивается сначала эстетическое сужденіе, т. е. сужденіе о хорошихъ и дурныхъ поступкахъ на примѣрахъ другихъ лицъ — въ сказкахъ, разсказахъ и т. д. Таковое эстетическое сужденіе необходимо развивать, дабы оно перешло постепенно въ этическое сужденіе о

собственной волѣ, а не сдѣлалось сужденіемъ разсудочнымъ, такъ какъ послѣднее и есть главный источникъ зла. Вѣдь дѣлать добро имѣетъ нравственную цѣну только въ томъ случаѣ, если это дѣлается лишь для добра, а не для какихъ-нибудь утилитарныхъ цѣлей (Притча о мытарѣ и фарисеѣ).

Въ статьѣ „Объ эстетическомъ изображеніи міра, какъ главномъ занятіи воспитанія“ Гербартъ говоритъ (n⁰ 15—19), что первичная необходимость слѣдовать нравственнымъ идеямъ не есть ни логическая, ни нравственная, а эстетическая, такъ какъ нравственныя идеи суть сужденія отношеній (Verhältnissurteile), и имѣть сужденія о нравственныхъ поступкахъ другихъ легче, чѣмъ о своихъ собственныхъ,

Идея совершенства имѣетъ особенное значеніе при воспитаніи, но не вслѣдствіе ея превосходства передъ другими идеями, а вслѣдствіе того, что она находитъ постоянное и непрерывное примѣненіе при укрѣпленіи, направленіи и сдерживаніи молодыхъ силъ еще незрѣлаго человѣка со стороны его воспитателя.

Идеи доброжелательства и права находятъ свое развитіе въ школѣ не только въ учебномъ матеріалѣ, но и практически, если воспитанникъ поставленъ въ правильныя отношенія къ своимъ школьнымъ товарищамъ.

Однако нравственное развитіе въ собственномъ смыслѣ можетъ принять извращенный характеръ: воспитанникъ, выполняя свой долгъ, выполняя съ избыткомъ всѣ требованія обученія, упражненія и внѣшняго поведенія, можетъ вообразить, что онъ дѣлаетъ все, что надо. Вслѣдствіе этого необходимо соединить собственно-нравственное воспитаніе, способствующее правильному самоопредѣленію въ повседневной жизни, съ религіознымъ воспитаніемъ, которое предохраняетъ отъ самомнѣнія, самодовольства. Но и религіозное воспитаніе должно основываться на нравственномъ, иначе оно приводитъ къ ханжеству съ чрезмѣрнымъ самоуничиженіемъ, самопорицаніемъ и съ притворствомъ.

Нравственное развитіе должно начинаться только тогда, когда появилось уже эстетическое сужденіе и нѣкоторыя пра-

вильныя привычки. Точно также и съ религіознымъ развитіемъ не слѣдуетъ слишкомъ спѣшить, но и не надо его безъ нужды откладывать.

Свои научно-религіозныя воззрѣнія Гербартъ особенно ясно выражаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ въ слѣдующихъ словахъ: „Моя психологія не допускаетъ вѣрить въ собственное познаніе Бога чистымъ разумомъ. Теоретическій элементъ вѣры долженъ быть данъ извнѣ, если она только переходитъ за предѣлы простой идеи о Богѣ. Я могу согласиться, что онъ (элементъ вѣры) данъ въ христіанскомъ Откровеніи, однако въ этомъ я не имѣю голоса; но что онъ дается цѣлесообразностью природы, это я утверждаю, какъ вы знаете, самымъ положительнымъ образомъ. Во всякомъ случаѣ, дѣйствительно раціоналистическое утвержденіе, что разумъ будто есть источникъ познанія религіи, мнѣ совершенно чуждо“ [1]).

Такимъ образомъ, религіозное развитіе воспитанника должно основываться на познаніи (Erfahrung) цѣлесообразности природы; отсюда долженъ послѣдній почерпнуть вѣру въ личное могущество и премудрость Творца, отсюда же онъ долженъ почерпнуть мужество и силу для жизненной борьбы, утѣшеніе въ страданіяхъ и неизбѣжной смерти. Исторія Новаго Завѣта должна нормировать эти элементы религіозныхъ воззрѣній воспитанника путемъ духовнаго общенія (Umgang) послѣдняго съ личностями, окружавшими Спасителя.

Для практическаго осуществленія всѣхъ означенныхъ данныхъ практической философіи въ дѣлѣ воспитательнаго обученія необходимо имѣть въ виду, во-первыхъ, общія качества души человѣка, а, во-вторыхъ, — индивидуальныя особенности воспитанниковъ. Слѣдовательно, психологія служитъ вторымъ основаніемъ педагогики; она уясняетъ средства и затрудненія при достиженіи педагогическихъ цѣлей.

---

1) Штрюмпель развилъ и дополнилъ эти воззрѣнія своего учителя въ статьѣ: „Die intellectuellen Verhältnisse der Welt. Ein Versuch der wissenschaftlichen Begründung des Glaubens an das Dasein Gottes“. Leipzig. 1896.

Въ своихъ психологическихъ изслѣдованіяхъ Гербартъ весьма оригиналенъ и является основателемъ математической психологіи. Хотя гипотезы, лежащія въ основѣ его математико-психологическихъ изслѣдованій, подвергались многимъ возраженіямъ, тѣмъ не менѣе категорическихъ опроверженій ихъ не имѣется, а выводы, построенные на нихъ, въ своихъ существенныхъ чертахъ соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ, эти изслѣдованія внесли ясность и простоту въ изученіе чрезвычайно разнообразныхъ психическихъ явленій и ввели психологію въ число точныхъ наукъ. Одинъ изъ главныхъ представителей экспериментальной психологіи, пріобрѣтающей послѣднее время столь большое значеніе, профессоръ Вундтъ самъ заявляетъ, что въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ неоднократно руководился идеями Гербарта. Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется ближе разсмотрѣть гипотезы психологіи Гербарта, когда мы будемъ говорить объ отношеніи изслѣдованій Штрюмпеля къ основамъ Гербартовской психологіи [1]).

Гербартъ впервые возсталъ противъ стариннаго взгляда на человѣческую душу, какъ на агрегатъ различныхъ способностей или силъ души. Онъ считаетъ душу существомъ простымъ — реаломъ и признаетъ только одну способность души — способность къ самосохраненію; эта способность души проявляется въ видѣ представленій всякій разъ, когда на душу дѣйствуютъ какіе-нибудь другіе реалы.

Основныя свойства представленій таковы: однородныя представленія сливаются (verschmelzen), обусловливая бо̀льшую интенсивность новаго сложнаго представленія сравнительно съ интенсивностью каждаго изъ прежнихъ; диспа-

1) Правильные, хотя весьма кратко изложенные, взгляды на психологію Гербарта и связь ея съ экспериментальной психологіей и съ изслѣдованіями аритмологическими Н. В. Бугаева читатель найдетъ въ статьѣ Н. Шишкина „О детерминизмѣ въ связи съ математической психологіей“. Вопросы философіи и психологіи. Кн. 8. 1891 г.

ратныя представленія, получаемыя отъ одного предмета, но при помощи различныхъ органовъ чувствъ, образуютъ союзы (Compexionen), укрѣпляющіе ихъ въ борьбѣ съ другими представленіями (примѣрами такихъ союзовъ могутъ служить союзы представленій предметовъ и ихъ названій, союзы мотивовъ пѣсенъ и ихъ содержаній и т. д.); противоположныя представленія задерживаютъ (hemmen) другъ друга въ мѣрѣ, сообразной степени ихъ противоположности, и слѣдовательно ихъ интенсивности взаимно уменьшаются. Если a и b суть интенсивности двухъ сполна противоположныхъ представленій, и $a > b$, то сумма погашенія интенсивностей равна b, причемъ погашенія x и y интенсивностей обратно пропорціональны a и b, т. е. $x : y = b : a$; а такъ какъ $x + y = b$, то

$$x = \frac{b \cdot b}{a + b}, \quad y = \frac{b \cdot a}{a + b}.$$

Если интенсивность какого-нибудь представленія вслѣдствіе задержки другими спускается до нуля, то говорятъ, что представленіе стремится упасть ниже порога сознанія.

Если имѣется нѣсколько представленій съ опредѣленными интенсивностями, то возможно вычислить степени задержки каждаго изъ нихъ другими, а также и окончательныя величины ихъ интенсивностей, когда они придутъ въ равновѣсія. На этомъ построена Гербартова статика представленій. Но, кромѣ того, Гербартъ разсматриваетъ и состоянія борющихся представленій въ ихъ послѣдовательномъ теченіи, что приводитъ его къ механикѣ представленій. Особенно хорошо обработаны эти изслѣдованія Гербарта въ сочиненіи: „Erste Grundlegung der mathematischen Psychologie (Leipzig. 1850)“ одного изъ послѣдователей Гербарта — профессора математики Дробиша.

Въ этомъ сочиненіи доказываются, между прочимъ, такія важныя предложенія: 1) если имѣется два представленія, то какъ бы одно изъ нихъ не превосходило другое по силѣ интенсивности, оно не можетъ вытѣснить послѣднее изъ сферы

сознанія (стр. 64). 2) При трехъ представленіяхъ съ интенсивностями a, b, c, слабѣйшее спускается ниже порога сознанія въ томъ случаѣ, если ея интенсивность

$$c < b \sqrt{\frac{a}{a+b}}.$$

При этомъ замѣчательно то обстоятельство, что два сильнѣйшихъ представленія погашаютъ другъ друга вообще менѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда исчезнувшее представленіе совсѣмъ не имѣло бы мѣста (стр. 73). 3) Въ союзахъ подобныхъ диспаратныхъ представленіяхъ (a и α, b и β, если $a : \alpha = b : \beta$) сильнѣйшія по контрасту части теряютъ вообще меньше въ своей интенсивности, чѣмъ отдѣльныя представленія безъ союза, а слабѣйшія по контрасту части теряютъ больше (стр. 101 и слѣд.).

Вычисленія, дающія эти и многія другія теоремы психологіи Гербарта, отличаются довольно элементарнымъ характеромъ и весьма изящны по формѣ. Хотя числовыя характеристики въ этихъ изслѣдованіяхъ и не имѣютъ матеріальнаго значенія, но результаты получаются согласными съ дѣйствительностью. Здѣсь мы имѣемъ случай формальной связи психическихъ явленій и числовыхъ зависимостей, дающій возможность изслѣдовать нѣкоторыя стороны, конечно далеко не всѣ, психическихъ явленій. Подобная формальная зависимость разсматривается между алгебраическою формою и ея символическимъ представленіемъ и составляетъ предметъ символической теоріи инваріантовъ, принесшей въ короткое время громадную пользу изслѣдованіямъ новой алгебры. Собственно говоря и аксіомы геометріи имѣютъ также формальный характеръ, о чемъ подробно изложено въ статьѣ бывшаго профессора Московскаго университета В. Я. Цингера: „Недоразумѣнія во взглядахъ на основанія геометріи“ [1]).

---

1) См. „Вопросы философіи и психологіи“. Кн. 22. Москва, 1894. Также въ моемъ сочиненіи: „Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма московской математической школы“, стр. 55—57. Юрьевъ. 1905.

Въ механикѣ представленій Дробишъ доказываетъ (стр. 190 и слѣд.) весьма интересныя свойства такъ называемыхъ свободно-поднимающихся представленій, идея которыхъ принадлежитъ Гербарту сполна. Дѣло въ томъ, что въ борьбѣ представленій можетъ случиться уничтоженіе задержекъ какихъ-нибудь старыхъ представленій, опустившихся ниже порога сознанія. Тогда эти представленія свободно поднимаются въ область сознанія, при чемъ имѣетъ мѣсто предложеніе: если два или три представленія свободно поднимаются, то они, достигая равновѣсія, имѣютъ высшую степень интенсивности, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда они получаются извнѣ, при помощи органовъ чувствъ, и приходятъ во взаимное равновѣсіе, погашая другъ друга. Такимъ образомъ представленія, появляющіяся изнутри нашего душевнаго міра, относятся другъ къ другу болѣе миролюбиво, чѣмъ представленія, получаемыя изъ внѣшняго міра. „Въ мірѣ мыслей“, говоритъ Гербартъ, „элементы сталкиваются не такъ злобно (arg), какъ въ дѣйствительности. Міръ мыслей всегда содержитъ кое-что фантастичное, сказочное, похожее на сонъ сравнительно съ жесткостью, строгостью, шероховатостью внѣшняго опыта“.

Всѣ эти соображенія являются результатомъ истолкованія дифференціальныхъ уравненій интенсивностей s', s'', s''' свободно поднимающихся представленій.

Итакъ, основнымъ душевнымъ актомъ по Гербарту является представленіе. Всѣ остальные акты суть комбинаціи и соотношенія представленій: подавленное представленіе обусловливаетъ стремленіе, желаніе; желаніе, сопровождаемое представленіемъ достижимости предмета желанія, есть воля; господство сильнѣйшихъ группъ представленій надъ отдѣльными состояніями побужденій есть свобода воли; сочетаніе представленій въ группы и ряды съ ихъ взаимными воздѣйствіями образуетъ такъ называемыя познавательныя способности память, разсудокъ и разумъ. Но кромѣ разсудочной оцѣнки представленій и слагающихся изъ нихъ понятій, существуетъ еще оцѣнка эстетическая, пере-

ходящая въ этическую (нравственная красота). При эстетической оцѣнкѣ играетъ роль не содержаніе предмета, а его форма или его отношеніе къ другимъ предметамъ или ритмъ взаимныхъ отношеній нѣсколькихъ предметовъ и явленій, какъ, напримѣръ, въ музыкѣ. Наконецъ, существуетъ еще оцѣнка религіозная, или вѣра въ Бога, образующаяся при созерцаніи природы и при видѣ несомнѣнной цѣлесообразности жизни организмовъ [1]), — цѣлесообразности, которую нельзя считать ни случайностью, ни самообманомъ и которую можно объяснить только присутствіемъ высшаго, божественнаго Разума.

Познакомившись въ общихъ чертахъ съ практической философіей и психологіей Гербарта, мы перейдемъ теперь къ его педагогикѣ.

Какъ мы уже раньше замѣтили, цѣлью всѣхъ педагогическихъ стремленій, по Гербарту, служитъ добродѣтель и образованіе твердаго религіозно-нравственнаго характера; поэтому обученіе должно быть существеннымъ орудіемъ воспитанія. „Я совершенно не понимаю“, говоритъ Гербартъ (Allgemeine Pädagogik. Einleitung), „воспитанія безъ обученія какъ и, наоборотъ, не признаю такого обученія, которое не воспитываетъ Какимъ искусствамъ и умѣніямъ обучается молодой человѣкъ ради простой выгоды у учителя также безразлично воспитателю какъ и цвѣта, выбранные для его платья. Но то, какъ формируется его кругозоръ (Gedankenkreis = кругъ мыслей), составляетъ все для воспитателя, потому что изъ мыслей являются чувствованія и отсюда житейскія правила, способы дѣйствованія“. Далѣе, Гербартъ говоритъ: „Только тогда будешь имѣть воспитаніе въ своей власти, когда сумѣешь ввести въ юную душу одинъ большой и внутренне связанный во всѣхъ своихъ частяхъ кругозоръ, который можетъ превозмочь въ окружающемъ все неблагопріятное и усвоить все благопріятное“.

---

1) См. въ моей статьѣ „Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма Московской математической школы“, стр. 32 и 36. Юрьевъ. 1905.

Итакъ, по Гербарту, слѣдуетъ заботиться объ образованіи у воспитанника путемъ обученія единаго, связаннаго во всѣхъ своихъ частяхъ и по возможности обширнаго кругозора, изъ котораго проистекали бы нравственныя стремленія. Если кругозоръ разорванъ или образуетъ нѣсколько замкнутыхъ въ себѣ группъ мыслей, то получается колеблющійся, неустойчивый характеръ и слабая воля.

Единство сознанія есть примитивнѣйшее условіе характера. Все это вытекаетъ изъ Гербартовскаго воззрѣнія на волевыя стремленія, какъ на результатъ взаимоотношеній представленій. Хотя единство и неизмѣнность существа души много способствуетъ объединенію міра представленій, тѣмъ не менѣе обученіе должно тоже помогать этому объединенію.

Для достиженія означенной педагогической цѣли путемъ обученія необходимо, чтобы сообщаемыя знанія не ложились въ душу неподвижнымъ бременемъ, но согрѣвали бы чувства воспитанника и побуждали его къ самостоятельнымъ заключеніямъ и къ примѣненію знаній, т. е. сообщаемыя знанія должны вызывать у воспитанника интересъ, и при томъ интересъ многосторонній, а не узкій, односторонній.

Въ чемъ же заключается многосторонность интереса, вызываемаго обученіемъ?

Во-первыхъ, изученіе внѣшнихъ предметовъ даетъ опытный интересъ; во-вторыхъ, изученіе причинныхъ взаимоотношеній предметовъ и явленій даетъ спекулятивный интересъ; въ-третьихъ, оцѣнка отношеній предметовъ со стороны понятія красоты даетъ эстетическій интересъ. Изъ отношеній внутренняго міра человѣка къ другимъ живымъ существамъ и къ непонятному въ природѣ являются интересы: симпатическій, общественный и религіозный.

Благодаря такому значенію интереса, выдвинутаго Гер-

бартомъ на первый планъ въ практикѣ обученія, совершенно исчезаетъ изъ школы рутина образовательной дрессировки, и исканіе новыхъ знаній признается органическою потребностью воспитанниковъ.

Дальше, является вопросъ, какъ организовать преподаваніе, чтобы оно дѣйствительно возбуждало у воспитанника всѣ эти части многосторонняго интереса.

Новыя представленія, доставляемыя обученіемъ, только тогда возбудятъ интересъ, если они находятъ въ душѣ ребенка кое-что похожее, родственное, если они соотвѣтствуютъ степени развитія усваивающей способности ребенка. Поэтому обученіе должно примыкать къ повседневному опыту и наблюденію ребенкомъ окружающей его природы (Erfahrung) — съ одной стороны, и къ его участію въ общественной жизни (Umgang) — съ другой; это второе особенно важно, и обученіе правильнымъ отношеніямъ воспитанника къ его родному обществу должно стоять на первомъ планѣ.

Наиболѣе соотвѣтствуетъ цѣли воспитательнаго обученія[1]) — заставить ребенка принять горячее участіе въ исторической созидательной работѣ генія своего народа, начиная со сказочной эпохи, съ эпохи дѣтства народа, которая, конечно, наиболѣе близка и родственна душѣ ребенка. Затѣмъ, послѣдовательно переходить къ болѣе новымъ эпохамъ, съ болѣе сложными взаимными отношеніями историческихъ дѣятелей. Параллельно съ преподаваніемъ отечественной исторіи должно идти преподаваніе священной исторіи и даже стоять во главѣ всего воспитательнаго обученія, потому что изъ знакомства воспитанника съ дѣятельностью библейскихъ личностей послѣдній долженъ са-

1) Здѣсь имѣется въ виду общее народное обученіе, для цѣлей котораго система Гербарта была особенно детально разработана Циллеромъ, Дёрпфельдомъ и другими послѣдователями Гербарта.

мостоятельно выводить правила житейской мудрости, а отечественная исторія введетъ его въ видоизмѣненіе этихъ универсальныхъ правилъ у родного народа, примѣнительно къ духу послѣдняго.

Циллеръ распредѣлилъ преподаваніе священной и отечественной исторіи по восьми культурнымъ ступенямъ (соотвѣтственно восьми классамъ народной школы), слѣдующимъ образомъ:

1. Сказки. (Подготовительная ступень — съ преобладаніемъ дѣятельности фантазіи.)

2. Приключенія Робинзона. (Подготовительная ступень — переходъ отъ дѣятельности фантазіи къ элементарной практической жизни.)

3. Время патріарховъ. Тюрингенскія сказанія. (Начало общественной жизни съ авторитетомъ внутри ея.)

4. Время судей. Сказанія о нибелунгахъ. (Свободныя стремленія внутри авторитета.)

5. Время царей. Германскіе императоры. (Признаніе нравственнаго порядка и подчиненіе его авторитету.)

6. Жизнь Іисуса Христа. Время реформаціи. (Знакомство съ высшимъ авторитетомъ и пріобрѣтеніе любви къ нему.)

7. Исторія Апостоловъ. Освободительная война. (Работа для себя самого подъ покровительствомъ высшаго авторитета.)

8. Догматы религіи. Возстановленіе имперіи. (Работа для общества подъ покровительствомъ высшаго авторитета.)

Ко всему этому должно примыкать изученіе классическихъ литературныхъ произведеній, завершающее циклъ предметовъ образованія чувствованій наклонностей, убѣжденій (Gesinnungsunterricht). Затѣмъ, пѣніе, рисованіе и моделированіе составляютъ циклъ предметовъ для обученія искусствамъ (Kunst-Unterricht). Наконецъ, родной языкъ и иностранные языки составляютъ циклъ пред-

метовъ для изученія формальной стороны историческаго матеріала, который становится особенно близкимъ воспитаннику черезъ это изученіе формъ выраженій мыслей и идей. Всѣ эти предметы составляютъ первую и самую важную группу предметовъ для образованія у воспитанника широкаго религіозно-нравственнаго кругозора; они называются историко-гуманитарными предметами.

Вторую группу образуютъ науки естественныя: географія, естествознаніе и математика.

Насколько первая группа научаетъ человѣка ограничивать свои дѣйствія въ цѣляхъ, настолько вторая — указываетъ рамки для избранія реальныхъ, существующихъ въ природѣ средствъ при достиженіи этихъ цѣлей.

Наконецъ, намъ остается указать, какимъ образомъ учебный матеріалъ долженъ быть переработанъ, дабы онъ сообщалъ воспитаннику не мертвыя знанія, а дѣятельныя, стремящіяся къ немедленному примѣненію и вліяющія на волю воспитанника. Этотъ вопросъ рѣшается при помощи концентраціонной идеи и формальныхъ ступеней Гербарта, разработанныхъ впослѣдствіи Циллеромъ и Стоемъ.

Концентраціонная идея заключается въ томъ, чтобы знанія, сообщаемыя различными предметами, находились между собою во взаимной связи и расширялись бы по концентрическимъ кругамъ. Такимъ образомъ у воспитанника въ каждый данный моментъ будетъ цѣльный замкнутый кругозоръ. Для этой цѣли, вслѣдствіе совѣтовъ Гербарта, въ тѣхъ училищахъ Пруссіи, гдѣ нѣтъ возможности сосредоточить преподаваніе всѣхъ предметовъ въ классѣ у одного учителя, существуютъ и до сего времени классные ординаріусы, заботящіеся о связи между различными предметами, преподаваемыми въ классѣ. Отзвукомъ этого было учрежденіе у насъ института классныхъ наставниковъ, дѣятельность кото-

рыхъ, впрочемъ, по существу не имѣетъ ничего общаго съ концентраціонной идеей Гербарта.

Формальныя ступени обученія вытекаютъ изъ психологическаго ученія о познавательныхъ способностяхъ человѣка, которое показываетъ, что всякое познаніе имѣетъ своимъ основаніемъ наглядное воспріятіе (Anschauung), или вообще воспріятіе при помощи внѣшнихъ чувствъ [1]). Только отъ такого чувственнаго воспріятія познаніе восходитъ къ понятіямъ — какъ было сказано Кантомъ: „понятіе безъ представленія пусто“ [2]), но имъ же было прибавлено: представленіе безъ понятія слѣпо“, ибо при простомъ представленіи отдѣльныхъ вещей и явленій — безъ всякой абстракціи, безъ всякой систематизаціи, мы не имѣемъ никакой руководящей нити, никакого плана. Ко всему этому надо прибавить, что понятіе безъ многократныхъ примѣненій мертво и неплодотворно. Такимъ образомъ мы приходимъ къ тремъ формальнымъ ступенямъ обученія: 1) ступень наглядности и ясности, 2) ступень образованія понятій, 3) ступень метода или примѣненія.

Дальнѣйшія психологическія соображенія могутъ дать намъ основаніе раздѣлить 1-ую ступень еще на двѣ. Дѣло въ томъ,

---

1) Нѣмецкій терминъ „Anschauung“ буквально означаетъ созерцаніе, но въ нѣмецкой педагогической литературѣ онъ получилъ болѣе широкое значеніе — вообще воспріятія при помощи внѣшнихъ чувствъ, или какой бы то ни было наглядности, ясности. T. Wiget въ сочиненіи „Die formalen Stufen des Unterrichts (Chur. 1905, стр. 11) подъ словомъ Anschauung подразумѣваетъ, слѣдуя Песталоцци, „всякое представленіе о фактѣ внѣшняго и внутренняго міра“.

2) Много и подробно излагалъ Н. В. Бугаевъ о значеніи при школьномъ обученіи правильнаго развитія органовъ внѣшнихъ чувствъ воспитанниковъ, дабы у послѣднихъ представленія, а слѣдовательно и понятія и сужденія имѣли „реальное содержаніе и конкретныя формы“. (См. Труды Высочайше утвержд. комиссіи по преобразованію среднихъ учебн. заведеній или мое сочиненіе: „Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма московской математической школы“, стр. 41—44. Юрьевъ, 1905.

что новыя представленія усваиваются только тогда, когда среди старыхъ имѣются родственныя имъ представленія. Поэтому 1-ую ступень можно разложить на анализъ, который пробуждаетъ въ сознаніи воспитанника представленія, родственныя новымъ, уясняетъ и распредѣляетъ ихъ, и синтезъ, который дополняетъ, расширяетъ и углубляетъ прежнія знанія воспитанника новыми данными.

Точно также психологическія соображенія приводятъ насъ къ тому заключенію, что не всякое знаніе, а только знаніе, систематизированное и имѣющее внутреннюю связь своихъ частей, можетъ правильно функціонировать, т. е. побороть вредныя представленія, усвоить полезныя, возбудить стремленіе къ добру, истинѣ и прекрасному, обусловить сильную волю и твердый религіозно-нравственный характеръ. Вслѣдствіе этого 2-ую ступень надо разложить на двѣ: на ассоціацію, которой мы обязаны образованіемъ понятій, и на систематизацію, приводящую понятія въ надлежащій порядокъ и послѣдовательность.

Такимъ образомъ, при сообщеніи воспитаннику учебнаго матеріала, слѣдуетъ пользоваться пятью формальными ступенями Гербарта-Циллера, приводимыми на слѣдующей таблицѣ:

		A. Усвоеніе.	
I. Созерцать.	1. Ясность.	1a. Анализъ.	1. Подготовка.
		1b. Синтезъ.	2. Сообщеніе.
		B. Отвлеченіе.	
II. Думать.	2. Ассоціація.		3. Сравненіе.
	3. Систематизація.		4. Установленіе связи понятій.
III. Примѣнять.	4. Методъ. (Функція.)		5. Приложеніе.
Песталоцци.	Гербартъ и Циллеръ.		Рейнъ.

Послѣдователи Гербарта пользуются еще мнемоническимъ средствомъ для представленія его педагической системы въ главныхъ чертахъ при помощи слѣдующей схемы:

1) одна цѣль (добродѣтель),

2) двѣ вспомогательныхъ науки (практическая философія и психологія),

3) три вида воспитательной дѣятельности (управленіе, обученіе, воспитаніе въ собственномъ смыслѣ),

4) четыре формальныхъ ступени (ясность, ассоціація, систематизація и методъ),

5) пять нравственныхъ идей (внутренней свободы, совершенства, благоволенія, права и воздаянія),

6) шесть видовъ интереса (опытный, спекулятивный, эстетическій, симпатическій, общественный и религіозный).

Если сравнить научно-педагогическую дѣятельность Гербарта съ дѣятельностью его знаменитыхъ предшественниковъ — Коменскаго и Песталоцци, то прежде всего надо признать, что Гербартъ создалъ замѣчательно точную научную форму педагогики. Не только психологія Гербарта зиждется на точныхъ математическихъ основахъ, но и вся его педагогическая система носитъ характеръ математической науки: такъ образцово намѣчены въ ней основные принципы, изъ которыхъ, подобно тому какъ въ математикѣ изъ аксіомъ, дедуктивно выводится вся стройная система его педагогики. Далѣе мы увидимъ, что и вторая вспомогательная наука Гербартовской педагогики — его практическая философія и вообще всѣ педагогическія воззрѣнія Гербарта имѣютъ также математическія основы и суть ни болѣе, ни менѣе, какъ строго послѣдовательные выводы изъ математической идеи о прерывной закономѣрности въ примѣненіи къ явленіямъ нравственнаго порядка. Хотя Гербартъ въ своей психологіи и впалъ въ матеріализмъ, но и это онъ сдѣлалъ можетъ быть даже преднамѣренно, желая на первыхъ порахъ для математизаціи психологіи ограничиться, какъ выражаются математики, первыми приближеніями въ области психическихъ явленій. Вслѣдствіе этого онъ рѣзко разграничилъ свою математическую психологію отъ ученія о нравственныхъ мотивахъ психическихъ явленій — отъ своего ученія о пяти

практическихъ идеяхъ, введеніе которыхъ въ психологію попытался выполнить Штрюмпель.

Во-вторыхъ, весьма важно и то, что Гербартъ обратилъ особое вниманіе на образованіе воли и характера воспитанника и указалъ педагогическія средства для этого, тогда какъ его предшественники сосредоточивали ихъ вниманіе главнымъ образомъ на развитіи чувствъ и разума воспитанника.

Въ-третьихъ, Гербартъ замѣчательно подробно развилъ ученіе о представленіяхъ, что привело его къ выясненію психологическихъ процессовъ усвоенія, къ идеѣ о многостороннемъ интересѣ, къ формальнымъ ступенямъ обученія и къ концентраціонной идеѣ, благодаря чему явилась возможность сообщать воспитаннику такія знанія, которыя не лежали бы въ душѣ тяжкимъ бременемъ, а побуждали бы воспитанника къ самостоятельному и къ самодѣятельному примѣненію этихъ знаній и сообщали бы характеру воспитанника нравственную устойчивость.

Наконецъ, Гербартъ, вопреки господствовавшему въ то время раціонализму, сумѣлъ выдвинуть на первый планъ своей научной педагогики религіозный элементъ, поставивъ его во главѣ предметовъ для образованія чувствованій, наклонностей, убѣжденій и осуществивъ при его помощи свою концентраціонную идею на практикѣ.

Проф. В. Алексѣевъ.